

ОХОТА

и охотничье хозяйство

3

2014

2014
№3

Выставки охотничьих собак. Что делать?

Валерий БЕДЕЛЬ

В 1947 году известный кинолог А.П. Мазовер в книге «Экстерьер и породы служебных собак» писал: «В капиталистических странах работа в области собаководства носит формальный, абстрактный характер, ей придан коммерческий уклон, элементы спорта переплетаются в ней с торговлей собаками, барышничеством и всем связанным с этим... Эксперты-кинологи за границей в своей экспертизе часто зависят от крупных питомников собак и фирм, торгующих собаками, и работают на них; иногда они сами являются владельцами крупных питомников и используют выставки собак для рекламы своих собак и торговли ими...»

Отсутствие за границей единой методики и единых установок экспертизы собак дают возможность каждому эксперту-кинологу культивировать свой «идеал породы», а условия буржуазных выставок, являющихся аренной борьбой крупных заводчиков собак, служат почвой, на которой появляются модные типы, калечащие породы собак и идущие вразрез с производственным их использованием».

Как видно, картина, нарисованная Мазовером для буржуазного общества, вполне совпадает с той, которую мы наблюдаем сейчас в нашей стране. Коммерциализация собаководства, раздвигание в кинологических объединениях, отсутствие единых нормативных документов ведения пород, различная методика экспертизы и низкий ее уровень, вкусовщина, декоративизация собак, падение их пользовательных качеств — все это нам дало членство в FCI и ситуация в стране.

При этом как выход из создавшегося положения нам все чаще и все настойчивее предлагают полностью перенять опыт Запада во всем, касающемся собаководства, и не морочить людям голову «совковыми» представлениями о кинологии. Среди охотников особенно в этом преуспел один «национальный эксперт уровня САС» из Поволжья. Он упорно пропагандирует «перевод отечественного охотничьего собаководства на международные рельсы» с принятием декоративного шоу-метода оценки собак на выставках и переводом комплексной оценки собак в клубы.

Очевидно «национальному эксперту уровня САС» неведомо, куда ведут «международные рельсы», а ведь они могут привести и иногда приводят в тупик. Вот один пример.

В свое время в Германии при анализе поголовья немецких овчарок выяснилось, что в результате декоратив-

ного шоу-разведения из 16 тысяч осматриваемых собак только 18 % оказались более или менее пригодными для племенного использования. Это был тупик, и немцы из ФРГ схватились за голову.

Начиная с 1946 года Объединение любителей немецких овчарок (Schäferhund Verein, SV) вводит обязательность для племенных собак сдачи экзамена по программе «шүцхунд» (Schützhund, собака-защитник) с присуждением дипломов трех степеней. Для лучших собак, уже выполнивших программу «собака-защитник» и претендующих на звание лучших производителей, организуются отборочные испытания типа «кёрунг» (Körung — племенной отбор), служащие пропуском в выставочный класс «элита» (Vorzuglicht Auslese, VA). Это звание присуждается только на крупных монопородных выставках немецких овчарок, экспертизу на которых проводят только эксперты Объединения SV. Эксперт на выставке, расставив ринг и оценив собак по экстерьеру, пользуясь данными родословной (качество предков, качество потомков, отметкой о сдаче тех или иных рабочих испытаний), относит собаку к тому или иному классу. Впоследствии, совсем недавно, немцы пошли еще дальше: был введен коэффициент племенной ценности «цухтворт» (Zuchtwert), ограничивающий допуск собак в элиту на основании анализа ДНК собаки, результатов ее обследования на дисплазию и качества родословной по этим показателям. Вот как должны действовать настоящие собаководы, озабоченные судьбой любимой породы, а не бездумно «вставать на международные рельсы». Шоу-чемпиона мира, если он не прошел всех необходимых испытаний, члены SV в грош не ставят. Кстати, по поводу всех этих чемпионов и «лучших» хорошо сказал в открытой беседе один из известных зарубежных шоу-экспертов: «К сожалению, место собаки в ринге довольно часто определяется не ее достоинствами или недостатками, а длиной юбки девушки-хендлера».

Система выставочной бонитировки, подобная немецкой, была внедрена в России в 1952 году; она, следовательно, отнюдь не является нашим изобретением, отнюдь не является проявлением «лысенковщины в собаководстве», как лживо утверждал когда-то кинолог В.Г. Гусев, а сейчас утверждают его апологеты, в том числе и «уровня САС». Академик Т.Д. Лысенко не имел абсолютно никакого отношения к собаководству в ФРГ.

Хочется спросить упомянутого САС-эксперта, чем немецкие принципы выставочной оценки отличаются от нашей комплексной оценки на выставках? Возможно, он ответит, что Германия — исключение. Ничего подобного. Десять лет назад, по имеющимся сведениям, во Всемирном союзе клубов любителей немецких овчарок (WUSV) состояли 74 кинологических объединения из 63 стран. И все они приняли обязательство работать только по методике немецких кинологов.

Именно так, или почти так, развивалось охотничье собаководство и в нашей стране до известных событий 1990-х годов, включая присоединение к FCI. А потом мы постепенно подошли к тому, что описано в начале статьи.

Сейчас охотничьи собак показывают в России на выставках двух типов: организуемых обществами охотников и на так называемых сертификатных. В чем их отличие? Самое главное в том, что первые проводят на проверенных временем зоотехнических принципах отбора, а вторые этим принципам чужды. Смело можно сказать, что сертификатные выставки имеют к зоотехнии и животноводству такое же отношение, как и выставки кастрированных котов (а теперь и такие проводятся) или аквариумных рыбок. Это игра для скучающих от безделья взрослых людей, безразличных к судьбе пород и собаководству в целом, интересующихся только званиями своей собаки и возможностями подороже продать щенков.

На охотничьих выставках эксперт обязан дать подробное, зоотехнически грамотное описание всех без исключения собак в ринге, а не нескольких лучших, как на выставках сертификатных. На основании тщательной экспертизы по конституции и экстерьеру большого числа собак он может выявить намечающиеся сдвиги в породе как положительные, так и отрицательные, чего лишен возможности сделать эксперт на шоу-выставках, да это и не входит в его задачу. Как правило, шоу-эксперт непременно отмечает, что «поголовье за несколько лет улучшилось» (попробуй он скажи, что ухудшилось, его просто больше не пригласят судить).

На охотничьих выставках эксперт обязан рассказать каждому владельцу собаки по его просьбе, почему его питомец занял именно это место в ринге, а не какое-либо другое. Этого отнюдь не обязан делать шоу-эксперт, да и вряд ли он решится сказать откровенно, что, допустим, данная собака отличается по типу от собак его собственного питомника или, наоборот,

хорошо соответствует ему, что и определило ее место. И если учесть, что большинство экспертов на шоу-выставках, как правило, модные заграничные владельцы питомников, то вкусовщины тут никак не избежать.

Охотничьи выставки, в отличие от выставок-шоу, являются орудием племенного отбора. Их цель — выявление племенных собак на основании комплексной их оценки с присуждением классности именно на выставке, когда это публично делает авторитетный эксперт. Цель же шоу-выставок — присвоить собакам как можно больше всяких званий, начиная от чемпионов, кандидатов в чемпионы и кандидатов в кандидаты до неимоверного числа всяких «лучших», то есть потешить самолюбие владельцев. Игра она и есть игра, но игра, ведущая продуктивное собаководство в пропасть.

Не допустить этого — наша задача. Охотничьи выставки должны всячески пропагандироваться как единственное, что может сохранить в стране породное продуктивное охотничье собаководство, уберечь собак от декоративизации и вырождения. Нужно разъяснять охотникам, что сертификатные выставки — путь в никуда. Нужно улучшать организационную сторону охотничьих выставок, делать их привлекательными.

К сожалению, приходится отмечать, что в деле организации охотничьих выставок в последнее время наметились отрицательные тенденции. Как они проходили сравнительно недавно, например, в Москве? Выставка была праздником, она начиналась парадом участников с непрямым подъемом на флагшток флага общества и докладом коменданта выставки председателю выставкома о готовности выставки к открытию. Во время парада по выставочному радио представлялись породы и эксперты. Далее шли объявления о распорядке выставки и звучал приказ экспертам начать работу на рингах. По завершении работы экспертных комиссий выстраивался парад лучших собак, на котором главный эксперт докладывал посетителям о результатах выставки и поименно называл

победителей. Здесь же владельцам победителей в торжественной обстановке под звуки духового оркестра вручали призы, а районным обществам, занявшим первые места — почетные дипломы. Выставки украшались растяжками с приветствиями участникам и гостям, многочисленными стендами о работе с собаками в МОИП. Ничего этого теперь уже нет, и московская выставка стала выглядеть как рядовая районная. Крупнейшая в стране выставка охотничьих собак превратилась в мероприятие для галочки.

Могут сказать, что торжественность или заурядность никак не влияют на результаты выставок. Согласиться с этим нельзя. Торжественность привлекает. Для собаковеда выставка — праздник. Когда человек видит, что, по сути, ради него преодолены многочисленные организационные трудности, что его, охотника-собаковеда, уважают, он гораздо более охотно пойдет на выставку. А если его собаку публично объявят победителем и наградят призом, то это надолго останется у него в памяти. Люди шли на выставки семьями, прихватив родных и знакомых, чтобы полюбоваться на свою собаку, идущую в колонне парада. Если же охотнику молчком сунут приз на ринге, то разочарование неизбежно. И это, наряду с другими причинами, в какой-то степени определенно сказалось на численности выставляемых в Москве собак: за последние 15 лет она сократилась вдвое.

Улучшение работы по собаководству, предоставление охотникам-собаковедам всяческих льгот, освобождение их от платы за трудоустройство, снижение для членов общества стоимости записи собак на выставки вплоть до полной отмены ее — вот некоторые из первых необходимых шагов. Пора перестать смотреть на охотника-собаковеда как на источник доходов. Следует понять, что сохранение, вернее даже, спасение охотничьих собак в современных условиях, недопущение утраты ими эстерьерных и пользовательных качеств — одна из основных задач обществ охотников в настоящее время.

Охотники из Ярославской области сообщают, что в разработанном у них бланке заявления на выдачу разрешения на добычу охотничьих ресурсов обязательно надо указывать свое согласие на обработки персональных данных, включающих в себя фамилию, имя, отчество, телефон (рабочий, мобильный), год рождения, адрес места работы, должность. При этом делается ссылка на ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152 — ФЗ «О персональных данных». Обоснованы ли такие требования?

Такие требования не основаны на действующем законодательстве. В Федеральном законе «Об охоте...» ст. 30 перечисляются сведения, которые указываются в разрешении на добычу охотничьих ресурсов. Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2013 г. № 201 — ФЗ, в разрешении теперь должны указываться только фамилия, имя, отчество охотника, дата выдачи охотничьего билета и его учетные серия и номер. Сведения об охотнике, перечисленные в бланке заявления, содержатся в государственном охотхозяйственном реестре. В ст. 37 названного закона (п. 4) указано, что эта документированная информация относится к общедоступной информации и представляется по запросам любых лиц.

Что касается ссылки в бланке заявления на ст. 9 Федерального закона «О персональных данных», то эта ссылка ошибочна. В ст. 6 этого закона перечисляются случаи, когда согласия субъекта персональных данных на их обработку не требуется, в том числе в случае обработки персональных данных на основании Федерального закона (в данном случае Закона «Об охоте...»), который устанавливает её цель, условия получения персональных данных и круг субъектов, персональные данные которых подлежат обработке.

Охотник Н.И. Овечко из Сухобузимского района Красноярского края сообщает, что они, 3 брата, являются охотниками, проживают вместе и хранят несколько единиц охотничьего оружия в одном сейфе. Участковый инспектор полиции требует, чтобы каждый из них имел отдельный сейф для своих ружей. Прав ли участковый инспектор полиции?

Участковый инспектор полиции в данном случае прав. В соответствии с Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утвержденными постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 с последующими изменениями и организацией работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утвержденной прика-

Юридическая консультация

На проступившие в редакцию письма с вопросами по законодательству отвечает Почётный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции Н. АСТАФЬЕВ.

зом МВД РФ 12 апреля 1999 г. № 288 с последующими изменениями, принадлежащее гражданам оружие должно храниться по месту их проживания с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом. Хранение оружия и патронов в местах временного пребывания должно осуществляться с соблюдением условий, исключающих доступ к оружию посторонних лиц.

Конечно, в случае, о котором пишет автор письма, ружья можно хранить и в общем сейфе, но в отдельных секциях с отдельными дверями и самостоятельными запорами.

Вносились в последнее время какие-либо изменения в законодательство об охоте?

В последнее время в законодательство об охоте, об ответственности за браконьерство внесены существенные изменения. В частности, Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 150 — ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» за незаконную добычу, содержание, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и продажу особо ценных диких животных, занесенных в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами РФ, их частей и производных, предусмотрена уголовная ответственность, в том числе в виде исправительных работ до двух лет, либо принудительных работ до трех лет со штрафом до одного миллиона рублей. Может быть судом назначено лишение свободы до трех лет со штрафом до одного миллиона рублей. Предусмотрены и другие виды наказания.

Если же перечисленные деяния совершены должностным лицом с использованием служебного положения, то виновному лицу может быть назначено наказание до 5 лет лишения свободы со штрафом до двух миллионов рублей с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трех лет. Предусмотрены и другие виды наказания.

Еще более суровые наказания предусмотрены в случае совершения перечисленных деяний организованной группой, в том числе лишением свободы от 5 до 7 лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей и с лишением права занимать определённые должности или заниматься опре-

деленной деятельностью на срок до пяти лет (ст. 258-1 УК РФ).

Значительно возросла ответственность за нарушение правил охоты, предусмотренная Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее КоАП РФ).

Федеральным законом от 25 июля 2013 г. № 201 — ФЗ внесены изменения в Закон «Об охоте...» и в КоАП РФ.

С. 7.11. КоАП РФ дополнена частью 2, в соответствии с которой за добычу копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением, введен такой вид ответственности, как лишение прав осуществлять охоту на срок от одного года до трех лет.

За нарушение правил охоты может быть наложен штраф от 500 до 4000 рублей с конфискацией орудий охоты или лишением права охоты сроком до двух лет, на должностных лиц может быть наложен штраф от 20 до 35 тыс. рублей с конфискацией орудий охоты (ст. 8.37. ч. 1 КоАП РФ).

За повторное совершение в течение года названного правонарушения может быть наложен штраф на граждан от 4 до 5 тыс. рублей с конфискацией орудий охоты или лишением прав охоты на срок от 1 года до трех лет; на должностных лиц может быть наложен штраф от 35 до 50 тыс. рублей с конфискацией орудий охоты (ст. 8.37. ч. 1-1 КоАП РФ).

Введена административная ответственность за охоту в неустановленные сроки либо с недопустимыми для использования орудиями охоты или способами охоты. За подобные нарушения граждане могут быть лишены права охоты на срок от 1 года до 2-х лет, а на должностных лиц может быть наложен штраф от 35 до 50 тыс. рублей с конфискацией орудий охоты (ст. 8.37. ч. 1-2 КоАП РФ).

За непредьявление по требованию соответствующих должностных лиц охотничьего билета, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, путевки, либо разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае, если охота производится с охотничьим огнестрельным и (или) пневматическим оружием, то граждане могут быть лишены права на охоту на срок от 1 года до 2-х лет, а на должностных лиц может быть наложен штраф от 25 до 40 тыс. рублей с конфискацией орудий охоты (ст. 8.37. ч. 1-3 КоАП РФ).

Этим Федеральным законом внесены некоторые изменения в ФЗ «Об охоте...» в части осуществления про-

изводственного охотничьего контроля. Производственные охотничьи инспекторы, которыми могут быть егеря после сдачи соответствующего экзамена, имеют право проверять охотника на наличие охотничьего билета, путевки, разрешения на добычу охотничьих ресурсов и разведения на хранение и ношение охотничьего огнестрельного и (или) пневматического оружия. Они имеют право производить, при наличии достаточных данных о нарушении требований в области охоты лицом, находящимся в границах охотничьего угодья, осмотр вещей, находящихся при указанном лице, в том числе орудий охоты, продукции охоты, имеют право останавливать и осматривать транспортные средства без нарушения целостности и вскрытия осматриваемых вещей, транспортных средств и их частей, при этом может использоваться средства фото- и видеofиксации. В случае выявления нарушений требований в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, которые содержат признаки административного правонарушения или преступления, а также в случае причинения вреда охотничьим ресурсам и среде их обитания юридическими лицами и гражданами при проведении охоты составлять акты о наличии признаков административного правонарушения или преступления.

Производственный охотничий инспектор имеет право сообщать о готовящемся или совершенном правонарушении или преступлении в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов в соответствующие органы государственного надзора или органы внутренних дел и направлять в них необходимые материалы.

Если производственный охотничий инспектор произвел осмотр вещей и транспортных средств, то должен быть составлен акт, который направляется в соответствующие органы гос. надзора или органы внутренних дел (ст. 41 ФЗ «Об охоте...»).

Составленный производственным охотничьим инспектором акт о наличии признаков административного правонарушения или преступления в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов и направленный в соответствующие органы является поводом к возбуждению дел об административных правонарушениях (ст. 28.1. ч. 1-3 КоАП РФ).

Принятые изменения в законодательстве об охоте и об ответственности за совершение уголовных преступлений и административных правонарушений безусловно будут способствовать борьбе с браконьерством.

Мартовские зайцы

Сезон размножения у зайцев длится 2-4 месяца. Гон начинается еще в середине зимы, но пик его приходится на весну. Самцы в это время очень возбуждены, много бегают в поисках самки, и, собравшись около нее по несколько особей, устраивают «танцы» и «дуэли»: встают на задние лапы и «боксируют» друг друга передними. Зайцы теряют осторожность и чаще попадают на глаза. Кстати, во многих европейских странах «мартовский заяц» означает то же, что у нас выражение о «мартовский кот».

А. НАЗАРОВ

Добыча охотника и стандарты

М. ПЕРОВСКИЙ

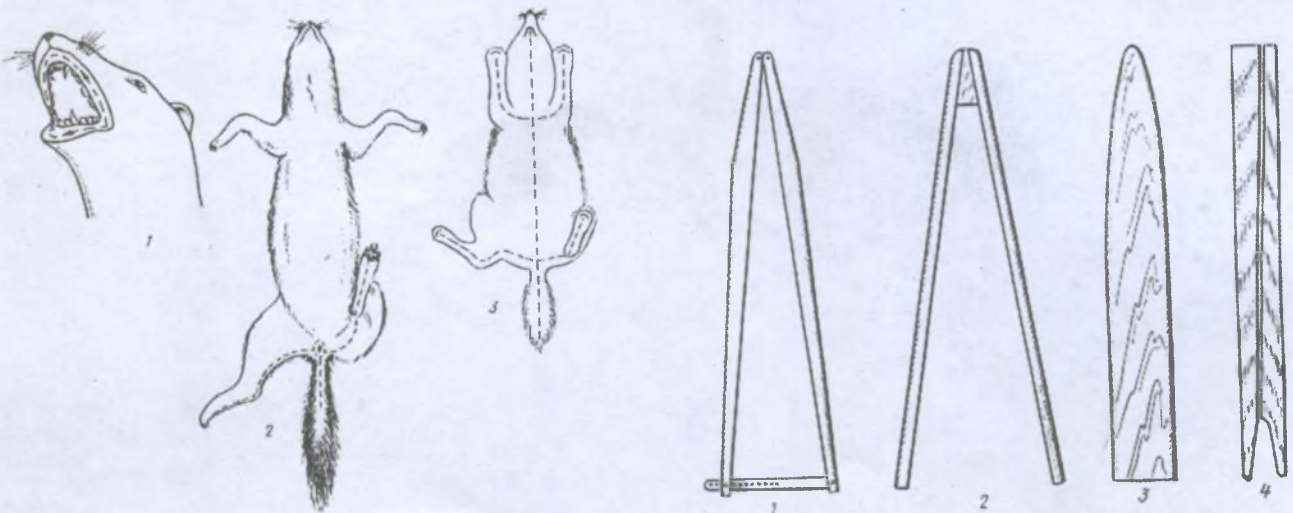
Написать эту статью меня заставило фото из одного периодического охотничьего издания, где на красочном фоне был изображен бунт замечательных шкурок красных лисиц, как несомненная удача охотника. Но из шести шкурок лисиц, две были правлены не по стандарту, т.е. не как положено для этого вида меха, волосом наружу, а мездрой. Требования государственного стандарта на пушнину, получаемую от диких зверей — это не прихоть государственного чиновника или владельца фирмы, занимающей скупкой шкурок, их обработкой и выделкой до состояния полуфабриката или готового изделия. Дело в том, что правка шкурок пушных зверей после их добычи дело не произвольное, а обязательное. И поэтому приёмщик, а ныне скупщик, пушнины делает скидки на сырьё неправильно обработанное охотником после съёмки шкуры с добытого зверя. Заботы охотника не кончаются с последним удачным выстрелом или проверкой последнего уловистого капкана на путике. С добытым зверем или птицей надо уметь управиться после удачной охоты.

Начнём с крупной дичи. Для охотников-любителей, пребывающих в современных охотничьих хозяйствах и имеющих достаточно средств, это проблемы не составляет. Съёмка шкуры и разделка туши добытого зверя обычно входит в стоимость путёвки и осуществляется штатными егерями этого хозяйства. Они, как правило, являются профессионалами и учить их как и что делать не надо. И всё же следует учесть, что шкуры диких копытных и медведей могут сниматься по-разному в зависимости от её предназначения.

Если клиент добыл зверя, которого он посчитал трофейным, очень желательно, чтобы он лично проследил за съёмкой шкуры, которая должна быть снята в соответствии с требованиями трофейного искусства. Опытному егерю-профессионалу достаточно сказать, что трофеем будет только голова, или передняя часть туши с головой, или вся туша зверя, или только рога или клыки. И всё-таки никогда не лишне лично проследить все операции, чтобы всё было сделано, как положено. Потому что к вашей великой досаде и огорчению исправить ошибку будет трудно, а то и невозможно. Если будете снимать шкуру лично, а опыта у вас мало или нет совсем, обязательно почитайте перед охотой специальную литературу на эту тему или побеседуйте со знающим человеком. Только всегда помните, что съёмка шкуры дело не такое простое и требует определенного навыка. Рекомендации в этом деле простые. Шкуру следует больше тянуть, оттягивать после забеловки, т.е. линий правильного разреза на туше, которые различны для разных видов пушных зверей, медведей и диких копытных или морского зверя. Нож должен быть по руке, соответствующей формы и остро наточен. Тупым ножом вы больше наделаете дыр, чем острым. У зверей с нежирной или маложирной тушей, коими обычно бывают лоси и косули, после забеловки, т.е. соответствующего разреза и подснятия кромки шкуры на 10—15 см, вполне возможно отложить нож и снять шкуру уже «под кулак» или «обушок» топора. Нож при этом используют только для отделения связок. Приме-

няя эти приёмы, мы получаем чистую без подрезей и прорезей шкуру. Шкурки мелких зверьков, после соответствующих разрезов, обычно снимают пальцами. На трофейных шкурах, при отсутствии навыка, старайтесь тщательнее снимать жир с мездровой части кожи. Самое лучшее — как можно быстрее отдать её в мастерскую, где это сделают лучшим образом. При затягивании этого процесса (обезжиривания), посолите шкуру поваренной солью, или обработайте порошком сухой горчицы. Запомните, и я ещё не один раз буду об этом говорить. Несвоевременно и плохо удалённый жир на мездре приводит к неисправимому дефекту — жировой гари, который полностью приводит в негодность ваш трофей или ценную шкуру.

Шкурки пушных зверей снимают пластом с оставлением меха лап, хвостов, головы или без них, трубкой с разрезом по огузку, или чулком с закрытым огузком, правят на правилках разных форм и размеров, мехом внутрь или снаружи. Так почему же шкурки пушных зверей правят по стандарту и так, и эдак. Дело в том, что у разных видов охотничьих животных ценность шкурки определяется по спелости, полновололости волосяного покрова, которая в одном случае лучше видна по мездре (кожевенной ткани), в другом — по волосяному покрову. Взять ту же лисицу красную. Спелость шкурки определяется по её внешнему виду, а также визуально, пальпацией и продувом, степенью опущенности хвоста и другим признакам, включая развитие дефектов. У лисиц, нередко обитающих в норах, часто пе-

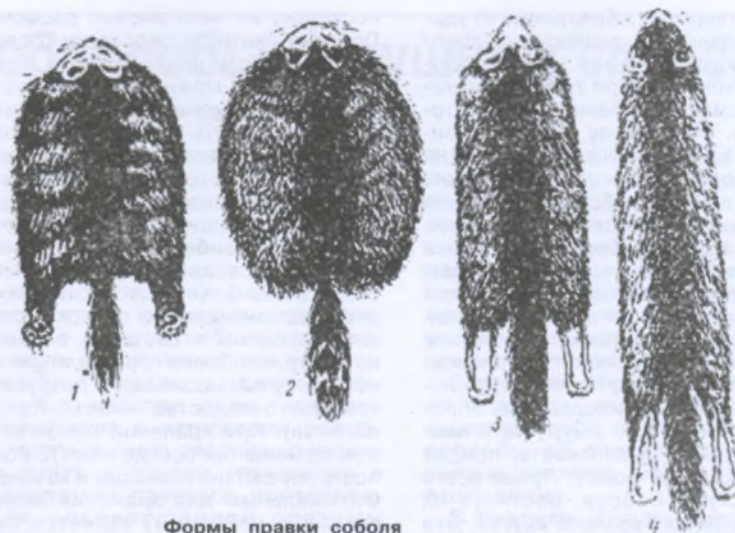
Разрезы при съёмке шкурок:
1 — чулком; 2 — трубкой; 3 — пластом (ковром)

Разные типы правилок

редвигающихся среди густых трав и кустарников, часто развивается такой дефект шкурки, как «очкастость». Это сильно побитая ость, вплоть до её отсутствия в области лопаток. Причём этот дефект настолько важен, что стандарт различает три его степени: лёгкая, средняя и тяжёлая «очкастость». Последняя форма дефекта чаще всего встречается у шкурок лисиц поздних сроков добычи. Почему пушники столь придирчивы к этому дефекту. Всё это зависит от дальнейшего использования шкурки и очень часто от моды. Хорошо известно, что большая часть мехов используют женщины. Так вот, при моде на ношение горжеток из меха лисиц шкурки с дефектом «очкастость» для их изготовления не пригодны и цена их резко падает, несмотря на то, что их можно использовать, например, для пошива манто, шапок, муфт, пелерин и других меховых изделий. У шкурок, правленных по стандарту, т.е. мехом наружу, этот дефект легко обнаруживается и не требует выворачивания шкурок наизнанку. Цена и мода вещи абсолютно зависимы и понятны всем. Мне хорошо памятен год, когда вдруг женщины решили, что им обязательно нужно носить воротники и шапки из шкурок красных лисиц. Они платили бешеные, по тем временам, деньги, для того, чтобы заполучить желанный товар. мода длилась около десяти лет. За это время ВНИИОЗ решил заняться разведением красных лисиц на зверофермах. С этой целью были отловлены для производства лучшие камчатские огнёвки. Работа закипела, и об её успехах был снят специальный фильм. Но тут вскоре и мода прошла, и начались убытки.

Возьмём шкурки самого ценного в России зверька — соболя. Его шкуркам всегда уделяется пристальное внимание. Все шкурки соболей правятся волосом наружу. Но характер съёмки и правки соболиных шкурок зависит от района добычи зверька, где форма правки и съёмки шкурок у охотников сложилась исторически. Шкурки соболей снимают либо «чулком» (через рот), либо трубкой с разрезом по огузку. Соболи шкурки по своему качеству подразделяются на кряжи, т.е. географические (обычно административные) районы по месту добычи. В одном случае охотники после съёмки сушат шкурки, применяя «ссаживание» и делают квадратную или полуквадратную правку с закрытым или открытым огузком (Камчатский, Баргузинский, Якутский, Амурский, Енисейский кряжи). Охотники Западной Сибири и Урала (Минусинский, Тобольский и Алтайский кряжи) применяют длинную правку в основном с открытым огузком. Эта правка во многом сходна с правой шкурок куницы мягкой (лесной) и горской (каменной). При съёмке шкурок соболей и куниц обязательно сохраняются лапки с коготками, носики, хрящи из ушей удаляются. При сушке шкурок таких зверьков, как соболь, куница, лиси-

Формы правки соболя

цы, ушки, хвосты и лапки со стороны мездры подклеиваются рыхлой бумагой, иначе они будут скручиваться. После окончания процесса бумага удаляется. Шкурки соболей просматриваются очень тщательно. На пушно-меховых базах товароведы продували каждый квадратный сантиметр волосяного покрова, отыскивая плешины, дыры, разрывы, болячки и другие дефекты. Степень спелости волосяного покрова у соболей хорошо определяется по состоянию опушенности хвоста, поскольку по топографии линьки эта часть шкурки линяет последней. Хвост хорошо опушен и как бы имеет цилиндрическую форму от основания до кончика — шкурка первосортная, полностью спелая. Если опушение хвоста имеет коническую форму («морковка» на сленге товароведов-пушников) — шкурку относят ко второму сорту, либо не кондиционной. У шкурок соболей очень внимательно осматривают состояние и цельность остевых волос, так как именно они создают внешнюю красоту мехового покрова. Выхваты группы остевых волос на шкурке образуют провалы и «ямы» внешнего образа. Поэтому очень внимательным надо быть охотнику при съёмке шкурок соболей, не обрывать со шкурки льдинки, капельки засохшей смолы и крови, а аккуратно размочить водой или спиртом (обычно одеколоном) в теплом помещении.

Трудная работа выпадает на долю охотника, промышляющего ондатру или бобров. Сам процесс отлова относительно не сложен. Под присмотром опытного промысловика раз-другой поставил необходимые ловушки и в процессе дальнейшей работы начинающий траппер быстро наберется опыта. Гораздо трудней и сложней работа по первичной обработке шкурок. Опытный охотник в полевых условиях снимает с тушки ондатры шкурку за 45—60 секунд. Шкурка снимается трубкой с разрезом по огузку с удалением неопушенной части передних и

задних лап и хвоста с сохранением меха головы. Самое трудное начинается с тщательного мездрения с целью удаления мышечного и, особенно, жирового слоя подкожного жира. Это делается на специально подготовленных деревянных болванках овальной формы, тщательно отшлифованных и не имеющих ямок или других неровностей.

Нож должен быть хорошо наточен и долго держать жало. Шкурка плотно натягивается на болванку головной частью от себя и равномерными движениями ножа от огузка к голове снимают жировую и мускульную ткань. Закончив мездрение, шкурку натягивают, в зависимости от размера, обычно на проволочную правилку и вешают на просушку. Мездрение шкурок — трудоёмкая работа, требует навыка и терпения. Опытные промысловики, у которых набита рука, делают её как бы механически. На промысле ондатры мездрением сырых шкурок часто занимаются жены охотников. После просушки шкурки ондатры протирают чистой ветошью, чтобы удалить жир, выступающий каплеобразно на мездре. Ленивые охотники нередко используют вместо тщательно сделанных деревянных болванок бутылку из под шампанского. Высушенные и протертые шкурки ондатры укладывают по размеру в пакчи по десять штук.

Второй полуводный зверек, который ставит ныне проблемы лесному хозяйству и широко размножился в настоящее время — это бобр. Отлов бобров несколько труднее, чем ондатры и этот зверь требует штучной работы. После отлова бобра необходимо снять шкуру, а со зверя массой 25—30 кг это трудоёмкая задача, которая требует навыка и профессионализма. Согласно ГОСТ 21003-75 шкура бобра снимается пластом с продольным разрезом от нижней губы до анального отверстия. С сохранением меха головы и оправлена по эллипсоидной форме. Передние, задние лапы и хвост уда-

ляются. Отверстия, образуемые от удаления конечностей, зашиваются крепкими нитками. Съёмка шкуры с довольно крупного зверя требует значительных усилий, особенно в её хребтовой части. Сняв шкуру начерно, приступают к её дальнейшей обработке на колоде, поверхность которой должна быть тщательно обработана так же, как мы упоминали по ондатре. Естественно, колода должна быть массивнее и тяжелее и соответствовать размерам шкуры зверя. Здесь пустой бутылкой из-под шампанского не обойдемся. Острым ножом, работая в соответствии с наклоном корней волос, т.е. от хвоста к голове, тщательно снимают мускульный и жировой слои подкожных образований. После чего шкуру натягивают на какую-либо плоскость, придав ей эллипсоидную форму. Лучше всего сушить шкуры бобров, растянув их внутри эллипсообразного круга. Эти круги делают из веток ивы или лещины толщиной 2—3 см или проволоки диаметром 8 мм. Края шкуры, в этом случае, крепятся внутри круга мягкой алюминиевой проволокой, пропущенной через небольшие проткнутые шилом отверстия в шкуре в 1—2 см от её кромки на расстоянии не более 10 см друг от друга. В этом случае шкура, подвешенная на веревке или проволоке в помещении, сохнет сразу с двух сторон: и мех и мездра. Сушить следует при достаточно высокой температуре. Промысловики в Архангельской области при сушке шкур бобров в условиях избушки поднимают температуру до плюс 30 °С. При таком режиме шкура высыхает до надлежащего состояния за 1,5—2 суток. Выступающий при сушке жир необходимо регулярно вытирать чистой сухой ветошью. Заметим, что жир на шкурах зверей всегда следует удалять с особой тщательностью. При пресно-сухом способе консервирования, который применяется для подавляющего числа шкур диких пушных зверей, оставшийся на мездре жир, особенно при длительном хранении сырья, вызывает неустрашимый дефект — жировую гарь, которая является результатом окисления жиров. Жировая гарь разрушает основу кожевенной ткани — коллагеновые волокна. При длительном хранении маложирных сухих шкурок, как например, кротовых, может возникнуть другой порок — ороговение. В этом случае такие шкурки становятся практически не пригодны для выделки,

поскольку их невозможно размочить. Поэтому охотнику необходимо следовать простому правилу: сняв шкуру со зверя, как можно быстрее пустить её в дело, а именно продать скупщику или попробовать (если имеется опыт) выделывать шкуру самому.

Хранить пресно-сухое сырьё не в коем случае нельзя в теплом сухом помещении (жировая гарь или ороговелость будут обеспечены), а также на свету. В последнем случае возникает ещё один дефект — цвёлость. Мех теряет первоначальную окраску, становится тусклым и светлым, поскольку на свету, особенно при наличии солнечных лучей, происходит разрушение красящего вещества — пигмента (меланинов). При хранении мехов в теплом помещении всегда имеется опасность поражения их молью и кожеедом. Оптимальным для хранения мехового сырья (пушнины) является сухое темное помещение с температурой не выше плюс 10 °С.

Вернёмся к особенностям первичной обработки, казалось бы, близких по видовому признаку шкурок черного (лесного) и белого (степного) хорей. Два вида близки по размерам, названию и другим свойствам. Но согласно ГОСТу шкурки белого хоря правятся при этом мездрой наружу, а чёрного — волосом наружу при одинаковых требованиях съёмки шкурок (трубкой с разрезом по огузку). Причём здесь добавлено: «без повреждения корней волос». Дело в том, что корни остевых волос у белого хоря залегают в мездре намного глубже, нежели у черного хоря. При обезжиривании шкурки белого хоря часто возникают повреждения основания (луковиц) этих волос. В результате возникает очень серьёзный дефект — сквозняк, который впоследствии при выделке шкурки ведет к выпадению остевых волос с поврежденными луковицами. Обнаружить сквозняк на шкурке гораздо легче, если она правлена и законсервирована мездрой наружу. Поскольку этот порок гораздо типичнее для шкурок белого хоря, требования стандарта учитывают эту особенность.

Остановимся еще на одном массовом виде охотничьего промысла — белке. Мех российской белки — лучший в мире. Её добывали миллионы. Снимается шкурка с тушки белки очень просто и легко. На огузке делается разрез по волосоразделу, ровным прямым разрезом вспаривается кожа

хвоста, затем, действуя в основном пальцами и ножом, там, где имеются связки, снимается шкурка. При этом сохраняется мех лап, головы с носком и ушами. Шкурка снимается трубкой с разрезом по огузку, очищается от крови, жира, сухожилий, прирезей мяса, костей из лап и хвоста и правится мездрой наружу. Правила обычно не применяются. Но применение правил не запрещено стандартом и не дефектирует шкуру. Применение правил делает шкуру более опрятной на вид и её легче сортировать. Мне приходилось наблюдать работу товароведа по сортировке шкурок белки на Иркутской пушно-меховой базе. Партии шкурок, высушенных на правилах, сортировались специалистом с необычайной легкостью и в два раза быстрее, чем шкурки без правки. Определение сортов и дефектов (обычно прострелов) производится по качеству и цвету мездры. В начальный период линьки мездра белки становится синей, поскольку в луковицах волос закладываются и накапливаются пигментные клетки, которые по степени роста нового зимнего покрова переходят в растущий волос. По завершению его роста, образование новых пигментных клеток прекращается, и мездра снова становится белой. Линька завершена. Последним волосом у белки линяет мех на голове, лапках и хвосте, иногда и по бокам образуются узкие длинные синеватые полосы. Шкурки таких белок стандарт относит к первому сорту, а у товароведов-пушников они имеют специфические названия: синеголовка, синеручка, вожжанка.

Заканчивая краткий и далеко не полный обзор особенностей первичной обработки шкурок пушных зверей, я полагаю, что эта статья поможет, в основном начинающим охотникам, правильно, по стандарту, снять шкуру с добытого зверя, вполне возможно ценную, не испортит её неумелыми действиями, а впоследствии использовать по назначению. Вполне возможно у охотников-любителей возникнет желание непосредственно ознакомиться со стандартами на русскую пушнину, где сконцентрирован огромный опыт квалифицированных промысловых охотников всей страны и научные разработки биологов-охотоведов и товароведов-пушников. Грамотное обращение с добычей, в соответствии со стандартами, есть часть культуры охоты.

Продаю
охотничью литературу и
годовые подписки журнала
«Охота и охотничье
хозяйство»
2001, 2010 и 2013 гг.
Т. 8-927-823-57-25

ЛУЧШАЯ ТРОФЕЙНАЯ ОХОТА В АФРИКЕ
Охота Фото-Сафари Рыбалка
Представительство в странах СНГ
Тел: +38 091 9538390
E-mail: namibiasafari@ukr.net
www.namibiasafaricorporation.com

Гуманные способы добычи пушных зверей

В. ИГНАТЬЕВ

А.И. Зырянов, А.В. Кузьмичук, Ю.В. Коновалов, Н.Ф. Шкарев, М.Г. Гребешков; под общ. ред. А.Н. Зырянова. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2012. — 124 с. Стоимость: без пересылки 200 руб., с пересылкой внутри РФ до 300 руб. Книга высылается после перечисления указанной суммы в адрес Зырянова Анатолия Николаевича: 660078, Красноярск, ул. Свердловская, д.33, кв. 92 (E-mail: zuryanov_an@mail.ru). Выписки сделал В. Игнатъев 05.11.13.

Развитие охотничьего промысла в последнее время столкнулось с рядом трудностей, связанных с новыми законодательными актами и международными соглашениями России по гуманизации отлова пушных зверей, которые заставляют пересмотреть сложившиеся правила и даже способы охоты. Прежде всего это касается запрета использования ногозахватывающих капканов и внедрения так называемых гуманных способов добычи.

Данное пособие дает полное представление о способах охоты на пушных зверей с использованием гуманных самоловов. К ним относятся приспособления давящего типа как промышленного производства, так и старые, давно испытанные, традиционно используемые сибирскими охотниками самодельные самоловы — плашки, кулёмки и прочие приспособления давящего типа.

Дается классификация, устройство и характеристики, позволяющие использовать их наиболее эффективно. Пособие рассказано как на молодых, так и на опытных охотников, занимающихся охотой на пушных зверей.

В 2012 году вступило в силу Соглашение между Европейским Союзом, Канадой и Россией о международных стандартах на гуманный отлов диких животных.

Гуманные капканы захватывают не за лапу, которую звери часто отгрызают, а за голову, шею или туловище. В гуманном капкане животное должно погибнуть быстро (соболь за 2 минуты), а в традиционном оно мучается почти сутки. Соглашение распространяется на 12 обитающих в России животных, в Красноярском крае это соболь, бобр, выдра, рысь, горностай, ондатра, барсук, волк.

В книге даны краткие описания биологических особенностей соболя, белки, горностая, колонка, норки американской, ондатры, выдры, лисицы, песца, волка, росомахи, рыси, зайца-беляка.

Раздел «Организация охоты в промысловых районах» содержит подразделы: «Виды охот», «Период активной добычи пушных зверей» и «Оборудование промысловых охотничьих участков».

В подразделе «Виды охот» отмечается, что в последние годы количество шкурок соболя, выставляемого на пушных аукционах, превышает число выданных лицензий в два-три раза, что свидетельствует о занижении ресурсов, а это, в свою очередь, о неточном учёте и других упущениях в организации пушного промысла. Из-за несовершенной системы предварительной оплаты разрешений (налогового сбора) на добычу животных, а в ряде случаев и необоснованно высоких ценах на лицензии, добыча соболя и некоторых пушных зверей регулируется все хуже. Органы государственной власти способствуют этому, принимая некорректные законы, которые противоречат основным принципам ранее принятых законодательных актов.

Закон «О животном мире» (1995) не стыкуется с Лесным кодексом (2007) по вопросам пресловутой «аренды участков лесного фонда для нужд охотничьего хозяйства», что, по меткому выражению охотников, является «платой за воздух». Охота становится платной, причем плата берется не за ресурсы (за них взимается налоговый сбор), а за охотничьи территории. Кроме того, охотпользователи, получившие в аренду охотничьи территории, произвольно увеличивают плату за разрешения на добычу животных и также за путёвки (в действительности это плата за услуги, которые в большинстве случаев охотнику не предоставляются). При такой законодательной базе трудно ожидать правильной организации охотничьего промысла.

Раздел «Ружейная охота на пушных зверей» включает подразделы: «Особенности ружейной промысловой охоты», «Охота на соболя с лайками» и «Охота на других пушных зверей».

Раздел «Добывание пушных зверей с помощью гуманных самоловов» состоит из подразделов: «Из истории использования самоловов», «Современные металлические давящие капканы» (капкан Ф. Конибера, давящий капкан Агафонова, древесный капкан на белку) и «Традиционные деревянные самоловы давящего типа» (кулёмка по Тимофееву, кулёмка по Соловьеву, Каратузская кулёмка, плашка по Елисееву, самолов

Яшина, пасть на песца по С.Н. Линейцеву, кулёма на росомаху). Подробно разбираются достоинства и недостатки каждой ловушки. Даются практические рекомендации их применения в зависимости от погодных и других условий. Описываются даже пути их усовершенствования, опыт переделок охотничьего промысла.

В разделе «Приманка для соболя и других пушных зверей» рассматриваются «Виды приманок и способы её подготовки» и «Опыт использования некоторых видов приманки».

В разделе «Пушно-меховая продукция» подробно разбираются вопросы в подразделех: «Первичная обработка шкурок соболя», «Первичная обработка шкурки белки» и «Оценка шкурок».

В разделе «Жизнеобеспечение в тайге» содержится два подраздела: «Правила обращения с оружием. Передвижения по тайге. Обустройство стоянки, а также поведения при встрече с крупным хищником» и «Преодоление водных преград».

Книга может служить хорошим пособием-инструкцией в техниках и институтах, готовящих охотников и товароведов пушно-мехового сырья.

Содержание книги получилось много шире ее названия. Может быть, надо было дать подзаголовок: «Полезное пособие промысловому охотнику, и не только».

В книге приведены оригинальные рисунки орудий лова с указанием размеров, она хорошо отредактирована и может служить современным справочником промысловика.

Вызывает сожаление малый тираж (500 экз.) ценного пособия. Книга выпущена по инициативе Ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Красноярского края. Но, думаю, будет полезна и для других регионов страны.

Учитывая большую ценность этого справочного пособия, можно считать настоящий выпуск сигнальным и подготовить переиздание массовым тиражом. Для этого следует разослать проспект настоящей книги во все районные, областные, краевые, республиканские общества охотников и управления охотничьего хозяйства с запросом о замечаниях, предложениях и примерной потребности в этой книге.

Книгу целесообразно сделать не клееную, а сшивную и желательнее в твёрдом переплёте, так как она может стать настольной.

Судьба мигрирующих птиц Восточной Сибири

Виталий РЯБЦЕВ

В последнюю четверть 20 в. природе Восточной Сибири, прежде всего ее южной части, был нанесен гигантский ущерб. По масштабам сравнимый с тем, что понесла территория США в 19 в. в ходе её заселения и «освоения» европейцами. За всё послевоенное время в моём родном Байкальском регионе ещё не было столь мощного и беспощадного наступления на леса и животный мир. Следствием санкционированного государством разрушения лесного хозяйства стали катастрофические пожары и невиданные масштабы незаконных рубок. Что касается законных лесозаготовок — по их объёму Иркутская область уже давно занимает первое место в РФ. Резкий рост количества охотничьего (а также пневматического) оружия, включая нарезное, числа внедорожников, квадроциклов, снегоходов, моторных лодок и катеров, даже частных вертолетов, тотальное сокращение охотничьей инспекции и все усиливающееся снижение законопослушности россиян — все это привело к беспрецедентным масштабам браконьерства. Резко расширился и «спектр» видов зверей и птиц, попадающих сегодня под выстрел. Сокращение поголовья домашнего скота и площади пахотных земель также серьезно повлияли (часто — очень негативно) на фауну Сибири.

По своей научной специализации я орнитолог, поэтому мое сообщение посвящено нынешней ситуации с пернатыми. Подавляющее большинство из них относится к категории перелетных. Зимуют они в основном в юго-восточной Азии — в Китае и Индокитае и, лишь сравнительно небольшая доля видов, — в Индии, Австралии, Африке, причем и они, как правило, мигрируют через китайскую территорию. Даже в нынешних условиях тотального наступления на природу Восточной Сибири и Дальнего Востока особенно остро на мигрирующих птицах сказывается влияние другого фактора — неблагоприятия на их южно-азиатских зимовках. Определить многолетние тенденции динамики численности пернатых непросто. Межгодовые различия населения птиц, обусловленные природными факторами, наблюдаются везде и бывают очень значительными (трех- и даже пятикратными). В нормальных условиях после спада численности происходит ее восстановление. Однако слишком для многих видов стало характерно только сокращение популяций.

Известны многочисленные факты катастрофического снижения численности птиц, обитающих на севере Восточной Сибири и Дальнего Востока — на обширных территориях, почти не испытывающих негативного воздействия со сторо-

Численность арктических куликов-песочников, зимующих в южной Азии, резко сократилась. Это справедливо и для одного из самых многочисленных видов — кулика-воробья

ны человека. Например, гусиные популяции, населяющие тундры западнее Таймыра и зимующие в западной Европе, во второй половине 20 в. стабильно увеличивались и сейчас их численность примерно такая же, как и в 19 в. Ситуация с гусями, гнездящимися в тундрах Восточной Сибири, а зимующими на юге Азии, совершенно иная — их численность сократилась многократно. Катастрофическое падение численности испытал в 20 в. чирок-клоктунок, английское название которого — «байкальский чирок». Из массового вида он превратился в орнитологическую редкость. На огромных пространствах, включая Байкал, полностью исчез. Ситуация стала улучшаться после того, как этот чирок начал зимовать в Южной Корее — стране, уделяющей серьезное внимание охране природы. Первые зимующие клоктунки зарегистрированы здесь в 1984 — 1985 гг., а в 2004 г. их было учтено уже 658 тыс., из которых 600 тыс. — в низовьях р. Кэм. Закономерным результатом этого позитивного процесса стало увеличение численности вида в юго-восточной Якутии, а также в бассейнах Колымы и Индигирки. В Прибайкалье вид остается исключительно редким, в западной Якутии его численность также не увеличилась. Вероятнее всего популяции, гнездящиеся в этих регионах, зимуют в более южных районах Азии. Известно, что в Китае область зимовки клоктунка в 1995—2005 гг. существенно сократилась.

Белый журавль — стерх — населяющий якутские тундры, попал в число видов подверженных глобальному уничтожению по причине неблагоприятия зимовок, находящихся в Китае. Общая численность зимующих птиц составляет примерно 3000 особей, 98 % из которых держатся на оз. Поянг.

Эти гуси-гуменники, встреченные в сентябре 2013 г. на байкальском острове Ольхон, удивительно доверчивы. Вероятно, провели лето на совершенно безлюдных просторах. Переживут ли они зиму в густонаселенной Азии?

Орёл-могильник

Свежий пример — катастрофическое падение в 2005—2009 гг. численности кулика-лопатня, названного так за необычную форму клюва. Он гнездится только на Чукотке. В сравнении с 1970—1980 гг. его мировая популяция сократилась на 90% — с 2000 до 150—250 пар. Основные причины — сокращение местообитаний и повсеместная охота на куликов в местах зимовок и миграций в южной Азии.

Для птиц, обитающих в южных районах Сибири, определить основную причину резкого сокращения численности значительно сложнее, чем в тундре, т.к. места их гнездования испытывают мощное антропогенное воздействие. Для этого необходимы многолетние наблюдения. Они имеются для самой восточной популяции орла-могильника, населяющей лесостепи Байкальского региона. По моим данным, в 1950-х гг. в Иркутской области обитало примерно 300 пар, в начале 1980-х — 150—200, в 1999 г. — 40, в 2007 г. — лишь 25 пар. В 1980—1990-х гг. в период наиболее резкого сокращения численности этого орла природа Предбайкалья не претерпела значительных изменений. Численность основной добычи орла-могильника (длиннохвостого суслика) уменьшалась не везде и в целом некатастрофично. Коренное население продолжает почитать орлов как священных птиц. Успешность размножения в 1978—1999 гг. заметно не изменилась, поэтому наиболее вероятной причиной сокращения численности является высокая гибель птиц в негнездовой период.

Для того, чтобы выяснить пути миграций и места зимовок наших орлов, в 1998—1999 гг. я пометил трех птенцов могильника спутниковыми передатчиками (Рябцев В.В. Орел-могильник в Прибайкалье: современное состояние, проблемы охраны. // «Охота и охотничье хозяйство», 2000, № 7, с. 6—8). Все они зимовали на Юньнаньском плато в пределах Китая и приграничных районах северного Таиланда и восточной Бирмы. Китайский орнитолог Хан Лианксиан, живущий в провинции Юньнань, по моей просьбе, обобщил свои наблюдения за этим орлом в зимние сезоны 2003-2010 гг. Из 17 наблюдавшихся им особей — 16 держались вблизи водно-болотных угодий. Судя по всему, в Китае эти угодья сейчас служат важными зимовочными местообитаниями могильника, а основной добычей этого орла здесь являются водоплавающие и околоводные птицы. Это совершенно нетипично. Ведь основу рациона могильника, как правило, составляют грызуны. Возможно, сейчас этот вид корма на зимовках стал дефицитным — природные угодья, дававшие приют орлам, заменили сельскохозяйственными угодьями.

По моим данным, кроме могильника в Предбайкалье в последнее десятилетие сокращалась численность и других видов хищных птиц, относящихся к дальним мигрантам: чеглока, большого подорлика, обыкновенного канюка, черного коршуна, восточного болотного луны, скопы. Осенью

2012 г. индийские орнитологи засняли страшные видеокадры массового истребления амурского кобчика. Этот маленький сокол гнездится в забайкальской лесостепи и в пойменных лесах юга российского Дальнего Востока, а также в Монголии и Китае. А на зимовку улетает в Южную Африку. Его миграционный путь — один из самых длинных. В предгорьях Гималаев пролетных кобчиков отлавливают местное население с помощью путинных сетей и ест. По мнению индийских коллег только здесь гибнут многие тысячи кобчиков.

Показательна ситуация с большой горлицей. В 1970—1980-х гг. это была, вероятно, самая многочисленная воробьиная птица лесостепных и лесопольных районов Прибайкалья. Помню, как в середине 1970-х в окрестностях Иркутска, в июле, горлицы взлетали у меня из-под ног буквально через каждые несколько шагов. В мае в лесах под Иркутском с одной точки можно было услышать сразу нескольких воркующих самцов. Летом 1978 г. на студенческой практике в д. Кударейка во время каждой экскурсии на глаза попадались жилые гнезда. Но особенно многочисленными горлицы становились в конце лета, скапливаясь вокруг хлебных полей. В те годы на каждую автомобильную поездку протяженностью 100—200 км в мае—июне приходилось, как правило, несколько встреч этих птиц. А в период с середины августа по середину сентября во время такой поездки отмечалось уже 200—300 и более особей. Горлицы сидели рядами на проводах, большими стаями летали над полями. Летом 2007 г., проехав 5413 км в лесостепи Иркутской области, а также в Тункинской котловине (Бурятия), я зарегистрировал всего 6 встреч. В 2008 г. в этих же районах на 4148 км отмечены 4 особи (2 одиночки и пара), в 2009 г. (май—август, 2995 км) — 4 (2 одиночки и пара). За четверть века численность сократилась в предбайкальской лесостепи в десятки раз. Состояние популяций большой горлицы в различных регионах Сибири существенно различается. Например, на Северо-Восточном Алтае сокращение её численности не отмечено.

Овсянка-дубровник еще недавно входила в число наиболее обычных видов воробьиных Прибайкалья, являлась фоновой птицей пойменных лугов. По данным иркутского орнитолога Ю.В. Богородского, в 1960—1980-х гг. в пойме р. Ушаковки численность достигала 136 ос./кв.км, в пойме р. Иркут — 168,7 ос./кв.км, уреме по р. Мурун — 200 ос./кв.км. В 2006 г. в ходе орнитологических исследований лесостепного Предбайкалья (проведено 10 тыс. км автомобильных, свыше 500 км пеших маршрутов) вид был встречен лишь 5 раз (данные В.В. Попова и В.Г. Малеева). По мнению Ю.А. Дурнева, знатока сибирских воробьиных, за последние 35 лет численность дубровника снизилась в десятки раз, в некоторых характерных биотопах он сейчас практически не встречается. Есть информация, что ярко окрашен (брюхо — желтое, спинка — каштановая) самцов дуб-

Амурских кобчиков в большом числе ловят в северной Индии и съедают

Большая горлица резко сократилась в численности. Эта птица попала под браконьерский выстрел на Байкале

ровника в больших количествах отлавливают в Китае для изготовления чучел.

Сократилось обилие очень многих видов, никогда не добывавшихся в Сибири. Еще сравнительно недавно в моем регионе осенние миграции дрозда Наумана (гнездится в Якутии) были по-настоящему массовыми, а сейчас они проходят малозаметно. Каждый год приносит все новые неприятные «сюрпризы». Например, летом 2012 г. удивило почти полное отсутствие обыкновенного козодоя в прибайкальской лесостепи. Там, где летними ночам пели эти птицы, сейчас стоит тишина.

Вероятно, пока нам удалось зафиксировать лишь слабую тень истинных масштабов кризиса мигрирующих птиц Сибири. Понесенные потери скорее очень велики.

Исследования В.А. Паевского, ведущего российского специалиста в области демографии птиц, показали, что причина самых резких падений численности европейских видов — не спад продуктивности, а снижение выживаемости на зимовках, в особенности африканских. Для мигрирующих птиц Восточной Сибири этот вывод еще более очевиден, т.к. современное состояние южноазиатских зимовок много хуже, чем африканских. Кроме негативного влияния быстрого роста экономики (особенно в Китае и Индии) и численности населения (превышающего 3 миллиарда человек) природный баланс в Южной Азии катастрофически нарушен в результате запредельной химизации сельского хозяйства, очень высокой и крайне разнообразной охотничьей активности сельских жителей, крупномасштабных ирригационных проектов.

Подробнее охарактеризую экологическую ситуацию в Китае (по материалам книги «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию»). Эта страна стала главной «промышленной мастерской мира», при этом китайская промышленность загрязняет окружающую среду в сопоставимых объемах продукции в десять раз больше, чем в развитых странах. Немалую роль в этом отношении играет и перемещение на его территорию грязных производств из-за рубежа. По оценке 2001 г. из 20 наиболее загрязненных городов мира 16 находятся в Китае. Эрозии в Китае подвержена 1/3 всех земель. Площадь пустынь ежегодно увеличивается на 3,4 тыс. кв.км. В одном из главных лесных районов Китая, Чанбайшанском, площадь, занимаемая первичными лесами, сократилась с 82,7 % в первые годы после создания КНР до 14,2%, а в провинции Сычуань — с 20 % до 8 %.

Китай занимает первое место в мире по выбросам в водоемы органических соединений. По этой причине, а также из-за тысяч плотин, которыми перегорожены все реки, способность вод к самоочищению практически исчерпана. Из 600 городов Китая более 400 испытывают нехватку воды. В связи с этим осуществлен амбициозный мелиоративный проект. По трем каналам длиной 1300 км вода из р. Янцзы идет на северо-восток страны. Уже создано 660-километро-

вое водохранилище каскада ГЭС «Три ущелья» на р. Янцзы, потребовавшее переселения полтора миллионов человек. Между тем в настоящее время основным местом зимовки водоплавающих в Китае является именно пойма этой реки. В июне 2013 г. в Иркутске проходила международная научно-практическая конференция «Реки Сибири и Дальнего Востока». Доклад Ю Ин (КНР) «Воздействие китайской 12-й пятилетки в области энергетики на будущее развитие китайской гидроэнергетики и охрану рек» меня буквально потряс. Практически все китайские реки будут окончательно «зарегулированы». Опасность строительства плотин теперь угрожает всем крупным (а также средним и мелким) рекам на приграничных с Китаем территориях, в том числе Амуру, Меконгу. Если раньше энергию по ЛЭП направляли на большие расстояния к энергоемким заводам, то теперь таковые будут строиться вблизи ГЭС, как правило, на пригородных территориях, со всеми вытекающими из этого последствиями. На одной из величайших азиатских рек — Меконге — уже строится крупное водохранилище. Оно находится на территории Лаоса, строительные работы финансирует КНР. Эта страна будет и основным потребителем электроэнергии. Под воду уйдет участок «Тысячи островов» — красивейшая территория, «дом» для огромного числа видов животных и растений, включая эндемичных. Это также и места зимовки сибирских пернатых — водоплавающих, куликов, хищных птиц, воробьиных. Еще несколько ГЭС реки Меконг проходят стадию проектирования. Последние в юго-восточной Азии убежища дикой природы находятся на грани гибели.

Очень серьезную опасность для зимующих птиц представляют ядохимикаты, в огромных объемах используемые в сельском хозяйстве Китая. Пищевые цепи насыщены ими. Особую угрозу эти вещества несут пернатым хищникам. На Байкале хлорорганические пестициды практически не применялись, однако яйцо, взятое в июне 1998 г. из гнезда могиляника (брошенная кладка), содержало сравнительно высокую их концентрацию. Наверняка они накопились в жировой ткани самки во время зимовки.

Охотничья активность китайцев широко известна. Хотя огнестрельное охотничье оружие в этой стране под запретом, для отлова птиц применяется огромное количество разнообразных ловушек, включая паутинные сети, приманки, пропитанные ядами и усыпляющими веществами. Добываются не только традиционно охотничьи виды мигрирующих сибирских птиц, но и многие миллионы мелких воробьиных, голубей, пернатых хищников и др. Китайские специалисты сообщают, что только в южной провинции Гуандун ежегодно съедаются миллионы птиц, в том числе и орлов. Цена беркута при продаже ресторанам Гуанчжоу достигает 10 тыс. юаней (50 тысяч рублей). Приводятся факты задержания торговцев, перевозивших орлов (в том числе партии в 20 особей) для продажи в ресторанах южных провинций. Среди них могли быть и отловленные на зимовке предбайкальские могиляники. Примерно также обстоят дела с браконьерством и в странах Индокитая.

Следует подчеркнуть, что судьба некоторых видов пернатых зависит от состояния очень ограниченных участков — ключевых районов зимовки. Эти участки в ближайшем будущем также могут быть подвергнуты масштабному преобразованию в хозяйственных целях. Речь идет прежде всего об оз. Поянг (основные зимовки стерха и дальневосточного аиста) — оно уже высыхает из-за построенных выше ГЭС, а также о низовьях р. Кэм (зимовка клотунка) в Южной Корее, где планируется расширение сельхозугодий.

Таким образом, уже сейчас в юго-восточной Азии уровень антропогенного влияния на зимующих птиц катастрофичен, в ближайшее время он еще более возрастет. Судьба многих восточносибирских перелетных птиц решается именно в этом регионе. К сожалению, масштабы экологического кризиса в южной Азии и его влияние на мигрирующих сибирских перелетных птиц пока ещё не осознают даже многие российские орнитологи. Что уж говорить о простых людях, а тем более — о чиновниках. Даже те из них, кто ответствен

за охрану природы, не забывают себе голову такими проблемами. И как итог — продолжающаяся практика весенней охоты. В 2012 г. в южной части Иркутской области охота водоплавающих была открыта с 5 по 20 мая. Птиц, уцелевших после 6 мес. истребления в южно-азиатском человеческом муравейнике, которым посчастливилось найти достаточное корма и не погибнуть от отравленного приманочно-го зерна и сетей, охотники встречают зарядами дробы.

Еще во времена Советского Союза были заключены двухсторонние конвенции по охране сибирских перелетных птиц с Индией, Японией, США, Южной Кореей. Много лет российские орнитологи обращались в официальные инстанции с просьбой заключить подобное соглашение с Китаем. И наконец 22 марта 2013 г. российско-китайское соглашение об охране перелетных птиц было подписано! Это хорошая новость. Хочется надеяться, что теперь ситуация начнет улучшаться. Для этого потребуются серьезные природоохранные меры. Первоочередными из них я считаю запрет на отлов

мигрирующих птиц с помощью сетей и отравленных приманок, организацию новых заповедников в местах останова мигрирующих птиц и в важных районах их зимовок.

Необходимы и специальные меры по охране видов, находящихся под угрозой исчезновения. Среди них, я надеюсь, будет и проект сохранения байкальской популяции орла-могильника. Миграции этого красивого и величественного пернатого хищника связывают между собой два участка Всемирного природного наследия ЮНЕСКО — озеро Байкал и плато Юньнань. В зимний сезон 2013/2014 гг. планируется экспедиция на плато Юньнань, в которой примет участие специалист из Китая, России, Великобритании. Наша цель — изучить условия существования орлов, прилетающих на зимовку. Попутно мы будем собирать сведения и о других сибирских перелетных птицах, чья численность резко сократилась. О результатах экспедиции я обязательно расскажу.

Фото И. Сирохина

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Побежка — способ бега животного: шаг, рысь, на махах (карьер), галоп (Самый след **изюбра** чрезвычайно похож на сохатиный, только несколько поменьше; конечно, это сходство бывает только тогда, когда звери тихо ходили по мелкой **порошке** или по крепкой грязи, но коль скоро они бежали, сходство исчезает уже потому, что испуганный **сохатый** всегда бежит рысью или иноходью, как верблюд, а **изюбр** — в мах, на скачки, как **козуля**. Следовательно, разница в **самке** (самая походка, **побежка** зверя, след, **нарыск**) очевидна (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири».); в общезыковых словарях определение чаще всего связано именно с качеством бега лошади и является исконным наименованием того, что в современном языке обозначается заимствованием «аллюр» («Толковый словарь Ушакова», «Словарь русских синонимов», «Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой»).

П-образная нора — искусственная нора, имеющая форму буквы П (На испытаниях в **П-образной норе** по международным правилам максимальное время работы — 10 минут, в норе «восьмерке» (из двух соединенных перемычкой колец-кругов) — 20 (В. Г. Гусев, **Легавые собаки и охотничьи терьеры**.); данная схема норы традиционна для стран Восточной Европы и служит своего рода универсальным типом норы для проведения международных состязаний норных собак.

Поволока — бороздка на снегу, образующаяся, когда зверь ставит лапу или ногу. (Опуская лапу в глубокий снег, **лисица** проводит довольно длинную бороздку на поверхности снега, называемую «**поволокой**», а поднимая лапу из снега, прочерчивает более ко-

роткую треугольную бороздку — «**выволоку**». Вершина этого треугольника и показывает направление хода зверя... **Выволока** указывает направление хода рваными разрывами поверхности снега при выходе из ямки и осыпью выволоченного снега (С.О. Лосев, «Лисица и охота на нее».)

Погадка — срыгиваемые хищной птицей непереваренные остатки пищи (кости, перья, кусочки шкуры). (**Соколы** (не только взрослые, но и подрастающие птенцы), как и другие хищные птицы, едят не только мясо, но и перья (кроме крупных) и кости пойманных птиц и потом выбрасывают их через рот в виде комков, так называемых «**погадок**». Это очень важная функция, очищающая пищеварительный тракт хищников (Г. П. Дементьев, «Охота с ловчими птицами».); **сбросить, скинуть погадку**. (Если накормить птицу раньше, чем она **скинула погадки** с остатками от предыдущей еды, то можно вызвать у ней более или менее серьезное заболевание, так как, по-видимому, новая порция пищи попадает в зоб, давит на непереваренные остатки и проталкивает их в желудок, откуда птица не может их удалить (Г. П. Дементьев, «Охота с ловчими птицами».)

Подбой крыльев — перья нижней стороны крыла. (...**подбой** крыльев (у глухаря — Е. Ц.), под плечевыми суставами, ярко белый с черными крапинками, а остальной — сизо дымчатый;... (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири».)

Подвабливание — второй этап **вынашивания ловчей птицы**, заключающийся в ее обучении прилетать на руку охотника (**идти на руку**). (Следующие этапы обучения сводятся к тому, чтобы приучить птицу идти за едой на руку уже не на расстоянии **должика**, а на большем. Первый шаг к этому — «**подвабливание**» птицы на небольшом расстоянии, но с отвя-

занным от колодки или стула **должиком**. Эти упражнения переносятся уже на открытый воздух, причем к **должику** привязывается различной длины шнур (Г. П. Дементьев, «Охота с ловчими птицами».)

Подваливать — 1) присоединяться к гонящим гончим; 2) подпускать гончую или гончих к другим, уже гонящим. (Когда до **доезжачего** или **выжлятника** доносились первые звуки **гона** одной или нескольких собак, их очередной задачей было **подвалить** других собак как можно скорее к уже **гонящим**. Т. е. свалить стаю, для чего выжлятники хлопали арапниками и кричали — «Слушай, к нему. **Вались, вались** к нему, собачки!» Гончие, замешкавшиеся где-либо в острове или задержавшиеся на **жире**, спешили **подвалить** к **гону** своих товарищей (Н. П. Пахомов, «Полевые пробы гончих».)

Подвес — 1) длинная шерсть на нижней стороне хвоста (у волка, гончей) (Главным признаком этой породы является ее **псовина** (шерсть): густая, длинная и образующая убор на задних сторонах ног, большой **подвес** на «**правиле**» (хвосте) и муфту на шее («Настольная книга охотника-спортсмена».); 2) отвислая кожа под мордой у собаки (спец., охот.); кобель с **подвесом** (Д. Н. Ушаков, «Толковый словарь русского языка»). (Сухость шеи определяется отсутствием каких-либо видимых признаков сырости — подвеса, подгрудка (О. Л. Малов, «Немецкий курцхаар от А до Я».)

Подвывка — подражание волчьему вою, чтобы получить ответный вой хищников, определить их количество, возраст и местонахождение (А. В. Кузнецов, С. Т. Кириухин, «Словарь охотника»; возможно также **ваба**; **подвытое гнездо** — волчье гнездо (логово), наличие которого заранее проверено **подвывкой**.

Продолжение следует

Начало см. № 1—2, 2014 г.

Уважаемые сотрудники редакции!

Отправляю Вам рассказ-быль, а точнее, немножко обработанный дневник, который вел на преддипломной, или, как она официально называлась, производственной практике, когда учился на оховеда. Думаю, что рассказанное мной будет интересным и даже полезным прежде всего для нынешних студентов, обучающихся этой, как и 30 с лишним лет назад, редкой специальности. Сейчас в Интернете они, конечно, могут найти многое, если не все по интересующему вопросу, но эти сведения будут всё-таки в отрыве от практического воплощения в реальных условиях, а под-

линные факты всегда были и, надеюсь, будут важны. Добавлю, что в моей истории ничего не выдуманно, в том числе имена подлинны, как и клички собак. Если и есть неточности, то лишь в несущественных деталях.

Искренне желаю Вам дальнейших успехов в издании старейшего охотничьего журнала России, по-прежнему любимого очень многими охотниками и охотоведами. А людям, по какой-либо причине отошедшим от охоты и охотоведческой деятельности, чтение его — единственная отрада. Всего Вам самого доброго в наступившем Новом году!

На практике

В. ДЬЯЧКОВ

В конце 70-х годов прошлого века я учился на Кировском охотфаке. Пятый курс у нас начинался с продолжительной производственной практики. В те годы студенты-охотоведы проходили практику в разных уголках Союза. Мне удалось поработать в охотустройстве Аскизского и Шушенского коопзверопромхозов (КЗПХ). Меня с однокурсником Володей (Владимиром Ильичем) оформили техниками-охотоведами, и мы старательно, на мой взгляд, выполняли все работы, которые поручал нам начальник партии.

Поначалу пришлось неделями сидеть в конторах лесхозов за обработкой материалов лесной таксации для установления типов охотугодий обоих КЗПХ, а затем и раскрашиванием соответствующих карт согласно с экспликацией. Работа эта казалась нам рутинной, к тому же она весьма трудоёмка и утомительна. Поэтому неудивительно, что в душе назревало недовольство практикой, хотелось поскорее вырваться в «поле».

И вот наконец-то нас направили проводить опросы охотников, а с начала сезона промысла — заниматься учётом охотничьих животных. И вдобавок рекомендовали принять участие в промысле как для приобретения опыта, так и для пополнения скудного студенческого бюджета.

На попутном «КРАЗе» приехали в посёлок Шора, затерявшийся между Горной Шорией и Кузнецким Алатау (в Хакасии). Взвалив рюкзаки, двинулись искать контору производственного участка Аскизского промхоза.

В конторе застали только бухгалтерра. Разговорились.

— У вас тут горы и тайга настоящая.

— Ох, вот раньше тайга была, а теперь леса остались только по верхам. Ведь как у нас их рубили. Сводили всё подряд, не смотрели на то, что не положено рубить, если лес на треть из кедра. Ничего не соблюдали, даже технику безопасности. Нельзя работать на склоне круче 20—22 градусов, а наши лихачи не боялись склонов и в 30 градусов.

— Аварии, наверно, случались?

— Нет, аварий-то и не было. А вот жалко, что кедрачи повыврубили. Ох, какие встречались деревья! В одном кедре намеряли по 12 кубов!

Выяснили, что охотники, бывает, в первые дни сезона уже встают на лыжи, поэтому подготовка к полевым работам начали с лыж. В «сельмаге» их, конечно же, не оказалось. Съездили в г. Новокузнецк, но и там не нашли нововятских «Охотничьих», достаточно широких и надёжных, а купили вологодские, с прорезью для носкового ремня. Обтянули их приобритённым в промхозе лошадиным камусом (по четыре штуки на лыжу), приделали обычные мягкие крепления.

Охотник Владимир Петрович Гаврилов, увидев готовые лыжи, покачал головой и прочёл целую лекцию об изготовлении лыж. Из его советов упомяну лишь о загибании носков (позднее станет понятно почему). Он рассказал, что приспособление для загибания делают из расколотой пополам 30-сантиметровой чурки. Концы лыж, распаренные в течение 40 минут, изгибают по полукружности и поджимают по краям раскола брусками, которые стягивают верёвками.

На своем собственном опыте, пусть и небольшом, я убедился, что в тайге не обойтись без надёжного топора — именно достаточно увесистого топора, а не лёгкого топорика. Подготовил его задолго до практики, хорошо наточил. Топор вставлял в гнездо на листе фанеры, пришитом по углам с спинной стороне (подобие поняги).

Долго составляли список необходимых продуктов, кое-что закупили с некоторым запасом. Хлеба взяли по 25 буханок, насушив из них по мешку сухарей. Правда, в расчёт брали не только себя, но и собаку. Обзавестись же на время собакой не очень-то и стремились, но от предложения не стали отказываться.

Упомяну, что мне она была дана под расписку «для натаски». По заверению хозяина у Тумки (странноватая кличка) имелась даже родословная. Однако я заметил, что, несмотря на типичный для лайки экстерьер, она излишне упитанна и очень пуглива, — видимо, все свои два года жизни прове-

ла в вольере.

Так вышло, что лишь двое охотников согласились оказать помощь в учётных работах. Один из них — Виталий Утробин; на его участке обичен, хотя не так уж и многочислен, соболь, но почти нет белки. Другой, Михаил Мартаев, охотится в угодьях, где много белки, а с соболем похуже. Без каких-либо споров решили, что я буду с Утробиним, Володя — с Мартаевым, жителем Шоры.

Владимир без проволок отбыл в тайгу, а мой будущий напарник долго не объяснялся — ожидал его целую неделю. Чтобы скоротать время, исходил с Тумкой окрестности посёлка, постреливая рябчиков. Наконец Виталий прибыл, нашёл меня в гостинице, где и познакомились. Ему сорок с небольшим лет, он невысок, худощав, не курит и о выпивке, сразу видно, не помышляет. Утробин бывший шахтер, и семья его живёт в г. Междуреченске Кемеровской области. Сам он тоже обитает там большую часть года — в межпромысловый период и когда не занят заготовкой дикоросов, лектехсырья и другими работами в промхозе. По его мнению работа охотника-промысловика не более рискованная, чем в шахте. Несмотря на неустойчивый заработок, занимается любимым делом. Труд, конечно, нелёгкий, зато на свежем воздухе. К тому же не лишён творческого начала: позже узнал, что Виталий придумывает разные самолёвы и испытывает их во время промысла.

Перед заходом в тайгу ночевали у него дома, в Междуреченске. Я чувствовал недомогание, нос заложило. Утробин предложил подлечиться: налил рюмку настойки пантов марала. К утру мне стало лучше. На поезде «Новокузнецк — Абакан» проехали до остановки «141 километр». Здесь нам предстояло форсировать р. Томь, перейти с левого её берега на правый. На реке тут перекат, и ширина русла около 100 метров; заметно, что течение далеко не слабое.

Решили весь груз, включая двух собак (у Виталия кобель Юда, похожий на лайку), перенести за один раз, хотя рюкзаки получились почти неподъёмные. В моем, кроме продуктов и топо-

ра, лежали ещё капканы, больше восьми десятков патронов, ружьё «ТОЗ-3», 2 фотоаппарата. Сверху привянули мешок сухарей, а над ним еще и лыжи.

Разогнули сапоги-болотники, помогли друг другу взвалить рюкзаки, умудрились взять на руки собак и двинулись через реку, борясь с напором воды. Шли по колену в воде, местами было и глубже. Дно неровное, каменистое, кое-где камни уже покрылись «салом» (слоем льда), поэтому очень скользкие. Впереди шёл Утробин, выбирая, где помельче. Преодолев больше половины пути, он споткнулся и упал ничком в воду. Юда поначалу вплавь, потом прыжками быстро достиг близкого уже берега. Придавленный клажей Виталий с трудом встал на ноги, оглянувшись, махнул рукой — всё, мол, нормально. Я благополучно преодолел реку. Отпустил Тумку, скинул на берег рюкзаки, достал топор. Вскоре на опушке леса полыхал жаркий костёр, а Утробин, накиннув на голое тело мою куртку, слезил за подсушкой одежды, которую развесили на воткнутые колья. Мне же было жарко и в одном свитере: рубил и подтаскивал сухоостины, готовил варево и чай.

Часть груза решили оставить недалеко от реки. Сразу надели лыжи — снега было не меньше 30 сантиметров, даже в пихтачах. Двинулись вверх по левому берегу Казыра, притока Томи, берущего начало у гольца Верхний Зуб (2178 м). Этот Казыр значительно уступает другой реке с тем же названием, которая находится восточнее, в Курганском районе.

Утробинская избушка расположена около вершины горы, немалой по высоте. К зимовью дотащились около девяти часов вечера. Оба сильно устали, замучила жажда. Виталий сходил за водой к ключу, берущему начало в 10 метрах от избушки, я занялся печкой. Дым не сразу пробился через забитую снегом трубу, но мало-помалу тяга наладилась, и печка загудела. Долго и с наслаждением пили чай.

Зимовьё, в котором мне вскоре предстояло обитать в продолжение трёх недель, оказалось весьма просторным: внутри почти четыре на четыре метра, срублено из толстых пихтовых брёвен. Высота от земляного пола до потолка из распиленных вдоль бревен не меньше двух метров. Печка совсем старая, кое-где прогоревшая. Заваленный толстым слоем земли потолок и мощные стены долго держали тепло.

Весь следующий день, опять до полной темноты, ушёл на переноску оставленного груза. На обратном пути наткнулись на свежий переход табунка косуль. Утробин решил с утра поохотиться на них. А мне хотелось попробовать тропить соболя для определения длины его суточного хода. Охота у Виталия (с помощью Юды) была успешной, и вечером мы жарили печёнку и варили суп из косулятины. Назавтра наметили выход к следующей избушке.

Многое из содержимого своего рюкзака оставил в зимовье. В освободившийся рюкзак сложил порубленное на куски мясо косули. Часть мяса закопал в снег у избушки. «Тушенку добавляя в собачью еду, а себе вари мясо», — по-отечески распорядился Виталий.

Спустились в распадок с извилистой лентой незамерзшей речки, перешли её, поднялись на противоположный склон. За перевалом — снова спуск, потом подъём и еще так несколько раз. Старался сильно не отставать от напарника, но это удавалось с большим трудом, особенно на спусках. Из-за того, что поверху был чир (наст, припорошенный снегом), мои лыжи на спуске становились плохо управляемыми, сказывалось и отсутствие навыка. А Утробин на своих алтайского типа лыжах с креплениями-юсками, притормаживая на поворотах посохом-кайком, ловко лавировал между деревьями. В долю минуты он оказывался далеко внизу. Сокращая отставание на подъёмах, я тратил много сил — пот застилал глаза.

В сгустившихся сумерках подошли к крошечному зимовью, рассчитанному на одного человека. Напротив низкой двери вдоль всей стены — нары метровой ширины. Рядом с ними с одной стороны печурка, с другой — столик у оконца. Пока топится печка дверь не закроешь — жара, как в парилке.

После ужина Виталий положил на кастрюлю увесистое полено. На мой вопрос ответил: «Не придавишь — мыши крышку спихнут и заберутся в суп». Я удивился, но вскоре поверил, что такое вполне возможно. Хозяин лёг, разумеется, с края, я — у стены; лежать можно было только на боку. Мгновенно провалился в сон. Ночью проснулся оттого, что почувствовал какое-то прикосновение к лицу. В избушке слышалась возня, шепуршание и писк мышшей. Вдруг по щеке быстро скользнуло тельце мыши, щекотнув хвостиком. Догадался, что вдоль стены проходит мышиная тропа. Утробин похрапывал во сне. Что оставалось делать? С трудом повернулся спиной к стене — авось, уши не отгрызут — и не проснулся уже до утра.

Еще вечером резко потеплело, заморосил дождь. Он не прекращался всю ночь, и утром не предвиделось улучшения погоды. От прокладывания учётного маршрута пришлось отказаться. Вели разговоры о способах охоты, Виталий объяснял устройство разных ловушек. За день снег осел с 80 сантиметров до полуметра.

Непогода продолжалась ещё три дня; дождь шёл почти без перерывов. Ключи переполнились водой, в сотне метров от избушки бушевала река. Снега осталось по щиколотку, под ним везде вода. Отсыпались, читали несколько завалывшихся журналов, жарили косулятину, пекли лепёшки, а когда начинали совсем изнывать от тесноты зимовья, шли заготавливать дрова.

Возвращались совершенно промокшие, когечарили печку, сушили одежду. Мыши, полёвки и землеройки стали чаще сновать и днём — было похоже, что «мышевидные» спасались в избушке, как в Ноевом ковчеге. И ощущение спиной их беготни по ночам стало для меня вполне привычным, как и смехивание с головы самых наглых из них.

На пятый день, ещё с ночи, повалил снег и шёл весь день. Прошлись на лыжах вверх по склону до курумов. Лес по мере продвижения к гольцу меняется: преобладающая в его составе пихта начинает мельчать, а всё более многочисленная береза становится деревом первой величины. Местами попадались чистые березняки. Но полнота леса уменьшается, и он переходит в редины.

Утром следующего дня собрали рюкзаки и направились к третьей избушке, используемой Утробиним. Преграждавшие путь речки, вышедшие из берегов, со стремительным течением, преодолели по-разному. Через одну сделали переправу, срубив дерево так, чтобы по нему добраться до мелкого места. Чтобы перейти следующую, спустили со скалы два бревна до другого берега. Медленно и осторожно переходили по этим брёвнышкам, левая сторона наклонно, и притом неустойчиво. Тумка, поскуливая и трясясь от страха, пошла на мой зов, но свалилась в поток, окунувшись с головой, и выбралась обратно на тот же берег. Пришлось мне возвращаться и переносить ее на руках — как-никак взята под расписку.

Очередная избушка оказалась, к счастью, довольно просторной, но печка вначале, пока не прогрелась труба, довольно сильно дымила. Труба у нее с коленом и выведена не через потолок, а через стенку, и в колене скопилось вода. Однако с такой трубой, по словам Виталия, в избушке всегда сухо.

Вечером и ночью опять шёл дождь, и хотя к утру он перестал, было тепло — снова быстро таял снег. Поэтому путь к базовому зимовью отнял много времени и сил. Немного передохнув, уже в темноте долго пилили натасканные к избушке дрова с помощью «Дружбы-2», то есть поперечной пилы для двоих. Собак на ночь пустили под нары, чтобы не сожрали мясо, которое, кстати, выглядело совершенно свежим. Оставили его на прежнем месте, набросав сверху побольше снега. Рано утром Утробин отправился с Юдой в «Ноев ковчег»: через день начало промыслового сезона.

Первым делом я взялся за капканы: проверил и отрегулировал их, протёр хвоей. Требуку косули разложил в пустые консервные банки — для пахучей приманки. Потом колот и складывал под навес дрова, срубил и принёс ещё несколько сухоостинов. Полагая, что со своими лыжными креплениями, пригодными только для равнины, по горам мне не походить, решил переде-

лять их в подобие юк. Провозился до глубокой ночи. Эх, лучше бы я всё это время заготавливал дрова!

На другой день — первый выход и — первая серьёзная проблема. Я собирался проложить учётный маршрут и попутно поставить капканы на норку по Казыру и впадающим в него ключам. Ещё не дошёл до реки, как случилась авария с правой лыжей: она надломилась под поперечной прорезью. Тут уж поневоле обзовёшь печатным словом того, кто придумал уменьшать прочность лыжи именно в том месте, которое приходится основная нагрузка. Если сухая древесина и сохраняет еще нужную прочность, то отсыревшая полностью её утрачивает. Думаю, что немало охотников намаялось из-за таких лыж.

Воткнул лыжи в снег и двинулся дальше пешком. Ночью хорошо морозило, и образовался наст, который местами неплохо меня держал. Поставил три капкана, на обратном пути подстрелил двух кедровок — сгодятся на приманку. Ход мой в конце подъема к зимовью, с лыжами на плече, сильно замедлился. Тумка же по насту убежала далеко вперед. Подходя к избушке, увидел, что она раскопала мясо. Взялся было за посох, чтобы вразумить зарывавшую на меня воровку, но остановился, рассудив, что сам виноват. Оставшееся мясо переложил на крышу избушки. Весь вечер допоздна, а также утро потратил на ремонт лыжи, укрепив её (под камусом) жестью от банки.

Последующие четыре дня прокладывал новые маршруты, ставил капканы на соболя. К концу каждого дня сломанная лыжа напоминала букву «Г», и уйма времени вечером и ночью уходила на восстановление её формы и хоть какой-то прочности. Однако всё больше убеждался в тщетности этих попыток.

И тут погода преподнесла очередной «сюрприз». За ночь выпало много мокрого снега, и утром шёл густой снег. Пока завтракал и собирался выходить, начался дождь. Идти куда-то не имело смысла. Это и подтолкнуло меня к мысли попробовать самому сделать лыжи. Смущало лишь отсутствие нужного инструмента: имелись только топор и охотничий нож, да ножовка находилась в избушке.

Без лыж, глубоко проваливаясь в снег, стал искать подходящий материал. Решил, что лыжи должны быть из берёзы. Вблизи зимовья берёзы росли единично, поэтому выбора почти не было. Свалил два дерева попрямее и не слишком сучкастые. Отрубил от них по брёвнышку нужной длины, с запасом. Пробовал каждое из них расколоть, но слои шли вкривь и вкось, поэтому заготовки лыж пришлось полностью вытесывать, полагаясь на свой глазомер. Труд немалый, и только к вечеру две березовые доски стояли около печки.

Пожертвовав следующим днем, превратил их в подобие лыж — не более того. Загибание носков с помощью половинки чурки (последовал совету охотника Гаврилова В.П.) окончилась неудачей. Это меня, конечно, огорчило, но не так, чтобы опустить руки. Понимал, что надо проявить упорство. А стресс помог вспомнить о другом способе загибания лыж. Как-то в одной из книг по охотпромыслу из библиотеки ВНИИОЗ видел рисунок шаблона для этой операции. Но взялся за изготовление подобного шаблона лишь после ещё одного дня мучений из-за сломанной лыжи, которая полностью переломилась, причём километрах в пяти от избушки. Теперь скреплять её пришлось уже обрезком доски с большими гвоздями.

Весь «красный день календаря», 7 ноября, посвятил подготовке к новой

попытке загибания носков лыж. Шаблон вытесал из обрубка ствола берёзы, он получился весьма массивный, длиной более чем в треть длины лыжи. Натаскал к зимовью побольше сухих пихтовых лесин, долго перепиливал их, наколот горю дров. Такая праздничная трудовая вахта привела к сильной боли в пояснице, внесла заметный вклад в мой нынешний радикулит.

Потру приступил к осуществлению задуманного. Вода в ведре, в которое были положены заготовки, кипела ровно четыре часа. Вставив концы заготовок в прибитые к шаблону скобы из баночной жести, легко согнул носки — распаренная древесина напоминала пластилин.

Пока поддерживал непрерывное кипение воды, обзавёлся, правда, не надолго, почти ручной мышью. Она не раз пробегала по столу, подбирая крошки от сухарей. Судя по длинному хвосту и рыжеватой окраске спинки, это была азиатская мышь. При очередном появлении зверька подвинул ему целый сухарь. Когда мышка приступила к трапезе, осторожно прикоснулся к её головке. Зверушка напряглась, но не сделала попытки пуститься наутёк и даже позволила осторожно погладить её пальцем. Непоседливое создание на время прекращало пиршество, куда-то убегало, но быстро возвращалось и опять сновало по столу. Поздно вечером слышал, как Тумка успешно помышковала под нарами — раздался предсмертный писк, — и больше уже не видел того симпатичного и излишне доверчивого зверька.

Между тем погода наладилась, снегопады прекратились, ощутило морозило. Пару дней ходил в маршруты на старых лыжах, ставил капканы, проверял поставленные. Старался не доломать лыжу-«калеку» — получилось. В один капкан попала норка, но от-

грызла лапу и ушла. Капкан стоял в дуплистом основании ствола старого едра. Внутри дупла сохранилась прищипанка, да и норка оставила свой пахучий секрет, что привлекло сюда соболя, натоптавшего тропки. Вновь насторожил капкан.

По вечерам раскалял печку — сушил будущие лыжи. Прогревал усиленно, до потемнения древесины, прижаты к шаблону концы. На третий день освободил их из шаблона и приступил к обработке заготовок до формы, присущей лыжам. Пользуясь только ножом, выстругивал, вернее, вырезал их, оставляя некоторый запас толщины. Стекляшком выровнял скользящие поверхности. Прибил к ним камус, снятый со старых лыж. Привязал юксы к ремешкам, продетым через прожжённые гвоздём отверстия. Примитивный инструмент, нехватка всего, тех же гвоздей, ремней (на юксы пришлось резать брючную лямку), тусклый свет лампы — всё это сильно замедляло работу. Закончил её лишь к шести часам утра.

Встал я, разумеется, поздно и вышел только в двенадцатом часу. Лыжи были сыроватыми (немного не досохли), но неплохо управляемыми на спусках. В целом ходьбой на них я был вполне доволен. Мой кропотливый труд оказался не напрасным. В этот день меня ожидал и следующий успех: поймал первого соболя. Попал он в капкан, поставленный в дупле кедра, куда хищник опрометчиво застал.

Тумка бежала впереди по лыжне. Подходя к месту, где стоял капкан, увидел, что она крутится возле дупла. С криком отогнал её. Соболя забил в верхнюю часть дупла, а лапа с капканом и хвост остались на виду. На снегу валялся оторванный собакой кончик хвоста. Сгоряча отвесил Тумке тумача (чем не каламбур?). Потом отозвал её и дал понахотать добычу, но вряд ли она что-нибудь поняла.

Теперь я удлинил свои маршруты, ходил, не думая, что лыжи подведут. Снова шли обычные снегопады: за ночь выпадало до четверти метра рыхлого, как пух, снега и почти столько же за день. Во время спуска со склона перед лыжками катилась снежная лавина шириной метра полтора и по колено высотой. Глубина снега уже превышала метр, и собаке приходилось «плыть» по лыжне сзади. После «мёртвой» пороши следов зверей почти не встречалось, и неожиданно — свежий след белки. Вытропил её сам, без помощи Тумки. И вообще за всё время пребывания здесь голос её слышал только однажды, когда она вяло облаяла тетёрку, случайно оказавшуюся на нашем пути. Сколько ни пытался заинтересовать собаку следом соболя — эффекта никакого.

Я незаметно втянулся в каждодневную длительную ходьбу, меньше уставал, но, увязая в рыхлом снегу, потел всё равно изрядно, особенно на последнем подъёме — на гору к избушке. Стремясь скорее к её уюту, неволь-

но прибавлял шаг. Весь в «мыле», входил в зимовьё и быстрее растапливал печку, когда закипал чайник, развешивал промокшую снаружи и изнутри одежду, наполовину разогнутые болотники. Замечу, что другой походной обуви у меня и не было, морозы некрепкие, такая обувь вполне пригодна, но уже при минус 15-ти требует постоянного движения. В зимовьё становилось сначала тепло, а вскоре и жарко. Тут и чай готов — наступали самые приятные за день минуты: неспешное чаепитие с сухарями, которыми щедро делился с Тумкой. Нехитрый ужин готовил попозже, когда управлялся с другими необходимыми делами: обработкой записей на маршруте, пополнением запаса дров около печки и со всем прочим, что лучше не откладывать на завтра.

Настал день, точнее вечер, прервавший только что наладившуюся обстановку. Возвращаясь в сумерках к зимовью, увидел валивший из трубы дым. Пришёл Виталий, с ним был и Юда. Почему-то радости я почти не ощутил, видимо, вошёл во вкус отшельнического обитания.

Осмотрев мои самоделки и выслушав пояснения, Утробин заметил, что всё-таки их надо было делать из колотых по слоям плах. Тогда лыжи получились бы намного тоньше и гораздо легче. Но меня порадовали слова опытного таёжника:

«Для первого раза лыжи хорошие».

С удивлением узнал, что Виталий, прервав промысел, выбрался околным путем к железной дороге и съездив домой за надувной лодкой. Утром он переплыл Томь и спрятал лодку у реки. Так что предстоящий выход к людям будет для меня несложным.

В течение трёх дней Утробин представлял капканы по своим путикам, возвращаясь очень поздно. Сетовал, что маловато тут соболя. Одного зверька ему удалось добыть. Я же начал снимать капканы, но больше времени тратил на необходимые для учета тропления соболя, выдры и неожиданно встреченного следа россомахи. Ясная погода позволяла навестить с фотосъемкой. В «Зените» была цветная пленка (на слайды), в «Смене» — черно-белая.

Один день ходили вместе. Виталий хотел найти избушку охотника-сезонника, уже не выходявшего на промысел. Поиски эти не увенчались успехом, зато добавилось полтора десятка километров очередного учётного маршрута и несколько отснятых кадров. Как позже выяснилось, мы прошли мимо нужного распада. Было отрядно заметить, что шёл ноздря в ноздю с напарником.

День 21 ноября завершился моим возвращением к мирским условиям. На рассвете сказал «спасибо» приятельке меня зимовью. Виталий шёл налегке, а мои плечи снова оттягивал рюкзак, хотя и сильно полегчавший за месяц. По пути добавлял в него капканы, стоявшие по Казыру. Остался

последний, засунутый в небольшое дупло у корней пихты. Капкана на месте не оказалось. В нескольких метрах от дупла увидели припорошенный снегом бугорок. Это был замерзший соболя с передней лапой в капкане. Ему удалось перекрутить тросик, но далеко уйти сил не хватило. Вот так удача! От радости я готов был прыгать.

Вода в Томи поднялась, по реке густо шла шуга. Надули лодку, уложили рюкзак. Лыжи я намеревался взять с собой, но в последний момент решил оставить их Утробину. Во-первых, лодочке и без них грозил перегруз, во-вторых, хотелось хоть как-то отблагодарить Виталия за всё.

Утробин сел за вёсла, я держал на руках Тумку, чтобы не крутилась и не прыгала лодку. Поскуливал оставшийся на берегу Юда. Умный пес не рвался с поводка, привязанного к бревну, понимая, что хозяин вернётся к лежащим рядом лыжам и рюкзаку. Течением нас снесло довольно далеко. Я с рюкзаком и собакой на поводке. Виталий с лодкой за спиной прошли берегом вверх по течению, поравнялись с ж/д платформой 141-го километра. Попрощались без лишнего слов, пожали друг другу руки.

Утром следующего дня я добрался в Шору. Волода вернулся в посёлок накануне. За месяц он добыл семь десятков белок, тоже попутно с проведением учетов. Охотился в основном «на подслух». Взятый им кобелёк даже в белковании был никудышным помощником. С собаками нам явно не повезло.

Первым делом я снял шкурку с соболя, обезжирил её, посадил на правилку; к 16 часам она почти высохла. Пришил к другой шкурке, и довольно искусно, кончик хвоста, оторванный Тумкой. Понёс сдавать шкурки в промхоз. Приняли их хорошо: первый сорт без дефектов. Оба соболя были довольно светлые, поэтому за две шкурки насчитали всего 79 руб. 20 коп., а выплатили только 49 руб. (60%) — таков был порядок: доплату охотники получали позднее, нередко через год. И все равно деньги немалые — получил больше, чем стипендия в институте.

Вечером вываривал в котелке голову соболей, чтобы очистить их от мяса.

Череп добытых зверей и другие экспонаты мы обязаны были привозить с практики для музея факультета.

Назавтра завершили бумажные дела и выехали в Аскиз. Там я сдал Тумку хозяину, не скрыв от него, что собака других достоинств, кроме экстерьера, не имеет. Иных слов, очевидно, он от меня не ждал.

На этом наша ученая эпопея закончилась, но практика продолжалась еще почти два месяца. Новый, 1980, год мы с Владимиром Ильичом встречали в Шушенском (только не в знаменитом селе, а в коопзверопромхозе), где проводили учеты пушных и копытных зверей.

Архангельская обл., пос. Коноша

На подкормочной площадке

Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

Если исключить пушные виды, то программа акклиматизация охотничьих животных в Советском Союзе заключалась в перемещении их из мест естественных ареалов в другие природные и климатические зоны, но в пределах только нашей страны. Чаще всего объектами акклиматизации становились копытные. Так в Подмосковье появились маралы, европейские и пятнистые олени, сибирские косули.

С появлением частных охотничьих хозяйств и вольерных участков завоз животных, не только из других регионов нашей страны, но и из-за рубежа, принял почти массовый характер. Среди «иностранцев», завозимых в Россию, доминируют европейский благородный олень и лань. Разведение этих видов на специализированных фермах в Западной Европе поставлено на промышленную основу. Они относительно дешевы и для них разработаны специальные кормовые рационы. Но климат России, даже в её европейской части, значительно более суров, чем в Западной Европе, поэтому если для наших аборигенов достаточно подкормки, т. к. они находят корм и в естественной среде, то ту же лань необходимо постоянно не просто подкармливать, а кормить.

А. БЛЮМ

Первые охоты с Василием Егоровичем и его гончей

Н. ФЕОКТИСТОВ, г. Екатеринбург

Василий Егорович Поляков.
Фото Н. Феоктистова

Полные тревоги со смесью отчаяния зовы: «Тая, Т...а...я!», разносившиеся по осеннему заснеженному лесу, глушил ветер, яростно терзающий вершины корабельных сосен. Егорыч при выборе этого места охоты как всегда проанализировал его по различным источникам на наличие волков. По всем данным их здесь не могло быть и хотя он знал это, всё же опасался за свою любимицу Таю. Он всегда прекрасно ориентировался в лесу, а эти места были ему знакомы множество лет. Выходило, что шустрый зайчишка пошёл напрямую в дальний массив, где проходил канал питьевой воды для г. Екатеринбурга. Егорыч твёрдо знал, что Тая ни при каких обстоятельствах не бросит следа. Да, она может сколоться, но школа, которую он ей дал, не прошла даром. Собака твёрдо знала, что нужно делать при таких обстоятельствах. Ей приходилось, как биатлонисту при промахе, делать несколько «штрафных» раскручивающихся концентрических витков и вот наконец он — свежий выходной след! И снова в лесу раздавалась незабываемая песня, песня гона, которую с такой любовью и с таким колоритом описали классики русской псовой охоты....

Как и предполагал Василий Егорович, зайчишка действительно оказал

ся «проходной», снять Таюшку с гона не было возможности и надо было идти до «родного заячьего порога». Оказалось, что это примерно километров восемь — десять с русским «гаком»! Обрато возвращались по дороге, сил на охоту не осталось, да и время близилось к вечеру.

Такой оказалась одна из первых совместных моих охот с Таем и её хозяином — экспертом-кинологом всероссийской категории по охотничьим собакам Василием Егоровичем Поляковым. Я, один из дилетантов, прежде никогда не занимавшийся охотой с гончими, но много прочитавший о ней, не разочаровался первым не очень удачным опытом. Был ещё один совместный выезд с Егорычем в Аятское охотхозяйство, но охотились мы с ним автономно: он с Таем на зайчишек, а я со своей легавой курцхааром Джинной — на тетеревов и вальдшнепов.

Через два примерно года мы выехали с Таем, Егорычем и моим постоянным напарником на охотах Ю. Н. Нестерко на настоящую «заячью» охоту в места, где, по отзывам, зайца было «как грязи». Эти сведения оказались верными. Тая сразу же взяла след и через несколько минут заяц был чисто бит Егорычем. Затем всё снова повторилось, только взял зайчишку Юрий Николаевич. Потом снова отличился Юрий Николаевич, а после него снова Егорыч. Ну, а мне до обидного не везло. Таюшка работала просто ве-

ликолепно. «Сколы» она выправляла очень быстро, и вновь звучала её песня, при звуках которой ноги, казалось, не способные тебя ни за какие коврижки нести, сами вдруг как в сапогах-скороходах с невероятной скоростью переносили тебя под гон! Я же не понимал, как мне нужно было себя вести. И в конце концов, раздосадованный, пошёл и улёгся спать в «УАЗик»! Мне, как водителю, «выделили» одного зайчика из шести добытых.

Вполне понятно, что такой расклад меня не мог никак устроить. Пришлось поизучать литературу, почитать рассказы про охоту с гончими. И в следующий выезд вдвоём с Егорычем и, разумеется, с Таюшкой, я ехал с самыми решительными намерениями.

И вот мы снова в пути. Едем вторым: я, Егорыч и, конечно, Тая. Охотиться будем два дня, ночёвка в охотничьей избушке, словом, всё отлично. Через два часа мы были на месте. «УАЗик» оставили прямо у избушки, как бы давая знать, что «жильё» занято, а сами отправились через лог в большой лесной массив. Переход зайца около часа. Сразу же приступили к охоте, пошли через массив по пути порская и подбадривая Таюшку. Вскоре в стороне, примерно в полукilометре от меня, я услышал страстную песню Таи. Послушав несколько минут и определив примерную «траекторию» гона, я побежал искать «лаз» зверька. Но на первом круге мне не удалось перехва-

На охоте

Русская гончая

Фото В. Животченко

тить гон. Определив по следам тропу, я подыскал удобное место и встал так, чтобы во все стороны был удобный «прострел» без помех.

С особым волнением я слушал волшебную музыку осенней охоты с гончей.

Лейтмотивом в палитре звуков, создаваемых ветром, подобно партии первой скрипки неслась полная азарта мелодия песни Таюшки. Гон то удалялся от меня в сторону, то вновь приближался, явно «стекая» влево, и наконец я понял, что стою точно на «лазу» и зайчишка всенепременно будет пробегать где-то поблизости. И вот он мелькнул в кустах слева, я изловчился встретить его на «подготовленных заранее позициях», но... не тут-то было. Зайчишка не побежал туда, а сместился правее и замелькал в самой чаще кустарника. «Ну погоди, у меня ещё одно место приготовлено!» — думал я — и развернулся ещё правее. Однако «косой» опять не пошёл на мои «подготовленные позиции», а рванул через самые густые заросли. Делать было нечего и я «продуплетил» прямо по кустам с нужным упреждением. Зайчишка пробежал метров 15 и, как мне показалось, сел. Подбежав, я увидел, что он бит чисто. Помня наставления Егорыча, я не стал трогать трофей, а стал ждать Таюшку. Вот она оказалась и строго по следу, как курви-

метр по карте, добралась до зайчишки. «Ну, наконец-то я тебя достала» и Тая с наслаждением добрала свою добычу.

Вскоре подошёл и Егорыч, немногословно поздравил меня с «полем». Мы немного посидели, отдохнули и отправились дальше. По поведению Таюшки нам стало понятно, что где-то поблизости есть ещё зверёк. Действительно, через несколько минут опять слышалась всегда волнующая душу охотника мелодия гона. Я попытался повторить свой успех, побежал под гон, но Егорыч уже был на месте, потому что гулко прозвучал выстрел и послышалось: «Дошёл!»

Завечерело. Вершины сосен зажглись багровым пламенем заката. Почти безоблачное небо с его необычайно тонкой палитрой красок, плавно переходящих от одного оттенка к другому, наполняло душу какой-то особой благодатью. Даже усталость не мешала наслаждаться этим единением с живой природой, чувствовать себя пусть крошечной, недолговечной и хрупкой, но всё же реально существующей в этот миг частичкой единого целого мира.

Добравшись до избушки стали готовиться к ночлегу. Привычно нарубили и накололи дров, принесли воды, стали кипятить чайник. Таюшка забралась на нары и терпеливо ждала, когда её покормят. Егорыч быстро «сообразил» для неё кушанье и позвал на улицу. Наша работница проворно справилась с едой, попросилась в избушку и улеглась отдыхать. Её лапки изрядно потрудились сегодня и, наверное, тоже «гудели».

У охотников за заветной бутылочкой потекла неторопливая беседа, сотканная из воспоминаний о минувших охотах, друзьях-товарищах и, конечно, о любимых собаках. Егорыч, прекрасно разбирающийся во всех вопросах, касающихся охотничьих собак, рассказывал о десятках рингов, испытаний, о различных ситуациях, которые возникали в их процессе. Он очень увлечённо описывал работу лаек, гончих. В свете свечи, неярко горящей на импровизированном столе, его глаза и лицо оживали по-особому и были красивы той неброской мужской кра-

сотою, которая наверное и называется душевной.

Выспавшись вволю, попив утреннего чайку, мы снова отправились на охоту. На этот раз мы решили «проверить» небольшой лесной массив, скорее «колок» километрах в шести от избушки. Выбравшись на «УАЗике» задним ходом на дорогу, мы поехали на место. Вскоре «спешившись», отправились в «полаз». Интуиция нас не подвела: буквально через 15 минут Таюшка подняла и погнала зайца. Я уже знал, что нужно делать. Выбежав из колка, вначале услышал, а затем и увидел, что Тая гонит зайца по редколесью метрах в 150 от меня. Причём гон стекает практически на меня. Собразив, что стою точно на «лазе», изловчился к выстрелу. И вот он, заяц! Но то ли он заметил мои манёвры, то ли что-то другое, однако он только на миг показал голову из-за бугра и сразу же исчез! Интуитивно определив, что он выйдет правее, я метнулся вправо. Заяц точно появился правее, ... но сразу же, заметив меня, двумя большими прыжками вернулся за насыпь у дороги. И опять же интуитивно я бросился метров на 15 влево, и только изловчился, как зайчишка на большой скорости выкатил буквально на меня. Выстрел пришлось производить «влёт» — зверёк был в длинном прыжке! Тая оказалась уже рядом и сразу же довела дело до конца. Через несколько минут подошёл Егорыч. Мы посидели, отдохнули, попили чайку и продолжили так хорошо начавшийся охотничий день...

За этот выезд мы добыли шесть зайцев, т.е. по три головы на охотника.

Таюшка отработала великолепно, сколы, конечно, были, но она с таким мастерством их выправляла, что оставалось только диву даваться. Абсолютно надёжная работа, очень удобная для охотника паратость вызывают и сейчас у меня чувство восхищения, смешанное с острой грустью. Таюшки, как и моей Джины нет в живых... Остались только очень отчётливые воспоминания, живые глаза наших любимых собак, их звёздные мгновения, запечатлённые, к сожалению, только в памяти их хозяев...

Итоги фотоконкурса «Охота и природа 2013»

Подведя итоги фотоконкурса, редакция решила:

Первую премию (10000 р.) присудить ТИШКЕВИЧУ Сергею Александровичу за ряд фотоочерков об охотничьих животных и охоте на них.

Вторую премию (5000 р.) присудить НАЗАРОВУ Александру Петровичу за серию фотоочерков и отдельные фото.

Третью премию (3000 р.) присудить КОЛОБОВУ Александру Евгеньевичу, КОЧЕРГИНУ Николаю Ивановичу, ТРАПЕЗНИКОВУ Павлу Николаевичу за серии фотографий и отдельные фотографии.

Редакция журнала благодарит всех участников конкурса. Ваши фотографии, и получившие, и не получившие премии, могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям, публикуемым в журнале.

Просьба к участникам конкурса — сопровождать присылаемые фото небольшим текстом, объединяющим их в тематические очерки.

Условия фотоконкурса «Охота и природа, 2014» читайте в журнале №1, 2014 год.

FRIEDR. WILH. HEYM GEWEHR-FABRIK SUNL

Накануне первой мировой войны, в апреле 1914 года, зульский оружейник Карл Адольф Хейм прислал на киевскую выставку Русского Общества правильной охоты десяток ружей семейной фабрики. Среди них — два садочных ружья (Taubenflinte), заказанные украинскими стрелками через киевский оружейный магазин И. Д. Куровского. Двустволки 12-го калибра с замками на боковых досках были выполнены в лучших традициях лондонской оружейной школы. Внутри ящиков, в которых размещались ружья, красовался логотип производителя (илл. 1).

Первые ружья такого типа фирма «Ф. В. Хейм» изготовила в 1912 году для берлинских садочных стрелков, а полтора года спустя направила партию двустволок и в Россию. На выставке в Киеве ружья с логотипом Fried.Wilh.Heym были удостоены высшей награды — золотой медали, что явилось логическим завершением многолетнего устремления фабрики на русский рынок. Вплоть до начала боевых действий на германском фронте Россия оставалась крупнейшим торговым партнёром популярной фирмы.

С самого начала XX столетия все крупные оружейные магазины Москвы, Петербурга, Киева, Тифлиса, Варшавы неизменно помещали в своих прейскурантах изделия германской фабрики (илл. 2). Особенно прославилась фирма среди зверовых охотников — её трёхстволки и штуцера считались лучшими среди всех моделей германского оружия подобного типа, поступавшего на дореволюционный рынок. Однако ниша дорогого гладкоствольного оружия все эти годы была прочно занята продукцией английских и бельгийских производителей. Тягаться с лондонскими и брюссельскими оружейниками можно было только в категории дорогих садочных ружей (pigeon guns) и двустволок для спортивной стрельбы дичи (game guns). Впрочем, в России загонная стрельба фазанов, куропаток и другой пернатой дичи в силу национальных традиций не пользовалась особой популярностью. Поэтому в экспортной продукции для нашего рынка гладкостволки для загонной охоты отсутствовали, а садочные ружья появились только перед войной 1914 года.

Знаменитые ружья Friedrich Wilhelm Heym

Юрий МАСЛОВ

Итоги первой мировой не только перекроили политическую карту европейского континента, но и создали условия для изменения общественной системы в самой крупной стране мира — Российской империи. Лучшие производители охотничьего оружия на целых 80 лет лишились обширного рынка сбыта. Среди них и предприятие Friedrich Wilhelm Heym.

В дореволюционной России фирму именовали «Гейм». Эта же фонетическая транскрипция на долгие годы закрепилась и среди советских охотников. И лишь в конце 1990-х годов, когда на рынок новой России вернулись ру-

жья знаменитой фирмы, утвердилось и новое, малознакомое для широкой аудитории пользователей название — «Хайм». Впрочем, с учётом передачи всех тонкостей произношения, более точное правописание «Хейм». Его мы и будем придерживаться.

Фридрих Вильгельм Хейм основал свою фабрику (илл. 3) в Зуле в июле 1865 года и с самого начала сделал ставку на продукцию высокого качества. Прошло полтора века, но большинство ружей, выпущенных когда-либо фирмой «Фридрих Хейм», до сих пор находятся в рабочем состоянии! Подобным результатом могут похва-

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ Товарищества на паяхъ „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“ (сполна оплаченный основной капиталъ 250,000 рублей).

въ Москвѣ, Петровка, № 3.
(Главный складъ: Рождественка, Кисельный пер. д. Франкъ.)

Уведомляем гг. охотниковъ, что получена партия трёхствольныхъ ружей работы Гейма въ Зуль.

СВИДѢТЕЛЬСТВЪ НА ПРАВО ПОКУШКИ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

ТРЕХСТВОЛКА РАБОТЫ ГЕЙМА въ ЗУЛЬ, стволы изъ пресланной стали Круппа, первое дульное кол. 12 или 16 дюйм.—чист, правый—подрусок, левый парковой кол. 8 м/л или 10,75 м/л; масса равномерная съ многими цѣпками для стѣлки въ дульное ствол, авторъ, гробной Ричарда или Гримера съ ключомъ между куркомъ, замка въ видѣ вѣд. пружины, курокъ работы, правый совмѣст. съ шпателью; курокъ покрывающ. Переносъ проката курка на левый стволъ производится помощью замочка на дѣльной лямкѣ. Колеса изъ лучшей стали, самой солидной конструкции; шпиль Эдисона; лямка настоящие со шпилью въ марганцевомъ орудіи. Работа вѣсти ружья, прочность и бой не оставляющ. желать, масса оружія, лѣвой пер. галерея боковой гравировки, веска плашечная. Вѣсъ около 7½ фунт.

Цѣна 180 р.

100 патроновъ бездымныхъ, кол. 10,75 или 8 м/л 18 руб.

Приборъ для переноски патроновъ 8 руб.

Патроны 6 р. 60 к., высшей шпиль. 8 р.

ТРЕХСТВОЛКА РАБОТЫ ГЕЙМА въ ЗУЛЬ, стволы изъ пресланной стали Круппа, первое дульное кол. 12 или 16 дюйм.—чист, правый—подрусок, левый парковой кол. 8 м/л или 10,75 м/л; масса равномерная съ многими цѣпками для стѣлки въ дульное ствол, авторъ, гробной Ричарда или Гримера съ ключомъ между куркомъ, замка въ видѣ вѣд. пружины, курокъ работы, правый совмѣст. съ шпателью; курокъ покрывающ. Переносъ проката курка на левый стволъ производится помощью замочка на дѣльной лямкѣ. Колеса изъ лучшей стали, самой солидной конструкции; шпиль Эдисона; лямка настоящие со шпилью въ марганцевомъ орудіи. Работа вѣсти ружья, прочность и бой не оставляющ. желать, масса оружія, лѣвой пер. галерея боковой гравировки, веска плашечная. Вѣсъ около 7½ фунт.

Цѣна 210 рублей.

3

статья только англичане.

Немецкая фирма сразу заслужила безукоризненную репутацию, а мировое признание пришло после того, как в мае 1891 года Фридрих Хейм создал первый в мире бескурковый тройник. Фабрика обновила станочный парк и взялась за производство бескурковых штуцеров и бюксфлинтов. Они-то и прославили на весь мир имя немецкого оружейника.

Семья у Фридриха Хейма даже по тем временам была немаленькая: дочь и пятеро сыновей (илл. 4). В 1912 году фирму возглавил Карл Адольф, а с 1920 года — Август Вильгельм. Братья не изменили стратегии отца — на фабрике по-прежнему добивались технического совершенства во всём. С 1914 года и вплоть до второй мировой охотничьи ружья Friedrich Wilhelm Neum удостоивались золотых медалей на всех международных выставках.

Война 1941—45 гг. чуть не поставила точку в истории знаменитой фирмы. После раздела Германии город Зуль отошёл к ГДР, и его оружейные предприятия были национализированы. Август Хейм с сыном Рольфом переехал в американскую зону оккупации. Пришлось начинать с нуля.

Хеймы открыли в Остхайме небольшую мастерскую. Выпускали счётные машинки, настенные часы. Заработав первоначальный капитал, семейство перебирается в Мюннерштадт, и в 1952 году отец с сыном строят здесь новую оружейную фабрику.

Поначалу фирма ограничилась производством пневматических винтовок и пистолетов калибра 4,5 мм — германское законодательство запрещало изготовление многих видов огнестрельного оружия. В 1963 году, после перехода руководства к Рольфу Хейму, налаживается выпуск «вертика-

лок» с комбинированными стволами модели 22BF и трёхстволки модели 37 с замками на боковых досках. В это же время фирма вкладывает большие деньги и в перспективные разработки. В результате появились базовые горизонталка 88-й модели и вертикалка 55-й модели.

Хеймы всегда придавали большое значение качеству материалов. Так, до 1914 года для изготовления коробок использовалась природнолегированная сталь высшего качества, которую Германия импортировала из Швеции. Стволы делались из специальных углеродистых сталей Виттена и Круппа.

Современная продукция компании — сложнейшие изделия, насчитывающие десятки деталей разной конфигурации и для каждой конструкции выбирают материал в зависимости от её назначения и величины вос-

принимаемой нагрузки. Для коробок используется только термически обработанная легированная сталь. Ствольные трубки изготавливаются из высших сортов конструкционной стали фирмы «Фридрих Крупп», отличающейся высокими механическими характеристиками и отличной обрабатываемостью.

Сейчас на предприятии производится более 10 моделей ружей высокого и среднего класса. Почти половина выпускаемой продукции идёт на экспорт в десятки стран мира. А индивидуальные заказы поступают буквально отовсюду. Особой популярностью пользуются крупнокалиберные двухствольные штуцера 55-й и 88-й модели для африканских охот. Это, кстати, самое дорогое и самое престижное оружие немецкой фирмы. Характерная особенность современного производства — выпуск на базе одной модели многочисленных вариантов, которые различаются системами замков, массой, длиной стволов, формами лож, сочетанием гладких и нарезных калибров. Последнее касается тройников и вертикалок с комбинированными стволами.

Кстати, наряду с «фирменным блюдом» — африканскими штуцерами фирма «Хейм» изготавливает три модели магазинок. Это карабины с поворотными продольно-скользящими затворами (SR20 и SR21) и затвором прямого действия (SR30). Используются спросом и тройники, главным образом, классические модели 33 (илл. 5) и 37. Последняя модель выпускается с замками на досках и отдельным взводом замка, обслуживающего нижний нарезной ствол. Для некоторых видов охот по зверю и птице незаменимыми

1. Логотип производителя
2. Прейскурант изделия фабрики
3. Фридрих Вильгельм Хейм основал свою фабрику в Зуле в июле 1865 года
4. Семья Фридриха Хейма: дочь и пятеро сыновей

4

5

спутниками будут бокдринлинг модели 35 (это тот же тройник, но с нарезным стволом крупного калибра снизу и малокалиберным — сбоку). Для горных охот фирма предлагает одноствольный штуцер-переломку модели 44 под 20 типов патронов. Любителей ходовой охоты, конечно же, не оставит равнодушными лёгкая комбинированная вертикалка 25-й модели с верхним гладким стволом, нижним — нарезным, дюралевой коробкой и отдельным взводом пулевого замка.

В 1996 году фирма обосновывается в Гляйхамберге в полусотне километров от Зуля. В программе предприятия появляется магазинный охотничий карабин SR30 с продольно-скользящим затвором прямого действия, то есть без поворота стебля при запирании (аналог «базеровского» R93).

Запирание патронника у Heym SR30 осуществляется с помощью шести шариков, расположенных в стебле затвора, которые при достижении крайнего переднего положения входят в соответствующую проточку ствольной коробки. При оттягивании рукоятки назад, шарики «проваливаются» внутрь, обеспечивая отпирание патронника и перезарядку карабина.

Наряду с карабином SR30 в Гляйхамберге появилась и четырёхстволька модели 37V (V от слова Vierling — четырёхстволька). Её делают в штучном исполнении исключительно на заказ. Четырёхстволька выполнена в Т-образном варианте с двумя верхними гладкими, средним — малокалиберным под патрончик кольцевого воспламенения и нижним крупнокалиберным нарезным стволами.

Наконец, в середине 2006 года фирма вернулась к производству гладкоствольных ружей высшего класса. Прототипом послужила та самая бескурковка, присланная в 1914 году на киевскую выставку (илл. 6). Правда, современное ружьё отличается рядом инноваций (илл. 7). Во-первых, это современные материалы, обеспечивающие изделию высокую живучесть. Во-вторых, верхнее запирание выполнено в виде поперечного штифта Гринера. В-третьих, модель представляет собой не садовое ружьё с полными чоками, а охотничий вариант с дульными устройствами «улучшенный цилиндр» (0,25 мм) и «три четверти чока» (0,75 мм). Двустволка делается в калибрах 12/70 и 12/76 с длиной стволов 720 мм и весит не более 3,2 кг.

Гравировка на ружьях выполняется не на стороне, как это принято в других немецких фирмах, а в собственной гравировальной мастерской. По оценкам специалистов мастера резца фирмы «Хейм» — лучшие в Германии.

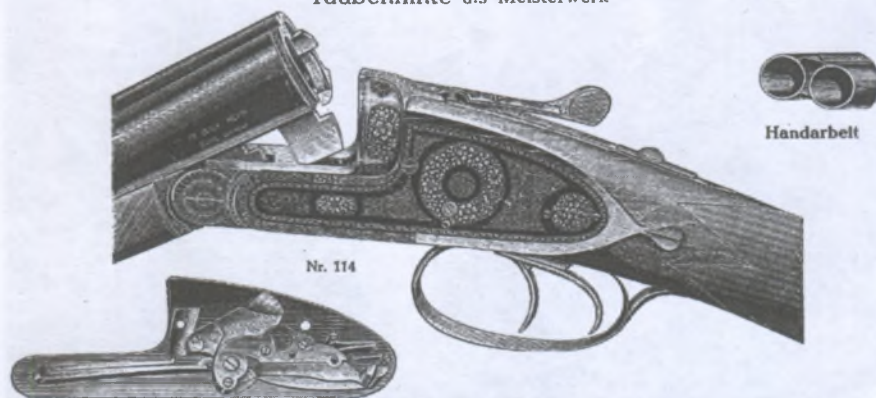
Пословица: «клиент прав всегда» — справедлива и в отношении ружейного декора. Заказчики со строгими вкусами весьма придирчивы в вопросах эстетики и излишне тяжёлая гравировка немецких ружей многим не нравятся. Для них фирма делает ружья в строгом английском стиле и даже совсем без украшений. Впрочем, стоимость таких изделий лишь немногим меньше, чем ружей с изощрённым декором. Дело в том, что зазоры между деталями приходится подгонять с микронной точностью, в то время как обильная гравировка позволяет скрыть некоторые огрехи и заметно облегчает задачу.

И всё же главная достоинство изделий фирмы — надёжность. По соотношению класса, показателям боя, долговечности и цены оружию F. W. Heym в Германии равных не было и нет. Специалисты ставят его в один ряд с изделиями лучших британских оружейников, а некоторые вообще отдают им первое место.

5. Классическая модель тройника
6. Бескурковка, присланная в 1914 г. на киевскую выставку
7. Современная торговая марка

FRIEDR. WILH. HEYM, SUHL

Taubenflinte als Meisterwerk

Nr. 114

Handarbelt

Nr. 118. Taubenflinte System Holland-Holland-Seitenschlosse, mit Ejektor u. Purdey-Verschluss, Krupp-Stahl-Läufe, Schlosse mit doppelten Rasten, feine Arabesken-Verzierung mit Rosenbouquets

Nr. 114. wie vor, feinste Ausführung und Vollendung, als Meisterwerk gearbeitet
Vollständiger Ersatz für die teuersten englischen Oewehrmarken!

6

7

День охотоведов

Отмечать его в качестве профессионального праздника стало традицией еще в Московском Пушно-Меховом институте (МПМИ) и, вероятно, с момента организации в его стенах зверо-охотоведческого факультета с двумя отделениями: звероводство и охотоведение.

Не угасла эта традиция и в Иркутске, куда нас перевели в 1955 году. Однако здесь, в Иркутском сельскохозяйственном институте (ИСХИ), отделение охотоведения было в составе зоотехнического факультета. Приурочен наш день был к 1 апреля, а «празднование» — к ближайшему предвыходному дню недели. Даже повода для вечерней «аренды» институтской столовой долго искать было не надо. Начальство вполне проникалось, как никак и среди них немало охотоведов. Видимо, предпочитали, чтобы свои студенты пьянствовали и даже «дебоширили» под собственным присмотром, чем где-либо на стороне.

Много догадок высказывалось в отношении столь неожиданной даты нашего дня. Всем известно — «первый апрель, никому не верь» или «день дураков». Алексей Михайлович Колосов, в те времена наш декан, даже высказал мысль, что, мол, не случайно это время избрали: всему причина — фон «сказок» «дяди Пети». Слушайте «сказки», но помните про первое апреля. Конечно, это была шутка, выказанная в качестве тоста за «Учителя и Основателя». Тем не менее — Пётр Александрович Мантейфель, конечно, был великий сказочник, и не случайно даже мы, ещё первокурсники, бегали послушать его лекции по «Биотехнии».

Видимо, именно по этой причине редко совпадали во времени пары лекционных часов «дяди Пети» с таковыми по истории партии, марксизму-ленинизму и т.п.. На последних ничего не слушали, но ведь и не сбежишь из-за регулярных проверок, поэтому дружно спали или читали. Для усвоения курсов, т. е. «внимательного слушания» или конспектирования, находили добровольцев, были и такие. Или назначали поочередно «вперёд сидящих и глазами едящих» особу лектора. Конечно, и лектору приятно, что хоть кто-то его слушает, «ест глазами», а тем более записывает «наиболее ценные» высказывания.

1955-й год коварный для охотоведения, школа разорвалась в своих традициях, несмотря на полную идентичность учебных программ. Мы «последние из МПМИ» оказались своего рода изгоями как в глазах выпускников «пушмеха», так и изначальных иркутян. Это спустя некоторое время иркутяне потянулись к «москвичам,

чувствуя в них, как ныне модно говорить, более мощную охотоведческую ауру. Вначале коллеге Юре Чичикину пришлось даже сочинять свой вариант «Гимна охотоведов», где начальными словами было: «Нам Скалон не папа и не мама...», а далее: «... вырастил нас дядя Петя...» Это всё по-прежнему на мотив «Гоп со смыком».

Раскол в охотоведении произошёл нештучный, и не случайно выпускники МПМИ именовали иркутских «скалонистами», а наоборот — «дядяпетистами». МПМИшники — ИСХИшники попали в ситуацию, как черно-белые метисы. Когда черные, глядя на бастарда, говорят: «Не наш — беловатый», а белые в свою очередь тоже: «Не наш — черноватый». Для меня ситуацию прояснил один забавный случай. Какое-то время, будучи в аспирантуре КазПИ в Алма-Ате, мне пришлось несколько дней прожить дома у своего учителя профессора В.Н. Скалона. Он только получил квартиру, а семья ещё не переехала.

В это время Василий Николаевич работал над какой-то брошюрой вместе со своим братом Николаем Николаевичем. Зашёл спор в общих чертах о приоритетах в охотничьем хозяйстве: с одной стороны человек — шире охотника, с другой — ресурс, т. е. объект охоты. Спор был достаточно горячим и один из братьев — Н.Н., не выдержав аргументов другого, заявил: «Ты же ни черта не понимаешь — типичный скалонист». Вот здесь уже не выдержал я — заржал. Это принесло разрядку — и гомерический хохот обоих полемистов, в конце концов нашли «консенсус».

Тем не менее тот факт, что мы оказались «учениками» двух школ, имел свои не только плюсовые, но и отрицательные моменты. Вновь придётся обратиться к анекдотической ситуации — «черный идёт в синагогу, окружающие говорят: ему мало, что он негр, так он ещё и еврей». В нашем случае это выглядело таким образом: «Ему мало, что он «дядяпетист», так он ещё и «скалонист». Видимо, в кругу любых специалистов существуют приверженцы не сути дела, а сторонники символов, как правило, это не всегда признак интеллектуальной перегрузки.

В силу обстоятельств ещё в детстве я попал в Забайкалье, где пришлось долгое время лечить ногу. Лечение выразилось в свежем воздухе соснового бора, окружающего наш санаторий, сравнительно приличном питании, лошадиных дозах хлористого кальция и неограниченного количества рыбьего жира. В свои тринадцать — четырнадцать, я после военных лет, весьма скромного, в основном расти-

тельнойного, существования, размордел, болезнь отступила, а вернее заглохла где-то там внутри. Следствие — на всю жизнь некоторое ограничение подвижности ноги, сравнительно со здоровой и «естественный» спутник — постоянная боль.

Я в среде охотников, любых — любителей, профессионалов — различаю две категории. Одни бегут за своей удачей. Другие предпочитают её где-то ждать. Из-за природной лени, да ещё и ноги, стал приверженцем второй категории. Чтобы приблизить к себе охотничью удачу, не бегая за ней, приходится много наблюдать, иногда даже думать. Естественно, многое проходит лишь через оперативную память, но кое-что остаётся и на длительное хранение. Для вскрытия информации в «хранилищах» нужен код, а это как раз наброски в полевых дневниках. Зачем, например, гоняться за определённым экземпляром снежного барана, если есть возможность несколько дней понаблюдать за его поведением издалека. Потом остается лишь занять место, где почти неизбежно произойдет встреча. И неизвестно еще, какие из этих двух групп охотников более удачливы, вполне возможно, что некая «смесь» из первых и вторых. Приближению удачи способствует и хорошее, лучше отличное, оружие — дальнобойная, мощная винтовка, но в то же время с очень точным боем.

В забайкальском санатории произошла одна замечательная для меня встреча. Однажды в наш посёлок с довольно странным с названием Кука (не дань ли это памяти капитану, съеденному аборигенами Полинезии?) приехал верхом на лошади бурят. Начал расспрашивать живут ли в посёлке буряты. Его спросили: «Кого конкретно ищешь?» Он ответил: «Буряты», «Какого?» — «Любого». «Зачем?» — «Переночевать надо».

Вот и всё. С тех пор, где бы я ни появился, спрашиваю: «Охотоведы есть?» Если есть, никаких проблем не будет — «скалонист» он или «дядяпетист». Так и я, появился впервые на Камчатке и сразу давай искать охотоведа. Нашёл, им был Владимир Савенков. Так всегда было и у меня, приезжали, спрашивали: «Охотовед?» — «Охотовед!» — «На ключи».

На наших традиционных встречах первого апреля мой первый тост, а он по возрастным критериям всё чаще становится именно первым — за «бурят», кто в курсе, тот знает, что это за охотоведов. Кто не знает, тому объяснят.

В. Филь,
«дядяпетист» — «скалонист»,
но всё же — охотовед.

Снаряжение патронов малых калибров

А. БЛЮМ

К сожалению, общий ряд калибров в нашей стране терпит урон. С потерей монополии на заготовку пушнины государство перестало заказывать оружейным заводам ружья малых калибров — 28 и 32. А именно они наиболее востребованы в промысловых районах. И это не удивительно, ведь в заготовках большей частью присутствуют мелкие животные: белка, соболя, куница, а из птиц — рябчик. Для охотника, занимающегося пушным промыслом, просто невозможно целыми днями таскать по тайге крупнокалиберное ружье и килограммы патронов к нему. Совершенно не рационально и дорого тратить на одну белку 32 г дробы и более 2 г пороха. Велик не только 12 калибр, но и 20. И вот вместо совсем забытых 28 и 32 калибров появился в нашей стране новый — .410. И для этого калибра есть все: и гильзы длиной 70, 73 и 76 мм, и полиэтиленовые пыжи-контейнеры, и даже специальный порох Сунар 410.

К счастью, ушло то время, когда все эксперименты по снаряжению патронов с разными характеристиками охотники-любители (и промысловики тоже) вынуждены были проводить с одним порохом, пусть даже и довольно универсальным. Но известно, что универсальность обладает тем качеством, что если она берется для какого-нибудь ряда, то для крайних элементов ее как раз и не хватает. И действительно, снаряжая патроны типа «магнум» или «полумагнум» порохом «Сокол» (универсальный) и Сунаром-магнум (специализированный), замечаем, что результаты у последнего значительно лучше. Эксперименты показали, что патроны .410 калибра, снаряженные «Соколом», заметно проигрывают по баллистическим характеристикам патронам с порохом «Сунар 410». А все дело в том,

что процессы, происходящие в патроннике (в гильзе) и стволе в момент выстрела, в малых калибрах отличаются от таковых же в стволах крупных калибров.

В больших калибрах порох сгорает под воздействием сопротивления большой массы дробы, тугих пыжей и завальцовки гильзы, и, заметим, именно для таких условий он создан, чтобы полнее реализовывать свои металлические возможности. В малых калибрах должен применяться такой порох, который полностью сгорает при малом сопротивлении небольшого снаряда дробы, но не создаёт чрезмерного давления, которое и так достаточно высокое, эти пороха тоже относятся к медленногорящим. И, конечно, специализированные пороха показывают лучшие результаты в патронах, для которых они предназначены.

Получить хороший бой из ружья 28 и 32 калибра было отчасти сложно и потому, что отечественная промышленность не выпускала и не выпускает папковые или пластмассовые гильзы этих калибров, в продаже есть только латунные. Мало того, что небольшая масса дробы не создает достаточного сопротивления для нормального горения пороха, но и дробовой пыж не создает его тоже в металлических гильзах по гладким стенкам. Заливка парафином и ухищрения с клеем не дают хороших результатов. В таких условиях трудно рассчитывать на полноценный выстрел. Ситуация поменялась в лучшую сторону, когда тульским конструктором Шейниным был разработан расклинивающий полиэтиленовый дробовой пыж.

Порядок снаряжения патронов малых калибров практически ничем не отличается от снаряжения стандартного патрона, о чем достаточно подробно говорилось выше, но для получения

качественного выстрела необходимо обратить внимание на следующее. Так как патрон снаряжается в металлической гильзе, а ее стенки значительно тоньше, чем у пластмассовой или папковой, то особое внимание следует уделять пыжам. Они должны входить в гильзу с натягом, плотно, это относится и к войлочным, и к картонным пыжам. Не лишним будет проверить, как пыж идет по стволу, слишком мягкие пыжи использовать не следует. При отсутствии полиэтиленовых пыжей-контейнеров дробовой столбик лучше «одеть» в бумажную или из плотного полиэтилена рубашку, так как относительно количество истирающихся о стенки ствола дробинок достаточно велико. Большое значение в формировании качественного выстрела имеет капсюль. Сейчас выпускают металлические гильзы 28 и 32 калибра не только под «центробой», но и под Жевело. Для пороха «Сокол» предпочтительнее Жевело, он по мощности факела более чем в два раза превосходит «центробой». Если же приходится пользоваться капсюлем «центробой», то существует очень старый, но надежный способ улучшить воспламенение «Сокола», — нужно под капсюль прямо в капсюльное гнездо положить 6-8 порошинок мелкого черного пороха. Хотя, как мне кажется, эта рекомендация в большей степени относится к крупным калибрам, где масса порохового заряда достаточно велика. В малых же калибрах при небольшом объеме пороха «центробой» для воспламенения бывает вполне достаточно.

К сожалению, имеющаяся литература по снаряжению патронов дает очень неопределенную информацию по навескам и дымных, и бездымных порохов, применительно к малым калибрам. Оно и понятно, исследователи

больше внимания уделяли большим калибрам. Тем не менее приведем рекомендуемые навески пороха и дроби для 28 и 32 калибров.

Таблица

Калибр	Заряд пороха «Сокол», г	Заряд дымного пороха, г	Снаряд дроби, г
28	1,30	2,7-3,4	19—24
32	0,95	2,0—3,1	14—22

Эти навески пороха приведены для температуры +20 °С, для —20 °С навеску пороха нужно увеличивать на 10—12%.

Однако опыт охотников говорит о том, что в 32 кал. навеска 0,95 г достаточна для дробового снаряда не более 14 г и очень мала для 22 г. В среднем для дробового снаряда массой 17—18 г заряд пороха «Сокол» должен быть в пределах 1,1—1,15 г. И все-таки из этого калибра не стоит рассчитывать на качественный выстрел на дистанцию 35 метров, не говоря уж о больших расстояниях. Хорошими результатами на 20—25 метров вполне можно удовлетвориться.

На снаряжении патрона кал. .410 нужно остановиться отдельно.

Недавно к нам в редакцию журнала «Охота и охотничье хозяйство» пришло письмо из г. Новосибирска, в котором автор письма — владелец гладкоствольного полуавтоматического ружья Сайга 410К с длиной ствола 351 мм, спрашивает: насколько эффективна замена при ручном снаряжении патронов пороха Сунар 410, на другие пороха, упоминая при этом такие, как Сунар 42 магнум, Сунар 35, «Сокол», «Барс». Выше уже говорилось о причинах, побудивших разработчиков порохов создать для .410 калибра «свой» порох. Почему не пригодны для использования в этом калибре перечисленные пороха? Основные причины — это свой характер горения и высокая чувствительность к сопротивлению массы снаряда и завальцовки гильзы.

Я не знаю достоверно, почему возникли сомнения в качественном выстреле стандартными патронами у автора письма, но могу предположить, что они не удовлетворили автора ни по дальности эффективного выстрела, ни по резкости, а, возможно, и по другим качествам. Но как бы не хотелось получить из короткого ствола выстрел, сравнимый по эффективности с выстрелом из длинноствольного оружия, добиться этого практически мало реально. Такие пороха, как Сунар 42, Сунар 35 разрабатывались для использования в длинноствольном оружии со снарядами дроби у первого от 42 г, а у второго — от 32 до 38 г. И мы уже писали, что приставка к этим маркам пороха слова «магнум» вовсе не означает, что этот порох имеет какую-

то сверхмощность. Просто он предназначен для «тяжелых» снарядов и конкретных условий горения, которые создают эти снаряды с повышенной массой. А так как процессы, происходящие в момент выстрела в стволе, давно изучены (внутренняя баллистика), и как должны вести себя пороха с определенными снарядами, чтобы получить оптимальный по эффективности выстрел, тоже известно, нет необходимости проводить испытания по отстрелу этих порохов в .410 калибре, да еще из оружия с таким коротким стволом, так как заранее понятно, что хорошего выстрела не получится. И не зря все патронопроизводящие заводы для кал. .410 используют специальный, предназначенный только для него порох. У короткоствольного оружия есть и еще один недостаток, мешающий производству точного выстрела даже на средние дистанции. У оружия с коротким гладким стволом порох горит практически по всей длине ствола, отсюда повышенное дульное давление, т.к. вырывающиеся из ствола под давлением газы сбивают (если это пуля) снаряд с правильной траектории, а дробовой снаряд разбивают, значительно ухудшая кучность.

Теперь непосредственно о снаряжении патронов .410 калибра. Нелишне будет еще раз напомнить, что такие компоненты патрона, как прокладки и пыжи (исключая картонную прокладку на дробь), нужно отбирать очень внимательно, они обязательно должны достаточно плотно входить в ствол и проходить по нему с небольшим натягом, обеспечивая хорошую обтюрацию. И вообще, чем меньше калибр, тем патрон более чувствителен к ошибкам в снаряжении или некачественным компонентам. Дальше я хочу дать слово охотнику из заполярного Мурманска Е. Берестовскому, давно владеющему двуствольным ружьем .410 калибра и нашедшим для себя оптимальный способ снаряжения патронов к нему.

«Я не ставил перед собой задачи добиться максимальной кучности и резкости или равномерности осыпи, поэтому, почитав литературу по охотничьему оружию .410 калибра и снаряжения патронов к нему, решил, что для стрельбы дробью буду применять только пыжи-контейнеры, а вес снаряда мелкой дроби №5—8 утвердил для себя в 13 г плюс-минус 0,5 г, хотя в контейнер вмещается 10—11 г. Для рекомендуемой заводом-изготовителем «дозы» пороха «Сунар 410» в 0,95 г и для дроби сделал мерки, исключающие «передозировку». Поскольку порох «Сунар 410» очень компактный, то места в гильзе для дроби остается предостаточно. На всякий случай снарядил несколько патронов с дробью № 1, которая ложится в контейнере по 3 штуки в 7 слоев, и еще три слоя умещается в кольцо, которое ставится сверху на контейнер. (Кольцо изготавливается из деформированных или стре-

ляных непригодных к дальнейшему использованию гильз. Оно отрезается необходимой высоты, разрезается по образующей и подгоняется к внутреннему диаметру гильзы. Прим. автора.) Покупные мохнатые войлочные пыжи .410 калибра проваливались в гильзы без признаков обтюрации, поэтому пришлось от них отказаться, а вырезать самому из плотного белого войлока толщиной 8 мм, полосы которого используют внутри упаковочных ящиков для приборов. Дробовой пыж пробовал высекать из картона и полиэтиленовых пластин, но наиболее удачным оказался как мягкий, так и жесткий пенополиуретан толщиной 8 мм. При завальцовке гильзы он упруго деформируется, подпружинивает дробь и, кроме того, создает влагонепроницаемую пробку. Причем веса в нем никакого, а номер дроби, подписанный водостойким маркером, въедается намертво.

Несколько патронов снарядил картечью 8,5 мм, которая плотно ложится внутри контейнера из двух обрезков гильз в столбик из трех штук. Свинцовая пуля Блондо .410 кал. нуждается в обработке задней торцевой части напильником для получения плоской поверхности. Вес ее 15 плюс-минус 0,5 г. В гильзу эта пуля входит очень плотно — не выковырнуть — и поэтому можно обойтись без завальцовки.

Все, что я наснаряжал, было отстреляно с 20 и 35 метров по диском-мишеням диаметром 45—50 см, вырезанным кем-то из дниц пластиковых бочек и брошенным за ненадобностью. Результаты стрельбы из положения лежа удовлетворили меня совершенно. Делал по 3 выстрела из каждого ствола. Выстрел резкий, но отдача шутейная. Все пули легли ближе к центру, вся картечь оказалась в мишенях. На дистанции 20 м ни у сидящей куропатки (дробь № 7—8), ни у зайца на лежке (дробь № 5) шансов нет никаких, чего не скажешь про расстояние 35 м, но для такого варианта охоты у нас есть 12 кал. Вполне удачно стрелял по чернотропу белых куропаток, как сидячих, так и влет, на дистанции до 25 м, а вот до зайцев пока дело не дошло.

В нашей стране несколько заводов производят патроны .410 кал. и в том числе Барнаульский завод и в г. Красногорске — фирма Рекорд. Во всех патронах заводского снаряжения используется только порох «Сунар 410», как уже отмечалось выше — это оптимальный порох для патронов данного калибра. Рекомендуемая масса заряда от производителя этой марки пороха — Казанского порохового завода — 0,85 — 1,05 г, дробь — 18 г. В Барнауле снаряжают патроны «магнум» с массой дроби 20 г. К сожалению, не проводилась пробы пороха «Сунар 410» в 32 калибре, а вполне вероятно, что он помог бы открыть в этом тоже весьма малом калибре новые возможности.

Такой разный март

Селезень, добытый на манок

Где-то март — почти весна. Подлетели утки, их можно встретить на открытой воде. Где чертят, а где уже поют глухари. А есть места, где солнце весеннее, но в лесу зима. И костерок на привале совсем не лишний, и мартовские охоты на волков совсем зимние.

Николай ГАЛКИН

Весеннее пробуждение. Чертит

Глухарь щелкает

Центр тока. Чертежи глухарей

Долгожданный отдых у костра

Карело-финская лайка

На волка с флажками. Зверь взят

Закрайки

На восходе солнца

Тот апрель был ни на что не похожим по погоде. Вернее, похож был на февраль, месяц лютый. Снег лежал в лесу нетронуто, охоты никакой не получалось, продлили её ещё на две недели.

И вот в этот продлённый, но по-прежнему холодный срок, уже в предпоследний день я всё же попытал удачи на глухарином току.

Пока шли с моим товарищем по полю, надежда теплилась – здесь снег стоял. Но дошагали до опушки – а она ещё издали светится в темноте белым! Снег был повсюду, сквозь лежал в лесу.

С привычной нам тропинки услышали далёкую, чуть слышную песню. Что ж, надо попробовать... Ночью подморозило, а снег всё равно рыхлый, зимой почти не было оттепелей, наст не образовался, так что нога проваливается глубоко, с далеко слышным в лесной тишине шумом-хрустом. А глухарь-то от меня сейчас как раз на таком расстоянии, когда невозможно разобрать точно, строго-фиксировано, первое и второе колена песни. Очень зыбкое это всегда положение у охотника, и если по-сухому оно достаточно легко преодолевается осторожным ша-

гом, то вот по такому снегу – беда, чаще всего не успеешь приблизиться, чтобы чётко слышать песню, чуткая птица обнаружит тебя ещё на дальних подступах. Ну вот, замолчал...

На рассвете попробовал скрасть ещё одного, но опять неудачно. А всего-то не хватило каких-то пяти-шести шагов до слегка протаявшей просеки, по которой уже можно было подходить к глухарю намного бесшумнее и уверенней.

Понуро возвращались мы домой. Заядлые глухарятники знают, что это такое и каково на душе: как же это я не смог подойти?!

Добрели до маленькой, в одну улицу, лесной деревеньки, тут и солнце стало всходить, как раз с той стороны околицы, прямо нам в лицо. И неожиданно в первых, тёпло-багровых лучах я увидел идущую навстречу женщину, невесту как и откуда вдруг появившуюся. Что сразу бросалось в глаза на фоне восходящего солнца – это её стройные, молодые ноги, которыми она живо перебирала по просохшей тропке, приближаясь к нам по пригорку.

Этот пригорок на несколько секунд стал необычным подиумом – только шла по нему не манерная и худющая девица, а сама естественность и жен-

ственность, таинственность и притягательность! А как струились, переливались, играли золотисто-красным цветом длинные, прогонистые лучи восходящего весеннего солнца, как они ласково и волнующе касались её резво переступающих, проворных ног, пульсируя и сигналивая ликующими отблесками при каждом её шаге... И невольно горячо толкнулось внутри природно-мужское: «Тут уж подойду!»

Она поздоровалась первая, спросив чуть насмешливо у моего приятеля:

— Что идёте так уныло?

Когда повернула голову, поравнявшись, стало возможным рассмотреть и её лицо – раньше мешало солнце. Не так уж она и молода... Это соседка моего товарища, она спешила к шоссе на первый автобус – работает в районном городке.

Мы смотрели вслед на её ладную, подбористую фигуру – и такая радость жизни чувствовалась во всей её стати и походке! Она обернулась, подставив улыбающееся лицо поярчавшим солнечным лучам, сказала весело:

— Не переживайте, что пустые. Пусть глухари ещё попоют!

Какие же мы пустые? А такой восход солнца разве не в счёт?..

По разделительной полосе

годы была идеальным местом для вальдшнепиной тяги.

Бывало, встанем каждый у «своей» канавы, наискосок друг от друга – и всё-то нам видно и слышно далеко. А зазеваешься, залюбовавшись, например, на цветущую, ярко-жёлтую соседку-лозину, прозываемую брединой, так товарищ с того края подскажет: «на тебя идёт!»

И как правило, ходили тут вальдшнепы челноками: пройдёт над этой канавой, и, если тебе далековато или несподручно стрелять, с лёгкой душой пропускаешь – всё равно потом, где-то там, в конце луговины, он развернётся обратно и, уже по другой канаве, через пяток минут налетит на твоего товарища.

Но ещё позапрошлой весной стало очень заметно, как всего до нескольких шагов сузилась прогал, как неумоимо сжимает, стискивает его с боков бодрый березняк с осинником. И впервые там оказалась неважной тяга. А нынче и вообще всё затянuloсь выросшим лесом! Даже встать негде. Вчера мой товарищ там был, определённо говорит: нет, не зачем идти. Один только вальдшнепок где-то в стороне робко прохрюмал...

Вот уж, действительно, было да быльём поросло! Приходится нам теперь идти на другое место, которое было для нас раньше запасным – так, на всякий случай, недалеко от деревни, если, например, почему-то запаздывали на тягу или просто давали передых любимому Межканавью.

— Эх, жаль того Межканавья!

Тверской приятель мой согласно кивает головой:

— Жаль. Но что поделаешь?

Эта длинная, в полверсту, и неширокая, в двести шагов, чистина-низинка среди густого чернолесья, окаймлённая по краям двумя неглубокими, в лозняках, канавами, когда-то осушавшими колхозный луг, долгие

Тут тоже есть канава, но одна. И глубокая, приходится нам искать перепад. Выручила упавшая сухая ель, но перебраться по ней надо с опаской: вся в острых сучках-шилах, вон как цепко прихватила маленькие белые клочки — это линяющий заяц-беляк тоже недавно попользовался этой переправой.

Здесьняя просторная некогда луговина тоже зарастает, прострочена поперёк пока ещё худенькими перелесками, и я выжидательно осматриваюсь, прикидывая: мне здесь остаться, или, может, на соседней полянке? Там ещё и третья полянка есть, где обычно стоит мой приятель. А туда, вижу, как раз кто-то направляется, треща валежником. Да не один, а двое с ружьями.

— Не твоё место занимают?

— Моё место никто не займёт... — как-то уклончиво ответил мой знакомец, потоптался, вглядываясь, что там за люди, и, как охотничий активист, двинулся к ним:

— Пойду-ка, проверю путёвки...

Я думал, он скоро вернётся, но нет — видно, прошёл в самый угол и там остался.

А заветные минуты приближались. Я устроился поудобнее у лозового куста, почти у самой канавы и одновременно у перелесочка меж двух полянок. Весь в ожидании!

Но тяга долго не начиналась. Первый вальдшнеп протянул стороной в густых сумерках. И вдруг слышу хлёсткий дуплет справа от меня, где вроде бы никого не должно быть. Через пару минут — снова дуплет, там же. И кто же это палит? Ведь в той стороне — асфальт, дорога. Наконец, вроде бы доносится слабое хорканье, но вальдшнеп до меня не доходит — опять со стороны дороги «бах! бах!»

Раздосадованный, так и не увидевший ни одного вальдшнепа, в наступившей густой темноте выхожу на асфальт, прямо к гаишному знаку «крутой поворот» — и неожиданно вижу

своего товарища. Интересно, почему я не слышал, как он выбирался из чащи?

Оказывается, ему и не надо было выбираться. Он с самого начала тяги стоял тут.

— Так это ты шесть раз стрелял? — всё же верю я.

— Мазал страшно! — сокрушенно пожаловался. — Ни разу не попал... А так хорошо шли!

— Прямо над асфальтом?

— Да, и над дорогой и по краям её.

Я помолчал в некоторой озадаченности, потом сказал:

— Представь: тянет вальдшнеп, ты стреляешь, и тут же машина с включёнными фарами вылетает из-за поворота... За кого тебя примут? Я думаю, за бандита-грабителя.

— Да какие тут машины? Дорогато тупиковая, в умирающую деревню.

Действительно, за время тяги я не слышал ни одного проезжающего автомобиля. Но всё же... Смутно как-то стало на душе. И даже неприятно идти теперь по этому твёрдому, гулкому в темноте асфальту — не то, что по мягкой весенней лесной земле... И тут вскрик: «Летит!» Чёрный силуэт вальдшнепа стремительно обозначился на сером небе. Шёл низко, по самой середине дороги. У меня мелькнуло: «Надо же, прямо по разделительной полосе!» Долгоносик цыкнул и всхрапнул у нас над головами, чуть не задев вскинутый ствол ружья товарища, а тот саданул наудачу опять дуплетом. Я видел, что вальдшнеп вроде бы без ущерба для себя растворился в густом сумеречном пространстве, но возбуждённый стрелок со всех ног рванул по дороге за ним: не упал ли где? На бегу он перезарядил ружьё — пустые гильзы чуждо стукнулись об асфальт...

Потом он ещё долго ходил по асфальту с фонариком, всё же веря, что опять промахнулся. А когда стал «обрабатывать» и обочину, мне сразу вспомнилась та вальдшнепиха... Мы спуг-

нули её с обочины на закате, недалеко отсюда, когда шли на тягу. «Ишь, вальдшнепиха...» — заметил мой товарищ, правда, не пояснив, как может самца от самки отличить. А сейчас он, старательно обшаривая фонариком, нечаянно высветил нечто большее...

Это что же получается? Вдоль асфальтированных дорог, по обочинам, где и снег скорее сходит, сидят теперь самки в ожидании хорошей тяги? А что ж им, больше сидеть негде? Получается, что особо и негде. Про наше погибшее заветное Межканавье вы уже знаете, а ведь так сегодня, считай, повсюду! Луга и поля сплошь зарастают кустами, а на месте варварски вырубленных спелых лесов споро поднимается всё тот же кустарник-хмызник. Сам наш классический русский пейзаж, так гармонично подходивший целые столетия для лирической вальдшнепиной тяги, утрачивается на наших глазах!

Ни тебе обширных лесных островов с длинными, извилистыми перелесками-перемычками, соединяющими их (где самая тяга!), ни потаённых урочищ по низинам, ни светлых полянок и прогалов, ни весёлых опушек, ни стародавних перекрёстков былых просёлочных дорог и наторенных троп — всё стремительно затягивается недоростком-карандашником, неказистыми и непролазными зарослями. Привычные тяговые места сперва смещаются, а потом и совсем пропадают. Вальдшнепы ещё тянут, но уже не «как по нитке», а расплывлённо, р а с с р е д о т о ч е н н о. Не знаешь, где встать, чтоб на тебя хотя бы один налетел!

Когда-то однокашник Пушкина по лицу, государственный деятель князь Горчаков хорошо сказал к подходящему историческому моменту: «Россия сосредотачивается». Но сегодня она, что очень прискорбно, всё более и более рассредотачивается... И в числе первых, по-видимому, на ком это уже отразилось, оказались наши безобидные вальдшнепы.

В буреломе

Никогда ещё так поздно (это было 27 апреля 2012 года) я не ехал на весеннюю охоту в рязанскую Мещёру. Стояла прямо-таки июльская жара — под тридцать градусов! Везде на обочинах молодая трава и берёзы в маленьких клейких листочках. Беспokoился,

будут ли ещё петь глухари? Ведь давно подмечено: берёзовый лист в копейку — глухариные тока закрываются. Но вот всё перепуталось, весна долго не наступала, стояли холода, глухари недоуменно молчали в свои привычные песенные сроки, а когда вдруг навалилась несусветная, пугающая жарница, враз в лесу полопались почки и появились густо листочки, глухарям теперь придётся наскорю полететь и при листочках, чтобы успеть выполнить свой первородный долг.

Мы с егерем вовремя проснулись на ток, в два пятнадцать. Доехали на его «Ниве» до соседней деревеньки, а дальше — пешком. На лесной дороге долго стояли у края давнего токовища, но песни так и не услышали, и в

четыре часа утра я был послан вперёд.

В лесу пересохла вся подстилка — совсем как в августе, шуршит и хрустит под ногой. Трудно будет подходить. И бурелом какой кругом! Да-а, совсем не стало прежней лесной службы, не убирается, не расчищается от упавших деревьев, от хвороста и всякого сора наш русский лес. Потихоньку, всё время прислушиваясь, дошёл до знакомого места, где когда-то был пропахан специальным плугом старый противопожарный ров — он же одновременно и межа между соседними областями; на той стороне — ельник, а на нашей — сосновый бор. Каждый март, говоря с егерем по телефону, я с заманием спрашиваю: «Ток наш как там,

цел?» — «Пока не добрались... — следует неторопливый ответ. — Но близко уже плыят».

Стало светать, присел на ствол поваленной ветром сосны, внимательно слушая, даже ладони к ушам приложил. К тому же всякая птичья мелочь кругом проснулась, даёт разноголосое утренний концерт. И тут справа различаю хлопанье крыльев — и вроде бы не очень далеко. Надо идти! Пролетела с «баканьем» глухарка. А вот и песня глухо донеслась. Надо спешить с подходом, пока совсем светло не стало!

Чтобы быстрее идти и не попасться на «пересменке» колен глухариной песни, снова приложил ладони рупором к ушам. Хорошо помогает, приблизился быстро. Кажется, чуть левее поёт, а отнимешь ладони — вроде прямо и даже правее. Но где же петух? Светло совсем, только лёгкая утренняя дымка.

А песня отчётлива, но сторожкая, негромкая. Удивительно, что не могу увидеть глухаря! Судя по звуку, вплотную поёт. Впереди пустоватое место, редкие сосны, решаю сместиться влево от закрывавшего меня дерева, шагаю под песню — и сразу вижу глухаря, сидящего на невзрачной сосне, совсем невысоко, ниже её середины. Другую песню не продолжает. Неужели меня видит? Никак я не мог подшуметь.

И всё же снимается, не очень спешно летит вправо и где-то недалеко садится. И тут вижу егеря Михаила Ивановича, пятидесятилетнего, неторопливого лесовика, прозываемого местными «Миша-медведь» — разумеется, из-за имени-отчества. Но я вижу сейчас, что он и в самом деле идёт как-то косолапо и по-медвежьи поворачивает голову из стороны в сторону. Скорее всего, это он спугнул глухаря. И зачем шлёться по току?! Я его не окликнул, и он прошёл мимо. Я всё-таки надеялся, хоть и слабо, на то, что глухарь снова затокует, вдруг он просто сам по себе перелетел?

А пока, не трогаясь, внимательно осмотрел место, где пел глухарь. А место было примечательно тем, что петух сидел на суку сосенки, росшей посреди просторной полянки, сплошь, со всех четырёх сторон, загороженной буреломом. Бурелома этого, как я уже сказал, хватало по всему лесу, но тут было нечто выдающееся: как будто кто-то специально понастроил живописных баррикад из всякого сушняка и лесного хлама.

Глухарь так снова и не подал голоса. Я прошёл, перебравшись через залом, к самой сосенке — белёсый мох под ней был густо усеян токовым помётом. Значит, это его любимая сосенка. Если смотреть от неё, то глухарь получается защищённым метров за сорок от всякого непрошеного гостя, со всех сторон окружённый буреломным валом.

На дороге меня поджидал Михаил Иванович. Я сумрачно спросил:

— Что же вы подшумели мне глухаря?

— Я просто так шёл. Не слышал его...

— Ну, завтра просто так уж не ходите, на дороге стойте.

— Завтра мы немного дальше пройдем. Там трёх слышал. А этот пусть тут в углу стрекочет. И глухарка при нём...

— Я её тоже слышал...

Вечером Михаил Иванович повёл меня на тягу. Предложил на выбор: или опушка, или просека под электролинией. Помня о недавнем тверском случае, когда вальдшнепы лучше всего тянули над асфальтированной дорогой, я признавал, что добычливее будет стоять под электролинией, да как-то не лежала душа там стоять. Всё же я охотник-лирик! В результате только полюбовался красивым закатом на опушке, а егерь вернулся с добычей.

И снова мы проснулись ночью вовремя и без спешки добрались до тока. Прошли по лесной дороге дальше вчерашнего, немного углубились в сосновый бор. Вскоре донеслась и первая песня. Я полез осторожно в темно-

ту, стараясь избегать хрусткого валежника, которого было много особенно у дороги. Глухарь пел чётко, ясно, а я шёл к нему не прямо, а по дуге, старательно обходя слева, где казалось почище, частые завалы хвороста и гниющих жердин — на что уходило немало драгоценного времени. А песня всё слышней, глухарь совсем близко!

Но где? Вроде бы справа, но никак не могу высмотреть его ни на одной из сосен. Неужели прошёл? Нет, вряд ли... Решаю всё же двигаться дальше вперёд, уже светает, стоять на месте нельзя. Только шагнул два раза — и тут же увидел певца метрах в тридцати пяти. Только бы продолжил он песню, не остановился — а то ведь я почти на виду! Под следующее точное отступаю назад, за толстый ствол сосны. Теперь прикидываю, как дальше действовать. Заслоняюсь ближней сосной, делаю ещё четыре шага под три песни и останавливаюсь.

Можно было бы продвинуться для надёжности и ещё на пяток метров, но дальше — просто жуткий бурелом. И опять подозрение-предположение, как и вчера утром, что глухарь специально так сел токовать, чтобы со всех сторон быть защищённым. Но если у того была защита в виде почти правильного квадрата, но тут получилось что-то вроде трапеции.

Приникаю удобно к сосне, выставив ружьё, снимаю предохранитель — всё под второе колено песни. Прицелился. Ах, темновато ещё, вершина густая, где сидит глухарь, мушка «мажется». Надо подождать...

Но и ждать-то долго рискованно — может слететь на «пол». Вон уже и глухарка рядом подаёт свой зычный, требовательно-маящий голос. И тут небо над глухарём чуть проясняется, наврное, где-то там, в вышине, облачко сдвинулось, появился маленький просвет... И мушка ружья уверенно упёрлась в бок как раз повернувшегося удобно для меня глухаря — и я стреляю.

Двое суток на родине

Две весны я не был на родине.

И вот вырвался всего на двое суток. Если совсем точно, то получается два дня и три ночи. А если считать по-охотничьи, то три вальдшнепные тяги меня ждут. Если, конечно, доберёмся с женой вовремя, если не пропустим первый вечер. Ведь ехать от нашей московской квартиры до Осинки шестьсот сорок километров, а тут ещё понадобилось по делу заглянуть в Брянск. А там попали в затор — и в областных городах теперь пробки.

Так что едва-едва успели на тягу. Некогда было даже переодеться, только в болотные сапоги переобулись, чтобы пройти к моему любимому месту у

лесной малюсенькой речонки Выдерки.

И родная Выдерка не подвела! «Так и посыпалось на меня сверху, с неба!» — рассказывала потом моя Татьяна Викторовна за поздним ужином в доме наших добрых друзей Виктора и Лиды Лосевых. «Посыпалось» — это четыре вальдшнепа и один холостяк-селезень, мотавшийся со страстным жвьяканьем над Выдёркой.

А первого-то вальдшнепа я пропустил. Услышал хорканье, а откуда, от волнения не сразу понял: думал, тянет от Жасткова, а он — из-за спины от зарастающего луга Пасеки. Увидел поздновато для надёжного выстрела

— и отпустил, любуясь, как всегда, и очаровываясь несказанно его удивительно плавным и одновременно слегка прохаживающим полётом...

Проснулись мы утром у Лосевых в деревне Придачь, и на мгновение, сквозь пробуждение, у светлеющих больших окон показалось мне, что проснулся я в родительском доме. Всё дело, по-видимому, в этих похожих окнах и в том, что так же рассвету открыты... Сказал об этом за завтраком Виктору, а он в ответ:

— Маму твою, Николаич, все мы в школе любили.

И жена моя вспомнила те окна. Ведь мои учителя-родители переселились из Осинки в Жастков, поближе к школе, как раз в тот год и даже в тот же месяц — октябрь, когда мы женились в Ленинграде-Питере. Когда мы с Таней их встретили на Витебском вокзале, так они нам сразу и сообщили: «Позавчера у нас влазины¹ были, а сегодня вот к вам на свадьбу прибыли!» И когда мы приехали молодожёнами на зимние студенческие каникулы в Жастков, то впервые и увидели те очень высокие и светлые окна, непривычные для тогдашних деревенских домов. «Вот и я взял потом такую вырубку за образец», — добавил Витя, ученик моих родителей.

А сегодня мы проходим с болью в душе мимо закрытой Жастковской школы и мимо того места, где стоял родительский дом, поднимаемся на бугор к полуразрушенной ветряной мельнице. В молодости, бывая здесь в отпуске, мы любили с нашими маленькими детьми ходить к мельнице любоваться закатами. И вообще, отсюда в любое время открывался прекрасный вид — особенно в сторону Осинки, Комаровки и Дедовска. А сейчас совсем не то, зарастает бугор и его пологие склоны — бывшие урожайные поля — теперь уже не только бурьяном, а молодыми сосенками.

Мы спускаемся вниз, к речке Осинке, и ни один весенний ручеек не догоняет нас. А бывало-то, идёшь тут в такую пору, апрельским солнечным днём, а по чистому, распаханному полю от мельницы, от самого холма журчат и журчат маленькие, порой крохотные, в солнечных блёстках, ручейки. Насколько хватает глаз, видишь эти струящиеся живые ниточки, слушаешь их ласковое лепетанье. А сверху, с синего бездонья, льются и льются трепещущие радостью и счастьем, самозабвенные песни жаворонков. Кажется, они сюда со всей округи слетелись — так звенит от них огромный небесный купол!

А сейчас мы услышали одинокого жаворонка только уже за мостом, над пригорком у осинковского кладбища. Всегда по приезду первым делом навещаю родные могилки. К тому же через неделю Радоница, так что надо тут заняться, подровнять, подсыпать, уб-

рать нападавшие со старых сосен сучки, шишки, подрубить топориком разросшуюся сирень и черёмуху. Потом, прибравшись у своих, пошли по всемоу кладбищу, я стал показывать жене, кто где лежит, кто стал героем или прообразом в моих рассказах, что это за люди были... Таня вдруг удивлённо испуганно перебивает меня:

— Смотри, змея! А вот ещё...

Но это были не змеи-гадюки, а обыкновенные ужи. Прямо на могиле нашего лучшего косца Мефёда Старовойтова и на соседних, уже безмянных бугорках, медленно ползали, лежали, сворачивались колечком-спиралью и снова разворачивались, извивались, нежались на подсохшей песчаной земле около десятка разновозрастных ужей... Даже мороз по коже! Выходит, они выбрали этот прогретый солнцем край кладбища, чтобы справлять свои свадьбы? Никогда этого тут не видел, и не знал, и не слышал про такое... Да, наверное, и не было этого раньше — когда людей было много. А сейчас в Осинке всего два двора обитаемых, только пять человек живёт.

Подивившись ещё раз, повздыхав, взял жену за руку и повёл её к более весёлому месту — в Сутоки. Это рядом, в десятка минутах ходьбы, где сливаются-стекаются две речки — Осинка и Чёрный ручей. Всё тут памятно с детства, и свою первую книгу я так и назвал: «Сутоки» Взгляд мой затуманивается от воспоминаний, и Таня снова оказывается более глазастой:

— Ой, уточка!

Но вспорхнула с берега не уточка, а рябчика. И скрылась тут же, затерялась в олешинике на той стороне. А самец взлетел и уселся на мгновение на ветку ивы и в нескольких шагах от нас, так что я успел разглядеть чёрное пятно у него на шее. Короткий громок крыльев — и как будто его и не было.

Солнце стоит уже за полдень, мы доходим по берегу Осинки до моста, а от него сворачиваем вправо, на Дедовск. Мне эта дорога знакома с юности до мелочей, до каждого изгиба, бугорка и выемки, и ночью пройду по ней, нигде не споткнувшись, не налетев на куст. Когда-то, ещё старшешклассником, а потом студентом в летние каникулы ходил я вечерами и ездил на велосипеде, а потом и на мотоцикле в соседнюю деревню Дедовск, за пять километров, к хорошей, симпатичной девушке Зое. Возвращался, бывало, ночами и под утро, а вот же не страшно было одному на глухой лесной дороге!

Правда, было всё же одно сумное (смутное) местечко, где ночью становилось не по себе. Это старые курганы, где покоятся пращур-радимичи. Были на русской земле, как известно, вятичи, поляне, древляне, кривичи, были чудь и весь, а вот у нас здесь — радимичи. Недавно узнал, что исторические следы этого воинственного племени найдены и в Германии. От-

сюда они от наших земель частично ушли в Европу. Раньше курганы были хорошо видны с дороги, пока не поработали самостоятельные археологи — сейчас варварски разрыты, уплощённые, они жалко смотрятся, к тому же густо заросшие осинником.

И не захотелось тут делать привал, побрели дальше до урочища Чуририно, где сосновый бор и моховое болото. Рассказываю жене, что именно там двадцать лет назад я надрал пышно-го, отличного мха для нашего дачного дома и бани — прямо отсюда привёз на машине. А вот глухарей, что некогда токовали здесь, уже не застал...

А скоро, видим, уже и самого бора не будет — почти весь вырублен, только жалкие остатки перед нами. На свежих смолистых пнях отдыхать нам тоже не захотелось. Дотянем уж до Романова...

Романово — это тоже давнее урочище, но только не лесное, а луговое и полевое. Правда, в последние годы поля заросли, луга ещё клоками держатся. Окаймляется урочище березнячком да осинничком с олешиником — самое место для вальдшнепной тяги! Сюда к вечеру подьедет на «ниве» Витя Лосев, а я пока выбираю место на просторном пригорке, в виду небольшого озера. Быстро разжигаю костерок, достаём из рюкзака припасы и термос с чаем. Как же мы проголодались!

Первым делом выстругиваю ножом два ловца — прямые берёзовые прутья. На них насаживаю по увесистому брусочку сала. Хорошо поджаривается, шипит сало на костре! А тут ещё ломоть чёрного хлеба, нарезанный колёсиками ядреный деревенский лук... А потом на ловцы нанизывается и порция краковской колбасы, весёлое пламя придаёт ей особый вкус.

Жена, повернув лицо к ласковому апрельскому солнцу, клонящемуся к закату, блаженствует, прикрыв глаза...

— Хорошо тебе? — спрашиваю негромко, охваченный нежностью. Она кивает, лучисто взглянув и улыбаясь... Я развёл костёр специально рядом с высокой плотной кочкой, укрыл её сверху сосновым лапником — и теперь моей Татьяне Викторовне удобно сидеть, хорошо отдыхается её не очень привычным к долгой ходьбе ногам.

Попив несладко чаю, залюбовались вечерними часом, когда кругом всё в природе снова оживает, всё проникается любовной страстью в песнях и звуках: где-то близко за березнячком бубнит тетерев, над нашими головами просвистели крыльями селезень с уткой. Подаёт голос «ву-у — ву-у» лесной голубь-витютень, на высокой ели запел конёк, а из черёмуховой низинки ему принокновенно ответил чёрный дрозд...

Встали мы на тягу на обочине просёлочной дороги, по которой пришли сюда, на самом её изгибе, где она почти выбегаёт на распаханное поле. Над которым сейчас купается в розоватом разрыве воздуха неугомонный чибис, со своим неизменным и будоражающим

¹ Влазины — новоселье в брянской деревне (авт.).

восклицием: «Чи вы, чи вы?»

За этим полем — деревня Дедовск. Она ещё живая, слышен брех собак, кто-то громко загоняет скотину. И надо же, вышли мы с женой как раз к тому месту, где когда-то — сорок лет назад! — тёплым июльским вечером сидели мы с Зоей на примятой траве, на моём расстеленном пиджаке. А вот где-то тут, у этого старого пня, где росла тогда большая берёза, стоял роскошный по тем временам, двухцилиндровый мотоцикл «ИЖ — Юпитер», который мне, студенту журфака Ленинградского университета, отец доверял на каникулах.

Я сейчас ничего не рассказываю об этом жене. А сам-то помню, что уже через несколько месяцев после сиденья здесь на пиджаке я встретил свою Татьяну — и навсегда соединились наши судьбы.

Так как я вчера пропустил самого первого вальдшнепа, налетевшего сзади, то сейчас попросил жену стать спиной к спине. И вальдшнеп шёл как раз с той стороны, куда она смотрела, но я раньше услышал его, быстро повернулся, вскидывая ружьё. Но получалось, что стрелять я буду прямо над ухом жены — и пропускаю красавца-кулика. И полетел он, невредимый, прямоком на Дедовск, к Зое.

Теперь я поставил жену рядом с собой, у левого плеча. Второй вальдшнеп налетел удачно, как раз на хорошо простреливаемую прогалину, я только сделал два шага в сторону, чтобы получить ещё более удобную позицию. Эти два шага чуть не оказались лишними, так как сократилось время прицеливания, и первым выстрелом я только зацепил, хорошо, что успел добавить из второго ствола — и вальдшнеп упал под старый пенёк от той, давно срубленной кем-то, большой и красивой березы.

...Ночью, сладко засыпая, жена тихо сказала:

— Всего одни сутки — а как мы с тобой отдохнули, надышались весной... Так всё насыщенно у тебя на родине!

А впереди были ещё одни сутки.

Надежда Перминова

***

Белка внутри колеса
Золоченой клетки
Бежит да бежит,
И не знает, как пружинят ветки.
Как можно
Прыжками измерить небо,
Как пахнет весной медуница
И первая верба.
Тебе отсюда, серая шкурка,
Видна только часть переулка:
Краны, машины, да стекло блеск —
Вот он твой каменный лес.
Вот он мой каменный мир:
Что Москва, что Рим,
Что Нью-Йорк, что Париж.
А где-то живет тиш-ш-ш...ь...
Шелестит, журчит, бликует.
Обо мне и тебе тоскует.
В сердце живет, зовет.
Хочет повернуть судьбу
Задом наперед,
Чтобы вылететь из колеса
Да прямо в леса...

***

Везде свои,
Везде ничьи
Синицы, голуби, грачи
И прочие пернатые
Ни в чем не виноватые.
Они всегда
И там, и тут.
И, может, для того живут,
Чтоб неба свет и благодать
Нам, приземленным,
Передать.

Чтоб стали мы крылатыми!
Чтоб были жизни рады мы!

МЕДУНИЦА

Там,
Где шмель разбуженный кружится,
Где изнемогает в песне птица,
Среди трав, у кособокой кочки
Расправляет нежно лепесточки
Маленькая в мае медуница.
Соберу букет — цветок к цветочку.
Позову читающую дочку,
Чтобы красотой поделиться:
На одном стебле три ярких цвета,

Как предтеча будущего лета —
Синий, фиолетовый, пурпурный —
На крахмальной скатерти ажурной.
Посмотрев на травку, медуницу,
На похорошевшие вдруг лица,
После льда и снега, и мороза
Мы очнемся от анабиоза.

***

«Звуки — зачинщики жизни»
В. Хлебников

Кому милее соловьи.
А мне — синичкино: «пи-и-и...»
Строчит капель,
Ворчат ручьи,
Звенит в снегах звонок любви:

«Пи-и, пи-и...Пи-и, пи-и...»
Как позывные жизни
В оттаявшей отчизне.
Я на машине еду по апрелю.
Апрель — снегов и льда забитый склад.

А на деревьях целую неделю
Грачи как сумасшедшие кричат.
Каскады туч проходят стороною,
Последний залп, давая над землею.
Корежится, подтаявши слегка,
Внезапно побуревшая река.

И крики эти, и снега, и взломы
Душе моей встревоженной знакомы:
В ней тоже от предчувствий чехарда,
Но солнце пробивает корку льда.

У птиц смотрины, встречи и бомонды
И старых гнезд поспешные ремонты.
Прет напролом всесильная весна -
Большая встряска от большого сна.

***

Собаке Ёке

Возьми меня с собой, собака,
По листопаду на прогулку.
Давай свернем по переулку
В те тупички, где можно плакать.
Где сохранились у забора
Рябины капли, ветки мяты
И мячик сдувшийся, который
Запнули, видимо, ребята.
Мне приглушенные их крики —
Бездумной радости улики,
Хоть маленькое, но спасенье
От вечного жизнетрясения.

Но только ты не плачь, собака.
Найдем мы косточку у бака.
Виляй хвостом, чеши бока,
Валяй со мною дурака,
Чтоб вывести из тупика.

ВЕСНОЮ

Листит крылами утка над осокой,
Лет капель березового сока
В помятый алюминиевый бидон.
Стою, к стволу приластившись спиною,
Качают ветки небо надо мною,
И льется жаворонка детский звон.
И между нами на земле так нежно
Белеет новорожденный подснежник.

***

Гнездо ворона вьет,
Вижу издалека.
Скоро весна придет —
Знает наверняка.

А в мире идут снега.

Календарь на стене —
Мне сподручней считать —
Сколько осталось дней
Нам еще зимовать.
Но ей-то откуда знать?

Вот ветку опять несёт,
Накрениваясь слегка,
Черным перечеркнёт
Сугробов снежных бока,
Крыши и облака.

Я снова в один из дней
Слежу за ней из окна.
Жизнь пошла веселей —
Она уже не одна,
А кавалер при ней.
И ты, сердце моё,
Не упусти судьбы.
Прошлого лёд сойдёт.
Что-то произойдет.

Не проворонить бы!

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Вот моя музыка воспоминаний:
Дворовые игры и парки свиданий,
Вся ветродуйная наша эпоха —
От вдоха свободы до горького вздоха.
Бывало порой в ней не так уж и плохо:
Дудочкой брюки, и джаз, и стилияги,
И мы, с шестиструнной гитарой

бродяги.

Теперь это — точка моя невозврата,
За счастье прожитое поздняя плата,
И оголенный души моей провод,
Что днем сегодняшним весь

перемолот.

Пока мы, отпавшего века остатки,
Играем привычно в последние
прятки:
Шепчем, прощаясь, зачем-то «пока»...
А по колладеру мчатся века.

СТРИЖИ

Опять над городом стрижи
Свои выводят виражи:
Туда — сюда, за разом раз. —
И каждый ас,
И всё для нас.
Несётся их ребячий свист —
Трепещет каждый пыльный лист
С начала веток до вершин
Над диким скопищем машин.

Под крышей гнезда затая,
У них как прежде жизнь своя.
Мошка им вместо хлеба.
Как нам земля, им небо.
Не потому ль они свистят,
Чтоб мы на них бросали взгляд —
Всегда глядели выше,
Живя под общей крышей?!

***

Заскрежетал надо мною железный
карниз:
То голубь срывается с крыши и падает
вниз —
Но для него эта пропасть — простор
для полета.

Так же срывались и плыли в ледовых
штормах,
Вязли по грязи и стыли в бескрайних
снегах
Прадеды наши — манила о воле и
хлебе забота.

Скоро обжили, обшарили шарик
земной
И захотелось понять, что же над
головой.
И разорвали ракетой тепло
притяжения.

А на земле еще столько беды и
проблем.
Непредсказуемости, неоткрытых пока
теорем,
Движенья — сраженья, смещенья —
сращенья.
Вновь надо мною грохочет железный
карниз:
То голубь вернулся, но взвился в
рассветную вьсь —
Кружит под солнцем, ликуя —
бликуя, подругу.

И ты, посмотри на него — улыбнись
и смирись.

Выбора нет:
Навсегда — или вниз, или ввысь, или
смерть, или жизнь.
Остальное — по вечному кругу.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Трушин О.Д. Под счастливой Звездой: Повесть, рассказы и очерки о природе. /Художники: В.А. Горбатов (обложка, иллюстрации), А.С. Субботин (иллюстрации). — М.: Издательство ИКАР, 2013. — 176 с.

Издана новая книга известного российского писателя Олега Трушина, достойного продолжателя классической темы природы в русской литературе.

Произведения автора наполнены огромной любовью к родному Мещёрскому краю, России и написаны человеком, хорошо знающим жизнь леса и его обитателей. Его произведения лиричны и содержат глубокий философский смысл. А рассказы не только о природе, они прежде всего о взаимоотношении человека и дикой природы.

И. Л. Туманов

ОХОТА в творчестве мастеров России

Медальерное искусство

Туманов И.Л. Охота в творчестве мастеров России. Медальерное искусство. — СПб.: Издательский дом «Бранко», 2013. — 264 с.: ил.

В книге приводятся данные по организации в России охотничьих и природоохранных обществ в период с 1862 г. по середину XX столетия. Она также знакомит читателей с интересными, редкими образцами охотничьих и природоохранных знаков и жетонов, находящихся в частных собраниях. Содержит сведения об истории охотничьих коллективов, мастерах-медальерах, владельцах призовых наград, полученных за спортивную стрельбу, выращивание и натаску охотничьих собак.

Монография предназначена для охотников, коллекционеров-фалеристов, музейных работников и широкого круга читателей, интересующихся историей создания природоохранных и охотничьих организаций в нашей стране.

Первая дичь

В. ГРЕКОВ, биолог — охотовед

*Памяти знатных охотников
Волжско-Камья
Ивана и Василия Фокиных,
известных в обиходе под фамилией
Баторины*

Господи, как это было давно, уже в лучшем Мире знатные и теперь забытые в Горьковской (ныне Нижегородской) области охотники Иван Михайлович и Василий Михайлович Фокины, не похожие ни внешне, ни характером и, как это заведено в тех местах, больше известные под кличками — Баторины. Теперь и я очутился уже на острой грани бытия, разменяв наполовину девятый десяток.

Старший Иван любил учить молодых всем премудростям охоты, за что стал смертельным врагом Василия, но на людях они проявляли, мягко сказать, неприязнь. Посему Иван сдавал пушнину в «Промкооперацию», а Василий в «Заготживсырье». По иронии судьбы я, по рекомендации начальника «Заготживсырье», попал в ученики к Василию и, как уверяла охотничья общественность Шатковщины, был единственным сыном очень нужного врача, которого младший братец «учил» с большим скрипом, да к тому же методом втыка. Иван видел во мне будущего отменного охотника и прилагал максимум усилий, чтобы переманить к себе, но я, к величайшему сожалению, лишь потом осознал, что потерял, и посему получил минимум полезных знаний от младшего брата. Однажды пасмурным зимним днем мы встретились в полях: Василий Михайлович с сыном Мишкой и я. Как вдруг охотник присел, изготовился и выстрелил в набредшую какую-то полусонную лисицу. На радостях «учитель» выдал крылатое: «На ловца и зверь бежит» и закончил: «Иди один, с нами ты ничего не убьешь». Подвесил через плечо, сейчас я бы сказал опасную больную, лисицу и подался с сыном домой в Кобылино. Как-то повелось, что в полях хозяйничал младший, а в лесу старший брат и поэтому мы с Василием в лесу бывали крайне редко.

В конце 1944 года я подался в лес побелковать, но, как назло, в этом месте чужой гончак работал по зайцу. Дважды я по-дилетантски пытался подстать под чужую охоту и, стыдясь, уходил с избранного места. Вскоре гон прекратился — видать запутал собаку косой, но раздался выстрел, и вскоре на поляну вышли Иван Михайлович и его ученик Пашка Цыган — ко-

миссованный из армии солдат. Фамилию его позабыл, но кличку он получил за то, что у костра обязательно говаривал: «Люблю цыганскую жизнь». Иван Михайлович посетовал, что, мол, стоял бы на одном месте и был бы зайцем. «Неудобно — это ваша охота», — ответил я. Корифей, вероятно, чтобы уколоть меня, сказал: «Этот ученик подает большие надежды, русака поднял за 8 км, у самого села Киржамок, и он рванул напрямую через лес и сошел со слуха, а сначала убила лисовина». «А где же он?» — удивился я. «В ягдташке шкурка, — ответил Иван, — зачем на себе целый день собаку таскать!» «А Василий их домой прет», — подумал я. Опять не повезло Ивану Михайловичу: не дал его ученику Всевишней того, что просил Пашка — всего 10 лет и всего что пожелает: не прошло и 10 лет, как пожелтел Цыган, умер и унес в могилу все ценное, весь богатейший опыт, что вложил в него старший Баторин.

Строго говоря, первой дичью у меня была перепелка, добытая весной на кручах Приморского бульвара Одессы из рогатки. Среди мальчишек я стал общепризнанным снайпером, но перепелку — эту птичку дома не афишировал и потому не считаю ее первой дичью.

На исходе зимы 1942 года, как только у меня появилось ружье, мы с моим другом Володькой Бедовым по-дилетантски пытались добыть что-либо стоящее: то намеревались взять в клещи мышкующую лису, то неумело крались к тетеревам, рассевшимся на березах, то до не могу гоняли косяго, но все было безрезультатно. Близилась весна и теперь наши надежды возлагались на уток. Поэтому перед самой ростепелью, когда снег у дорог напился водой и кое-где уже струились крохотные ручейки, а местами даже образовались лужицы, и вдоль берегов речки Теши появились закрайки, утопая по шиколотки в раскисшем снежном месиве, я помчался за три версты из райцентра Шатки в село Кобылино проведать своего первого наставника В.М. Фокина и узнать у него, когда прилетят утки.

По дороге я видел уже появившихся грачей, а в селе скворцов, которые деловито возились у домиков-скворечников, подвешенных для них на ветельниках (белая ива), и между делом пытались петь свои брачные песни.

Василий Михайлович встретил меня с великим удивлением: «В такую сля-

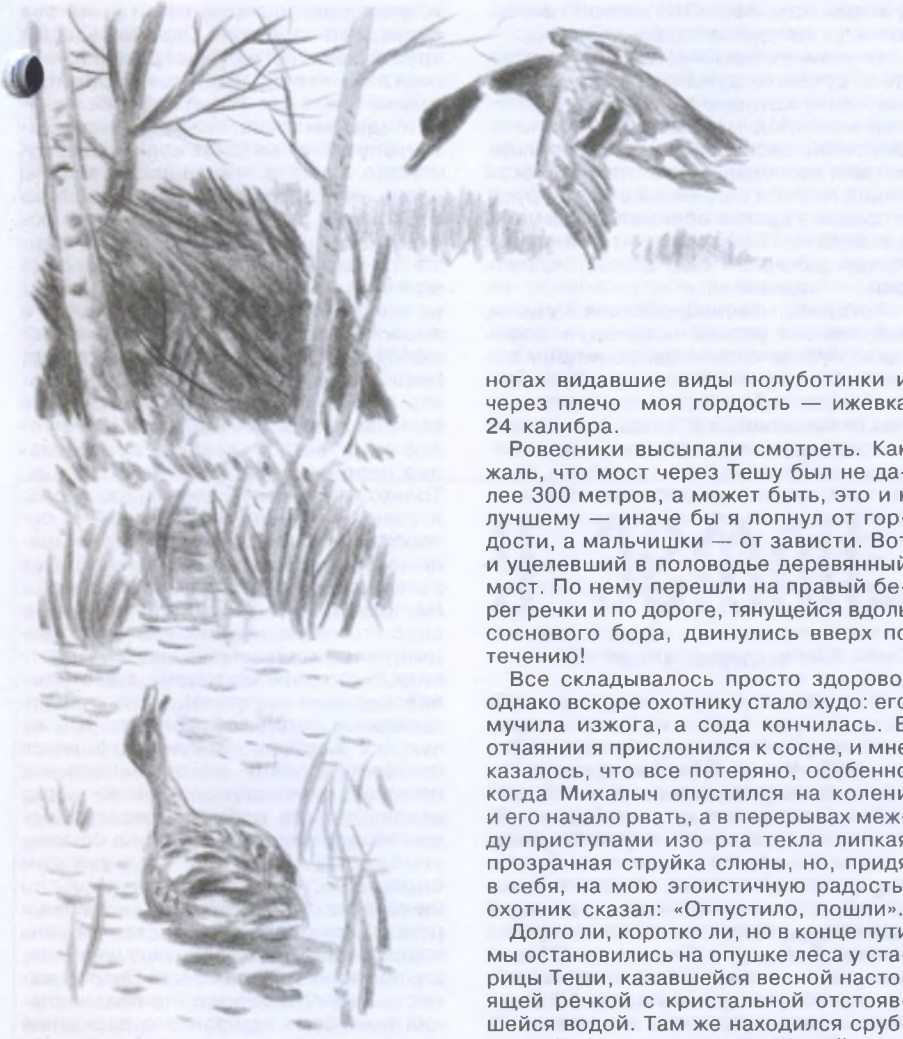
коть и в такой обувке!» Видимо, учитывая сей «подвиг», а может быть, испытывая угрызения совести за жесточайшее зимнее испытание на морозостойкость, он наградил меня несметным богатством: килограммом чугушки, дробы с чугунной сердцевинкой и свинцовой оболочкой. Хотя тут же признался: «Боюсь стволы исцарапать, а из твоего ружья уже рублеными гвоздями стреляли». Кроме того, он отсыпал из картонной коробки горсть черного пороха.

Одаренный по-царски, я мчался домой, не разбирая дороги, да так, что только брызги летели в стороны из-под раскисших полуботинок, и лишь на полпути вспомнил, что не спросил главного: а когда, наконец, прилетят утки?

Вскоре солнышко растопило снега на полях, а затем в лесу, и вода мутными потоками хлынула в Тешу, затопила ее до краев, разлилась по всей пойме — от самого леса вплоть до крайних домов райцентра. Лед на речке вспучился, разломился на огромные глыбы и тронулся. Весь досужий люд высыпал на единственный во всей округе деревянный мост, охраняемый быками-богатырями, смотреть ледоход! Всех привлекало то, как льдины медленно наползают на быки и, казалось, вот-вот одолеют их, но побежденные витязями разламывались на части, плюхались кусками в бурлящую мутную пучину. Это жутковатое зрелище наводило на разные мысли, а кипящая бездна вдоль быков притягивала и завораживала... Но меня больше занимало небо, где в безбрежной сини должны вот-вот, наконец, появиться стаи долгожданных уток.

Всему свое время: отбурлила, отшумела Теша, вошла в берега и успокоилась. Словно убаюкивая поостывшую мать, ручейки, ручьи и речушки, тихо журча, сбегали прозрачными струями в ее объятия с обнажившихся лугов. Уже закончились в школе весенние каникулы, а уток все нет и нет, да и наставник что-то молчит. Но в одну погожую субботу, когда я вернулся из школы и размышлял каким первоочередным делом заняться, неожиданно-негаданно у крыльца нашего дома появился Василий Михайлович Фокин. Одет он был в полупальтик из сукна солдатской шинели, на ногах блистали жировкой кожаные ботфорты, на голове, несмотря на тихий теплый денек, была шапка ушанка. На животе

ногах выдавшие виды полуботинки и через плечо моя гордость — ижевка 24 калибра.

Ровесники высыпали смотреть. Как жаль, что мост через Тешу был не далее 300 метров, а может быть, это и к лучшему — иначе бы я лопнул от гордости, а мальчишки — от зависти. Вот и уцелевший в половодье деревянный мост. По нему перешли на правый берег речки и по дороге, тянущейся вдоль соснового бора, двинулись вверх по течению!

Все складывалось просто здорово, однако вскоре охотнику стало худо: его мучила изжога, а сода кончилась. В отчаянии я прислонился к сосне, и мне казалось, что все потеряно, особенно когда Михалыч опустился на колени и его начало врать, а в перерывах между приступами изо рта текла липкая прозрачная струйка слюны, но, придя в себя, на мою эгоистичную радость, охотник сказал: «Отпустило, пошли».

Долго ли, коротко ли, но в конце пути мы остановились на опушке леса у старицы Тешы, казавшейся весной настоящей речкой с кристальной отстоявшейся водой. Там же находился срубленный из кругляка и пустующий в это время небольшой домик-пчельник. Сели на широкую лавку, прислоненную к стене, обращенной к лесу и, отдыхая, каждый погруженный в свои мысли. О чем думал учитель — неведомо, но меня мучили сомнения: действительно ли прилетели утки, так как весь, как мне показалось, долгий путь не видели ни одной, хотя разная пернатая мелочь голосила во всю и на все лады.

Отдохнув, Василий Михалыч указал мне на шалаш из елового лапника, торчащий словно пень на пашне у самой старицы и сказал: «В нем ты будешь сидеть». Затем подкормил зерном уток и выдохнул: «Пошли».

Для подсадной утки учитель воткнул недалеко от берега кружок, на который помощница при необходимости может взобраться, привязал к нему птицу и посоветовал: «В случае чава, не шевелись». Взял корзину со второй помощницей и скрылся в лесу.

Погода словно по заказу выдалась отменная: ни ветерка, ни дуновения, тепло, слышно далеко, как раз для охоты с подсадной, но ожидание слишком затянулось, а утка долго купалась, радуясь такой благодати, затем взгро-

моздилась на кружок и стала, прихрамывая, усердно приводить перо в порядок, изредка покрякивая. Но селезни не отвечали, и я, как Фома неверящий, решил, что утки еще не прилетели. Но вот где-то вдалеке, почти у самого высокоствольного леса, в ивовых дебрях прошамкал селезень. Сердце забилось от радости — значит, прилетели, значит, не ошибся Фокин!

Уточка встрепенулась на кружке и выдала осадку. Селезень в свою очередь учащенно зашамкал, но тут так страстно и азартно закрякала дикарка, что кавалер шамкнул еще, вроде бы извиняясь, что он, мол, «за», а она вот «против», и замолк.

Несмотря на всю благодать, на всю красоту затахующего дня, в ожидании время тянулось слишком медленно. Но вот из леса появился хмурый охотник и на мои нетерпеливые расспросы нехотя промолвил: «Убил двух селезней и свою лучшую подсадную, дал потоптать дикому для улучшения племня и, когда тот сработал и отплыл метра на два, выстрелил... Выскочил из шалаша — селезень бьетца на воде и моя утка кувырдается — одна дробина угодила прямо в шею. Надоть, не ожидал такого разброса».

Я понимал его горе, но уж очень не хотелось возвращаться попом. Угадав мои мысли, Василий Михайлович проговорил: «Завтра пойдем в мой шалаш и будем сидеть вместе».

Отлучившись в лес, учитель принес сушняка, немного бересты и мох. Затем достал огниво, высек искру, отчего задымился фитиль, и добыл огонь. Немного погодя он достал из ягдташки солдатский котелок, встряхнул из него хлеб, соль, кусочек ржавого, но, на мой взгляд, очень аппетитного сала, которое разрезал пополам: одну часть оставил на завтра, а вторую мелко нарезал. Я в это время почистил картошку и лук. Из старицы набрал чистой воды и поставил вариться.

Вручив мне топор, Василий Михайлович велел заготовить сушняка на ночь. Пока я занимался дровами, поспел ужин, показавшийся вкуснейшим для растущего и вечно голодного мальчишки. Когда расправились с первым блюдом, шеф сполоснул котелок, поставил воду на чай, а из кармана достал пучочек веточек. «Когда закипит вода, брось в котелок», — сказал он. Я понюхал веточки и сразу определил, что это черная смородина. «Из дому захватили?» — «Нет, возле Осинового болота нарезал дикой, да она почтай вдоль каждого болота растет, а то и прямо на старых кочках».

К чаю охотник достал из тряпицы кусочек рафинада, расколол его ножом на части и половину спрятал на утро. Выпив смородиновый настой, он растянулся на лавке спиной к огню и мирно захрапел. А ко мне сон не шел. Наслушавшись всяких страшилок о лихих людях, которые могут убить сонных из-за ружей и одежды, я был настороже. Да и не мог я спать в такой

выпячивался двурядный патронташ древнего пошива, но самое главное — за спиной у него крест-накрест висела ягдташка с нехитрым припасом и моя белая зависть — курковая тулка 16 калибра, начищенная шкуркой до бела. На мой вопрос «Зачем?» последовал ответ: «А разве лучше плешины?» Но это еще не все: в руках у него была корзина из ивовой лозы, в которой тихонько переговаривались подсадные утки.

«Собирайся и айда за утками», — сказал он и без всяких полезных советов устал присел на ступеньки крыльца. «А разве они уже прилетели?» — удивился я. Ответ просто ошарашил: «Первые появляются со скворцами». «Вот те на», — подумал я. Собираясь мне, что голому подпоясаться. Из еды захватил непечатую пайку чернышки (150 г), 4 картошки и 2 луковицы.

Буквально через несколько минут мы были в пути. Впереди при безупречной экипировке знаменитый охотник и я сзади в семисезонном пальтишке, подпоясанный одолженным настоящим кожаным патронташем на 8 гнезд, на голове фраерская кепочка, на

легкомысленной одежде, ибо вскоре ночной холод стал пробираться до костей. Вот теперь мне стало ясно, почему так добротнo оделся «учитель». Почему не надоумил меня? Что за метод так «учить» — если плавать, то бросать сразу на глубину, должен, мол, спастись, ежели жить хочет!

Первая ночь в весеннем лесу завораживала, но, наслушавшись небывалих, да при таком «ненадежном учителе», опасался всего. Все стало казаться враждебным. В черном бездонном небе предостерегающе мерцали и перемигивались звезды, а лес жил своей потаенной, непонятной, потому казалось, опасной жизнью. Ага, вот в трущобах зашуршало... Потом кто-то проломился сквозь чащу, постоял, тяжело вздохнул и потопал прочь... Полный тревоги я разбудил охотника, но тот лишь промычал: «Спи. Лось это». И немного погодя безмятежно захрапел.

«Ну, нет, — подумал я, — меня так просто не возьмешь» и положил ижевку на колени. Пригревшись у костра, как-то незаметно вздремнул. Вдруг меня словно подбросило от страшного крика. «Ух... ого-го-го», — заорал что есть мочи бандюга в чаще, и его устрасающий клич разнесся по всей округе и отозвался эхом в противоположной стороне леса... От страха мурашки поползли по спине. Я взвел курок своей двадцать четверки, заряженной чугункой № 6, и занял оборону за углом пчельника, но никто из леса не появлялся. Тогда я вновь разбудил соню и прошептал ему на ухо: «Бандюги пугают, орут на весь лес». И словно в подтверждение моих слов по округе вновь прокатились разбойничьи угрозы. Мой «растяпа» учитель спросоניה осмотрелся и опять: «Спи. Это филин».

Слова наставника никак не успокоили меня, и посему я уже не мог глаз сомкнуть. Лишь усладили слух посвист крыльев невидимой в ночной черни стаи уток, да развеселое «тра-та-та, тра-та-та, трата-та», что, пролетая, пропела неведомая мне птичка, наверно, радуясь погожей ночи, весне и тому, что летела в родимые края. «Это куличек-черныш, подбрось дров в костер, а то стало холодно», — сквозь сон пробормотал охотник и вновь захрапел.

После случившегося за сушиняком сунуться в темный лес не решился и нарубил березок на опушке, но и они на углях горели великолепно. Ох, и длинна же ночь, когда не спишь! С рассветом Василий Михайлович начал охать, стонать и жаловаться на язву желудка, да и вообще настроение у него было прескверное в связи с гибелью лучшей подсадной.

Однако, когда совсем рассвело, он не выдержал и мы отправились в его шалаш. Шли, как показалось, довольно долго, то поднимались на бугры, поросшие сосняком, то опускались в высокоствольные осинники. В одном из них внимание привлекли нудные утробные звуки. Упредив мой вопрос,

учитель пояснил: «Это лесной голубь-клинтух из дупла самку кличет».

В низинах нам часто преграждали путь ручейки, ручьи и целые речушки, через которые наставник переносил меня под мышкой или на спине. Вероятно, забавное было это зрелище, когда я восседал на учителе с ижевкой через плечо и корзиной в левой руке, а правой я крепко обнимал его за шею, да видать так крепко, что Михалыч предупреждал: «Чаво вцепился, мотрай — задавишь!»

Когда мы, наконец, оказались у цели, охотник сел устало на колоду и сообщил: «Место отменное, почитай у самого Осиновского болота». Действительно, шалаш его стоял в десяти метрах от мелководья и, опершись о ствол вековой ели, являлся как бы органическим образованием у ее коля. Кроме того, шалаш оказался довольно вместительным и мы прекрасно в нем устроились.

Надо отметить, что уточка вела себя куда лучше, чем вечером, но, несмотря на это, на ее призывы не откликнулся ни один селезень. «Видать, все, что было здесь, уже взято вечером», — подумал я.

Потеряв утро, мы двинулись в обратный путь. Выйдя на одну из гривок, ведущий отпрянул назад и прошептал: «Утки». Поманил меня пальцем и стал указывать, где они сидят, но я никак не мог их разглядеть. «Да вон они под кустами, стреляй селезня», — в сердцах сказал учитель. Но как я не пялил глаза, ничего не увидел. Рассерженный охотник с досадой махнул рукой, поднял сверкающую на солнце тулочку и выстрелил. Облако дыма заслонило пейзаж, а из-за него тут же взмыла стайка крякв. Сделав над лесом полукруг, она оказалась над нами. Корифей выстрелил еще раз, и теперь облако дыма заволочло часть неба. Вскоре из-за него вынырнула невредимая стайка уток. Чувствуя неловкость перед учеником, учитель оправдался: «Бой у этой тулки нукудышный, а в такую погоду и не добавишь, вишь, целая дымовая завеса». Вторя ему, я посочувствовала, что извели зря целых два патрона, на что Василий Михайлович отрезал: «Подумаешь, летом приходится стрелять по 20 раз и более», — чем несказанно удивил и обрадовал будущей интересной охотой. Значит, готовиться к ней надо уже сейчас и запастись как можно больше патронов.

Голодные и расстроенные мы вернулись к пчельнику. Костер давно прогорел, но угли в золе еще тлели. Василий Михайлович раздул огонь и начал готовить завтрак и обед, а меня, чтобы не мешал, посадил в тот самый шалаш, что торчал невдалеке, словно пуп на голом месте. Я не перечил, хотя был уверен, что ежели на зорях не повезло, то в полдень тем паче. И тем не менее только лишь уточка подала голос, как вдалеке, в том самом тальнике, отозвался, похоже, вчерашний кавалер. Затем он откликнулся еще раз

и, ушаченно шамкая, полетел на зов очередной подружки. Сделав большой круг буквально над костром (причем стенке пчельника) и не заметив ничего подозрительного, ушаченно шамкая, опустил метрах в сорока на воду.

Надо сказать, что шалаш селезню очень не понравился, но, поддавшись страстным призывам очередной любовницы, он начал подплывать, держа это страшилище на глазу. Сердце мое чуть не вылетело из груди, но тем не менее я даже не пошевелился и лишь искоса наблюдал, как этот прелюбодей медленно приближался, борясь с течением. Да и не мог он устоять перед осатаневшими призывами самочки. Когда до нее осталось не более семи метров, кавалер все внимание перенес на предмет вождения. Только тут, унимая колотившую дрожь, я очень медленно и чрезвычайно осторожно просунул ствол меж веток шалаша, тщательно прицелился под урез туловища в воде и нажал на спуск... Не помню, как я вылетел из укрытия и снес его половину, как влопыхах закрыл ружье (оно у меня, шутили охотники, было с «инжектором», т.е. открывалось после выстрела), вновь открыл, зарядил и хотел добавить все той же чугунки б номера в кувыркающуюся на течении птицу, но опомнился и с помощью припасенного кем-то шеста стал подгонять добычу к берегу. Краем глаза увидел, как бежит на помощь улыбающийся учитель, но я уже сам справился, замочив ноги лишь по щиколотки, но это пустяки — у меня в руках была первая, увесистая и очень красивая дичь! Селезень еще шевелился, но жизнь покидала его. Острая жалость кольнула сердце, но поздравления с «полем» загнали это раскаяние куда-то вглубь, и я почувствовал себя счастливецом. Делаю полезный вывод: не сдавайся до конца! В дальнейшем, будучи профессионалом, был неоднократно вознагражден добычей уже в сумерках, в самые последние мгновения охоты, а когда смирился с неудачей, то сожалел потом об одной единственной упущенной возможности.

Боже, до чего красив весенний крякш! Его изумительный струйчатый низ, кажущийся издали белесым, его голова с вороненым отливом и белым «воротничком» и черный хвост с белой оторочкой и с ухарски закрученными черными перышками, словно у модника усиками. А чего стоят зеркала на крыльях.

Ну, а как же виновница всего — скромная серая уточка? Она слишком спокойно восприняла выстрел, гибель кавалера и как ни в чем не бывало сидела на кружке и прихорашивала оперение. В общем, подсадная, но теперь уже претендующая на лучшую из подруг охотника, ибо сумела совратить опытного Дон Жуана.

Путь домой показался куда короче. По селу, на зависть мальчишкам, я гордо прошелся с ружьем через плечо и

кряковым селезнем, продетым головой под ремень, и, чего греха таить, он смотрелся куда эффективнее, чем два себеша со свернутыми головами под крыло и своя утка в ягдташке охотника.

Дома, перекусив оставшейся картошкой, коротко рассказал главное, затем силы оставили меня и был с трудом разбужен следующим утром.

Лиха беда начало, вот так всегда, во всех делах и охотах. А далее с утками было все проще: весной натренированный глаз замечал их сразу — где бы они не сидели, успешно их скрадывал (тогда это разрешалось), селезней нередко подманивал, особенно успешно когда утки насжиивают, используя вместо манка кулак, как это

делал Фокин. Что касается ночевков в лесу, в тайге, на поле, главное — знать чего опасаться. Я проводил ночи в каюке среди плавней и даже в Азербайджане под Ленкоранью — в заповеднике им. С.М. Кирова на Малом заливе и на разливах реки Акуши, где браконьеры нередки. Обычно я «засвечивал» себя, а по темну совсем в другом месте загонял каюк в тростник и, заламывая растения со всех сторон к днищу, «заякорял его», чтобы во сне не перевернуться, развешивал окрашенный в зелёный цвет полог от комаров и ночевал вполне сносно. А в сибирских урманах в самый трескучий мороз можно провести ночь вполне нормально — только бесшабашный дурень, не умеючи, как правило, не

способен отдохнуть и даже может заплатить жизнью. Таких ухаерей наш любимый профессор Петр Александрович Мантейфель не брал в экспедиции. Однажды, охотясь в дельте Днестра, на озере Васильки, мне не захотелось, увязая в липком иле, тащиться на другую сторону озера к товарищу в тесную лодку, я просто заломал крестнакрест, в полуметре над водой, могучий южный тростник (камыш) и на этой импровизированной «постели» проспал вполне сносно всю ночь, правда, большущая конская пивавка вылезла по тростинке из воды, нашла путь в мой резиновый костюм и присосалась к стопе. Охотники в плавнях Днестра ночью, спасаясь от пивавок, густо намазывают борта лодки солью!

«Счастлив тот, — писал Пришвин, — кто может застать начало весны света в городе и потом встретить у земли весну воды, травы, леса и, может быть, весну человека».

Каждый год, в это время, я стремлюсь попасть в леса и почти каждый год судьба дарит эту возможность. Помню весны разные: ранние, затяжные, теплые, водопольные. Такой, как нынешняя, не помню. В городе помотришь на подснежники в руках прохожих, прислушаешься к бойким песням синиц и воробьев и подумаешь — весна в разгаре.

А в деревне, у земли... Глубокой ночью вышел из теплой избы и окунулся в мрак и холод. Перемешанные ветром, секущие, пронизывающие струи снега забивают глаза, сталкивают с чуть заметной тропинки. Подняв воротник, упрямо бреду к заветной сосновой гриве, где из года в год поют глухари. Долго стою на краю токовища и слушаю ночь. Ничего. Только ветер шумит в кронах сосен. Обычно чего только не услышишь в весеннюю ночь. Бобочут влюбленные зайцы, с неба доносится посвист крыльев утиных стай, гортанно кричат на болоте журавли. Сегодня — ни звука.

Медленно занимается мутный рассвет. Иду по токовищу. Птица есть, и только из-за непогоды ток безмолвствует. С мохового болотца взлетает черный, бородатый петух. Я долго провожаю глазами его длинный силуэт, мелькающий между стволов, потом иду на болото. Топкая мшарина сейчас, как асфальт. Нынешняя зима была почти бесснежной, и морозы покрыли метровым льдом реки и озера, крепко сковали болота.

На выпавшей пороше отпечатались крупные глухаринные следы. Они петляют между кочек, с которых глухарь склевывал подснежную клюкву. А в сосняке на бугорках рдеют гроздья прошлогодней брусники. Ее особенно люблю. Без терпко-сладкого брусничного вкуса во рту, без дурманящего запаха багульника от рук, без радостной тре-

У ЗЕМЛИ...

М. КАЛИНИН

воги глухаринных зорь в сердце нет для меня весны!

Перед полем, в ельнике, натякаюсь на свежую кабанью тропу. Прошли большая свинья и пять прошлогодних поросят. Позади трудные времена, когда от нестерпимого голода приходилось грызть сосновые стволы. С каждым днем корма все больше. Теперь уже не за горами весна травы.

Белое от снега жнивье усеяно черными точками. Смотрю в бинокль. Съездившиеся, нахохлившиеся, неподвижно сидят на снегу жаворонки, чибицы, вяхири. Утро в разгаре, но птицам не до песен, холодно. Когда после весеннего тепла вдруг вернутся холода, в народе говорят — пришел отзимок. Эти холода — не отзимок. Необычно бесснежная зима сменилась холодной затяжной весной, без вешней воды, без ранних цветов, без птичьих песен.

Сидят у дороги черные скворцы, рядом три белые птицы. Словно повстречались Весна с Зимой, скворцы из теплых стран и полярные воробьи — пуночки. На миг проглянуло солнце. Зазярились, защebetали скворцы. Блеснули снежным опереньем пуночки, зачирикали о чем-то и полетели на север...

Озера — глаза земли. Сейчас тускло блестят белые бельма стариц и озер. Невидящими, холодными глазами смотрит Земля на серое, холодное небо. Только лужицы на дороге светятся серыми теплыми глазами, такими, как те, далекие и желанные, от которых на сердце давно Весна!

Возвращаюсь к дому. Уже совсем утро. Лес по-прежнему безмолвствует. Не бормочут тетерева, не поют зяблики и овсянки, не слышно барабанных трелей дятлов. Желтеют скаты оба-

лившихся землянок. Здесь жители деревни прятались от немцев. Больше полувека прошло с тех пор. Только через сто лет исчезают с лица земли оспины войны, утверждают старики. Лисицы давно облюбовали это место для своих нор. По следам вижу, что они уже навевывались сюда. Скоро у них появятся лисята. Им нужна надежная нора. Рядом валяются перья трех глухарей и журавля — остатки прошлогодних лисьих трапез.

Иваныч

В. РЕПИН

Случилось так, что трагически погиб мой напарник по промысловой охоте и вылазкам — Пузырев Виктор Иванович, или просто Иваныч, как уважительно звали его охотники района и все, знавшие его, уважавшие за честность, отзывчивость, доброту и порядочность — качества очень редкие в наше время, присущие людям бесхитростным, с открытой душой и широкой натурой.

Со временем затихла, притупилась боль от потери хорошего человека, но в душе остался кусочек пустоты, который даже с годами не заполнился кем-то другим. Видимо, так устроена наша душа, что в течение всей жизни она вмещает в себя людей и судьбы тех, кто тебе близок и дорог. Для каждого в ней находится свое место. И представляется мне, что с каждой такой утратой в душе появляется выщербинка, как ямочка на лице человека, переболевшего оспой. Время от времени, вольно или невольно заглядываешь в свою душу и вдруг натыкаешься там на такую щербинку и память воскрешает образ человека, которого уже нет среди живущих на этой земле, человека, с которым довелось многие годы делить трудности таежного бытия, удачи и промахи, кусок хлеба и крышу над головой. И удивляешься тому, как четко и ясно, до мельчайших подробностей вдруг всплывут в памяти события дней давно прошедших.

Вот так однажды вспомнилась мне давняя совместная с Виктором охота, курьезная и небывалая.

В тот охотничий сезон мы с напарником как обычно промышляли соболя и белку, отлавливали для плана бобров и норок, добывали для сдачи в заготконтору рябчиков и глухарей. Имея хороших рабочих собак, большой по площади охотничий участок, несколько избушек — охотились порознь, чтобы отдача от промысла была выше, так как работали на общий результат. Периодически встречались, обменивались новостями, информацией о количестве добытой пушницы, ведя негласное соревнование.

Уже в конце сезона, при очередной встрече, Виктор сообщил мне, что нашел берлогу в вершине большого ключа под названием Буровой, почти под самым водораздельным перевалом, в одной из боковых разлозов. Подойдя на лай собаки, рассказывал он, и услышав в корнях кедра глухое, сердитое ворчание медведя, он обошел это место стороной, чтобы меньше тревожить зверя, и свистом отозвал лайку. Отойдя на достаточное расстояние, отметил место, сделал ножом несколько затесок на деревьях.

Добывать медведя далеко от избушки, да еще по окончании пушного промысла, не было смысла, так как использовать в хозяйстве жир и мясо зверя на приманку для соболей и корм для собак не придется. Спокойно поразмыслив, мы решили продать берлогу. О такой возможности говорил районный охотовед перед началом охотничьего сезона. По выходу из тайги Иваныч сообщил ему о своей находке. Они обговорили условия сделки, и охотовед пообещал найти покупателей.

Однако время шло, наступил февраль, а желающих купить берлогу так и не нашлось. Заканчивался сезон охоты на берлогах, и надо было закрывать лицензию.

Договорились со знакомым водителем вездехода, что тот забросит нас в тайгу. Пригласили на охоту моего старшего брата Анатолия и нашего общего знакомого Сергея, тоже охотника.

Коротким февральским днем мы впятером добирались на наш охотничий участок, находившийся в пойме реки Большой Тухтет. Выехали задолго до рассвета и вот уже несколько часов подряд тряслись в пропавшем соляной и мазутом кузове вездехода. Спустившись с перевала к устью ключа Буровой, вездеход, последний раз лягнув гусеницами, остановился.

Откинув крышку люка кабины, Ива-

ныч высунулся из него и громко крикнул: «Приехали!» Выбравшись из кузова, мы стали разминать спины и ноги, занемевшие от долгого сиденья.

— Ну, что, мужики, вы пока обустроивайтесь, а я побегу, проведу, как говорят военные, рекогносцировку местности, в общем, разведку, — сообщил Виктор, застегивая юксы охотничьих лыж, подбитых камусом.

— Давай оставим все на завтра, и разведку, и охоту, — предложил Анатолий, самый старший из нас.

— Нет, побегу я, проверю место, а то спать буду плохо, думать, что да как, — уже на ходу обронил Иваныч, закидывая за спину ружье.

— Через час обед будет готов, не опаздывай! — крикнул ему вдогонку Сергей. Но за уходящим уже сомкнулись лапы низкорослого пихтача.

Приготовив обед и выждав назначенное время, мы поели и закурили, обсуждая детали предстоящей охоты.

— Западывает что-то Иваныч, — как бы размышляя вслух, произнес Сергей, — прошло-то уже более двух часов.

— Придет. Он наш участок знает, как свои пять пальцев, да и таежник он от Бога.

И словно в подтверждение моих слов из пихтача донесся шорох лыж, а через несколько секунд появился и сам Виктор. Подойдя к нам и стряхивая упавшую на плечи кухту, сказал:

— Вот чертовщина, обшарил почти все боковые разлозы и ключи, но ни затесок, ни берлогу найти не смог.

— Поешь, чаю попей горячего, — предложили мы, — отдохни и вспомнишь место, а нет — завтра все пойдем искать, найдем: не рябчик же, медведь, улететь не мог.

— Я вот думаю, не завалило ли затески снегом, — сказал Иваныч, отхлебывая из кружки горячий чай. — Срезал-то я кору на пихтах не очень

высоко, а снегу за зиму навалило под полтора метра.

— Да, хорошо хоть вы не нашли полателей, знатная получилась бы охота. — сказал Анатолий. — Представляешь фокус: привезли их сюда, а берлоги нет. Пришлось бы еще им платить за порожняк.

Торопливо доев суп, Виктор поднялся.

— Вот что, мужики, вы отдыхайте, а я пока еще светло побегу проверю пару ключиков.

— Кончай придумывать, завтра с утра все вместе пойдём искать, — остановил его Анатолий.

— Я не долго, минут через тридцать-сорок вернусь, — настаивал на своем Иваныч.

Не слушая возражений мужиков, захватив стоящее у гусеницы вездехода ружье, он встал на лыжи.

— Вить! Патронташ забыл, — крикнул я ему вслед.

Он на секунду остановился, хлопнув рукой по карману куртки, ответил:

— Хватит. Два патрона в стволах, два в кармане.

И исчез за пихтами.

— Нехорошо получается, Иваныч мотается, а мы баклуши бьем, — сказал Сергей. — Надо было настоять на своем и не отпускать его.

— Ну да, удержишь его, как же. Плохо ты его знаешь, если он что-то решил — доведет до конца.

Покури́в, занялись делами: пилили дрова, рубили лапник. Оранжевый шар закатного солнца нижней кромкой коснулся рваной линии водораздельного хребта. На окружающий лес, горы, реку легла морозная тишина. Смолкли все звуки. И вот, нарушая эту, почти осязаемую тишину, из глубины распадка донесся звук выстрела и сразу же второй.

— Иваныч отдулетит. В кого это? — воскликнул Сергей.

— Кто его знает, но по медведю не мог, мы ведь договорились вместе... — Анатолий не успел закончить фразу, как из распадка вновь докатилось эхо сдвоенного выстрела.

— Патроны кончились, — неосознанно вслух произнес я.

Ощущение тревоги повисло в воздухе. Мы, не сговариваясь, как по команде, похватав лыжи и ружья, двинулись по лыжне, проложенной Виктором. Все участники этой охоты были не новички в тайге и без слов понимали, что четыре выстрела, если они были сделаны по медведю, могли иметь непредсказуемый результат.

Лыжня от стоянки на протяжении километра шла в одном направлении, в вершину ключа. В глубине распадка она расходилась наподобие веера, уходя в каждый боковой ключ и разложину, а затем возвращалась, вычерчивая территорию поисков.

— Куда дальше? — шедший впереди Сергей остановился.

— Виктор! — громко, что было сил, крикнул я.

Постояли, слушая. Ответа не было.

— Давайте разбежимся, быстрее найдем, — скомандовал Анатолий.

Я принял влево и, вывершив небольшой ключик, зашагал в сторону водораздельного перевала, осматривая подступающие справа вершины ключей и разложин. Когда перевалил через очередной боковой хребтик, взгляду открылась неожиданная картина. У огромного кедра, на валежине спокойно сидел Иваныч, невозмутимо дымя сигаретой, а метрах в двадцати от него барахтался небольшой медведь. Он пытался подняться на лапы, но, словно пьяный, вновь и вновь заваливался на бок. Опустившись на колени, я выстрелил с упора — медведь затих, распластавшись на снегу.

— Вить! Заставил ты нас поволноваться. Мы уж не знали, что и подумать.

— Да, я и сам не ждал такой развязки. Получилось все неожиданно. На берлогу накатился сверху, когда уже направлялся к лагерю. А «мамка», как оказалось, вышла уже из берлоги и лежала под кедром.

Виктор ткнул пальцем за спину. И только сейчас я заметил лежащего по ту сторону кедра еще одного крупного медведя.

— Услышала меня, зафыркала, — продолжал он, — ну что оставалось делать? Пришлось стрелять. А пестун, —

он кивнул в сторону небольшого медведя, — выскочил из берлоги неожиданно. В спешке, да еще в угон, я промазал. Зацепить-то зацепил, но не смертельно. Сидел, ждал. Знал, что вы подойдете.

Снизу из распадка донеслись голоса поднимающихся мужиков. Собралась все вместе, сидели, курили, обсуждая произошедшее, обменивались впечатлениями.

Стащив медведей в одно место на небольшую чистину, занялись их разделкой.

А я решил осмотреть берлогу, так как она была необычной и имела два чела вместо одного. В корнях огромного кедра, который рос в окружении пихтового редколесья, с северной и северо-западной стороны были два отверстия, диаметром примерно около семидесяти сантиметров, которые наклонно уходили вниз под ствол дерева.

Для того, чтобы заглянуть внутрь, пришлось встать на четвереньки и, опираясь руками о корни, выступающие из земли, продвигаться вперед. Продвинувшись вглубь примерно на метр, достиг того места, где свод расширялся и можно было поднять голову. Закрывая собой один из входов, перекрыл и доступ света, который теперь попадал внутрь только через второе чело и был очень тусклым. Рассмотреть что-либо при таком освещении было невозможно. Закрыв глаза на несколько секунд, чтобы они привыкли к темноте, замер. Чувствовался специфический запах зверя. Затем слух уловил какое-то движение в глубине берлоги. Открыв глаза, первое что увидел — две пары светящихся звериных глаз. Быстро ретировались, сбобцил мужикам новость. Они подумали, что я их разыгрываю.

Четыре медведя в одной берлоге — это было нечто! О таком факте ранее никому из нас слышать не доводилось. Добыв оставшихся в берлоге медведей и подтащив их к лежащим на чистине зверям, мы присели рядом, оглядывая медвежью гору.

— Да, Иваныч, — нарушил молчание Анатолий. — Жалко не нашли покателей, знатная получилась бы охота.

Библиотека охотника

Кайков А.С. Близкие сердцу. Рассказы о животных и природе. Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов». Новосибирск, 2013 г. — 240 с.

Описание природы и ее обитателей, в том числе пестрого птичьего разговорного царства, оживляющего лес, у Кайкова так хорошо, как недоступно многим биологам по образованию. А у него хоть и два институтских значка, но оба института технические. Вот что делает с человеком любовь, в данном случае к природе.

Страсть к охоте и охотничьим собакам неразделимы. Какой же охотник без хорошей собаки. И в книге автор отдает должное этим славным помощникам, фактически членам семей охотников. Читатели прочтут о бескорыстной верности четвероногих друзей и о некоторых, лишенных благородства, их двуногих хозяев. Но больше — об их взаимной любви.

Производим и реализуем
ГУМАННЫЙ КАПКАН КА-2

для отлова соболя, куницы,
белки, хоря, колонка.

ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Школьный опыт разведения фазанов

Работу выполнила ученица 9 «Б» класса МБОУ ЛСОШ №2 Александра ПОПОВА;
Руководитель — Т.А. ГАЙДУКОВА; Консультант — Председатель общественной комиссии
ЛОООиР В.П. РЯПЛОВ; Рецензент — Председатель ЛОООиР Ю.В. САВЕНКОВ

У Аншлага

Дорогая редакция! Пишет вам ученица 9 класса Лиманской средней общеобразовательной школы № 2 Попова Александра. Хочу представить вашему вниманию работу, которая продолжается уже десять лет и не одно поколение учащихся участвует в ней. Я — третье поколение. Вместе с Лиманским ООиР мы занимаемся восстановлением продуктивности западно-подстепных ильменей Лиманского района. Наши работы занимали призовые места на международных конкурсах.

В настоящее время я приостанавливаю свое участие в проекте, но работы не прекращаются. Обратите внимание на мальчика, который стоит со мной у Аншлага. Он и становится на время ответственным за данный участок разведения фазанов.

Лиманский район — негласный центр зоны западно-подстепных ильменей Астраханской области. Западно-подстепные ильмени (ЗПИ) — это совершенно уникальное природное образование и самостоятельная часть дельты р. Волги, которая отличается своеобразными природными условиями: климатом, водным режимом, почвенным покровом и биологическими ресурсами. Эти природные объекты нашего края выполняли и продолжают выполнять возложенные на них функции как главных естественных рыбных нерестилищ, так и среды обитания не одного, а всех хозяйственно значимых охотничьих животных. Один из них — фазан — прекрасный объект любительской охоты в нашем районе. Но во многих местах ЗПИ фазан оказался близок к полному истреблению.

Главный враг фазана — человек. Речь идет не об официальных охотниках, а о браконьерах. Тяжелее всего фазану приходится зимой, когда ослабевшую от голода и неспособную убежать птицу можно брать голыми руками.

Сокращает численность фазанов также уничтожение естественных условий обитания — высыхание западно-подстепных ильменей, вырубка кустарника, степные пожары. Эта проблема наших родных мест нас сильно взвол-

новала и мы, учащиеся Лиманской школы №2, попытались в течение двух лет заняться разведением фазанов.

Ознакомившись с азами охотоведения, наше научное общество решило доказать, что на отдельно взятом участке ЗПИ возможно разведение одного из видов птиц, способных расширить продуктивность охотничьих угодий западных подстепных ильменей.

Цель нашего исследования

1. Изучить биологические особенности фазана и исследовать состояние популяций в урочищах западно-подстепных ильменей.

2. Попытаться за два года довести численность фазана не только до количества, сохраняемого в природе, но и до возможного изъятия из природы путем охоты, а также переселения в соседний участок ЗПИ.

3. Доказать на основании проделанной нами работы, что разведение фазанов возможно без создания тепличных условий, а лишь улучшая его среду обитания путем улучшения кормовой базы и охраны мест обитания.

Продуктивность ЗПИ в сфере классификации обитания животного мира, а именно сохранения и размножения птиц. Подстепные ильмени — уникальная, взаимосвязанная водная система, расположенная в западной части Астраханской

области. В Лиманском районе такой взаимосвязанный природный каскад ильменей занимает площадь около 3,4 тыс. га и вместе с протоками насчитывает более двухсот водных объектов, относящихся к паводковой зоне западных подстепных ильменей. Питание их происходит волжскими водами от рукава Бахтемир в период весеннего половодья, а в межень они могут существовать в виде замкнутых водоемов. Обосабливание этих ильменей происходит из-за пересыхания на перекатах питающих их протоков. Это пересыхание играет существенную роль в водном режиме ильменей — не допускает обратный сток воды в Волгу. Поэтому ильмени паводковой зоны нашего района разделяются еще на проточные и обособляющиеся.

Крупные ильмени района имеют свои урочища — это заливаемая паводковыми водами территория вокруг ильменя. Эта мелководная, хорошо прогреваемая территория является кормовой базой водоплавающих птиц. По мере высыхания — становится местом прекрасных сенокосов и пастбищ для домашних животных. Для урочищ характерен обильный луговой тип растительности, где доминирующими видами являются: пырей ползучий, куриное просо, солодка, молочай, ажрычник, преобладают заросли тростника и рогоза. А в ильменах произра-

стают водные растения, такие как ежеголовка, сусак зонтичный, водяной лех, нимфейник, кувшинки, лох узколистный, ежевика, кубышки, отличающиеся летом мощным развитием, в результате чего водоемы сильно зарастают. Западно-подстепные ильмени — это не только места рыбных нерестилищ, но и места обитания большого количества птиц, таких как серая цапля, колпица, выпь, серый гусь, лебеди, кряква, серая утка, фазан. Многие из этих птиц являются объектами охоты. Но в последнее время биологические ресурсы используются не рационально. Браконьерский способ охоты, пересыхание отдельных ильменей привело к сокращению популяций многих птиц, в том числе и фазанов.

Биологические особенности фазанов

Наше экспериментальное исследование началось не только с изучения биологических особенностей фазанов, но и с наблюдения за их поведением в природе, которое мы проводили в районе западно-подстепных ильменей.

На территории Лиманского района обитает фазан северо-кавказский, который придерживается участков, поросших густой растительностью — травой, кустарником, околородными растениями. Все фазаны — оседлые птицы, иногда склонные к небольшому кочевкам. Мы выяснили, что большую часть жизни обыкновенный фазан проводит на земле и может довольно быстро бегать не только по открытым пространствам, но и в зарослях кустарников или высокой травы. Летает фазан мало и плохо, взлетает круто вверх, затем долго полого планирует. Замечали, что, несколько раз взлетев, он очень устает и стремится спрятаться в зарослях. Фазаны предпочитают селиться у воды, где имеется рядом густая растительность — пойменные леса, тростники, камыши, кустарниковые заросли.

Наши наблюдения показали, что фазаны держатся небольшими стаями или однополыми группами, так называемыми «гаремами». Питание фазанов в природе состоит в основном из растительной пищи — семян, ягод, корневищ и зеленых частей растений, хотя при возможности они питаются и животными кормами — насекомыми и их личинками, пауками, червями, моллюсками. Птенцы фазанов вначале потребляют животный корм, лишь с возрастом переходя к растительному. Пищу фазаны разыскивают в основном на земле, некоторые раскапывают почву ногами, иногда склевывают корм с нижних ветвей деревьев или кустов, до которых могут дотянуться клювом. Иногда фазаны заглатывают крупный речной песок, мелкую гальку и небольшие кусочки кварца, которые необходимы им для пищеварения. Соль, выступающую на поверхности земли, птицы потребляют для пополнения ее в организме.

В брачный период мы наблюдали за токовым поведением фазанов, сопровождавшимся сложными ритуалами. Вначале самец токует в одиночестве: ходит, приподняв хвост и вытянув шею, издает крики, повторяемые много раз. Самки находятся при этом неподалеку, по 3—4 птицы вместе. Затем самка присоединяется к самцу, образуя пару. Свою территорию самец фазана охраняет весьма рьяно, устраивая ожесточенные драки с другими самцами, наподобие домашних петухов. Многие виды фазанов моногамны, но есть и полигамные. Пары сохраняются в основном только на период яйцекладки. Спустя несколько дней после спаривания самка фазана строит гнездо. Оно располагается на земле, фазаны устилают его сухой травой и листьями растений, некоторые — перьями и пухом. При гибели кладки самка откладывает и высиживает следующую. Вылупившиеся птенцы покрыты густым пухом и несколько часов обсыхают под самкой. Через некоторое время птенец способен стоять на ногах и в первые сутки своей жизни уже бегают. Птенцы сначала держатся выводком, не удаляясь от гнезда. В случае опасности птенцы загибаются в густой траве. Самки фазанов могут принять к своим цыплятам и других, в результате выводки могут соединяться вместе и образовывать стаи до 20 птенцов. Осенью фазаны ходят стаями — отдельно самцы и самки. В стаях самцов насчитывается иногда до 50 особей, самки образуют мелкие стаи — до десяти особей.

Зимой фазанам трудно добывать корм, накопленный осенью жир исчезает.

Экспериментальный проект. Основная часть

Изучив территорию Камышовского охотхозяйства Лиманской общественной организации охотников и рыболовов, мы пришли к выводу, что для осу-

ществления нашего проекта нам необходима территория, на которой бы мы осуществили проектное исследование. Изначально нами был выбран один участок с небольшими валами и наличием зарослей лоха узколистного, пырея ползучего и другой растительности, являющейся хорошей кормовой базой для фазанов. Но проживание на данном участке семьи выдр заставило нас отказаться от этого участка, т.к. мы посчитали, что выдра будет уничтожать кладки, что и подтвердилось в дальнейшем. И поэтому мы остановились на полуострове между ильменями «Круглый» и «Улан-Хасын». Так как ильмени «Круглый» и «Улан-Хасын» соединяются между собой своими урочищами и искусственными валами протяженностью около 5 км, мы посчитали, что на данном участке природа создала все условия для воспроизводства кормовой базы, необходимой для жизнедеятельности фазана. Здесь произрастает лох узколистный, конопляник, ежевика и заросли лебеды.

Валы вытянуты с запада на восток, поэтому южные склоны хорошо прогреваются солнечными лучами, что способствует образованию проталин и открывает доступ к семенам лоха узколистного на протяжении всей зимы. Оголяющиеся склоны валов богаты не только семенами растений, но и выходами ракушечника, что позволяет фазану обходиться без галечников. А накапливающийся долгие годы в выемках валов пепел от весенних палов позволяет фазанам обходиться без искусственных пархалищ. Объяснив председателю Лиманской общественной охотничьей организации охотников и рыболовов цель нашей работы и необходимость выделения нам выбранной территории для проведения эксперимента, мы получили согласие. Данная территория на въездных дорогах была обозначена аншлагами. Лиманская общественная охотничья организация выделила нам двадцать цыплят фазанов.

Фазанята чувствуют себя прекрасно

Подаренных нам цыплят мы доращивали в сеточных вольерах на воспроизводственном участке Камышовского охотхозяйства. Когда цыплята повзрослели, мы стали их выпускать в дикую природу, где они привыкали к естественным условиям, а вечером возвращались в вольеры. В этот летний период Лиманский район сильно страдал от нашествия саранчи, которая поедала всё на своём пути. Саранча могла причинить ущерб кормовой базе фазанов. Проведение эксперимента могло оказаться под угрозой срыва. А в результате опыскивания экспериментальной территории ядами (с целью уничтожения саранчи) фазаны могли погибнуть. Наши опасения были напрасны. После обхода обработанной территории мы не нашли ни одного мертвого фазана. А вот щенки енота, которых мы нашли в углу нашего участка, погибли.

Следующий этап проекта состоял в улучшении кормовой базы фазана. Изучив информацию, полученную от охотников Кабардино-Балкарии в Чегемском районе по кормовой базе фазана на Северном Кавказе, где для подкормки фазана высаживали кустарники с ягодами, мы решили, что такой рацион не повредит и фазанам нашего региона. Создание кормовых полей — одно из основных и эффективных биотехнических мероприятий. Для этого мы высадили более трех десятков саженцев облепихи в урочищах ильмена «Круглый». Однако данный эксперимент не удался из-за того, что вырастающие молодые побеги облепихи зимой поедал скот. После двух лет попыток облепиху больше не культивировали. Мы решили, что целесооб-

разно подкармливать фазанов в зимний период зерном, поскольку естественных кормов зимой мало или они труднодоступны. Подкармливали систематически через неделю: для этого корм выкладывали на кормовые площадки непосредственно на землю. Но мы поняли, что такая подкормка не эффективна, потому что большую часть корма, выложенного на землю, заметал снег и затаптывали животные. Поэтому мы вынуждены были сделать кормушки и расставить их в определенных частях участка, защищенных от господствующих ветров, на возвышенных, сухих местах.

В феврале 2011 года мы подсчитали фазанов по крикам. На основании подсчетов, полученных нами по услышанным голосам на данной территории, из двадцати выпущенных фазанов сохранилось в первый год три курицы и один петух. Но мы не исключаем, что на данной территории к тому времени могло быть и большее количество птиц.

Мы решили, что данный эксперимент надо проводить до получения видимых результатов. На следующий год мы попросили у Лиманской общественной охотничьей организации 50 яиц фазанов, которые общество получило из Астраханского фазанария. Яйца заложили в бытовой инкубатор. Срок инкубации яиц составляет 21 — 22 дня. На 20 сутки, к вечеру, яйца начали наклевываться. Через сутки, в конце 21-го дня появился на свет 31 цыпленок фазана. Цыплят мы доращивали уже на территории двора.

И вот здесь началось самое сложное. За цыплятами, как и за всеми новорожденными, нужен был тщательный

уход. Первые три недели цыплят нужно содержать при температуре не ниже 38 градусов, при влажности воздуха не более 60%. Маленьких птенцов держали в коробках. Подростших молодых фазанов стали держать в вольере небольшого размера, который соорудили из сетки рабицы с величиной ячейки 2,5 x 2,5 см, крышу вольера закрывала капроновая сетка, чтобы птицы не разлетелись. Для того, чтобы они не потоптали друг друга или не утонули в поилке, мы постоянно следили за ними. Кормили вареным яйцом и зеленью.

Подростших молодых птенцов мы в дальнейшем выпустили из вольера. На основании предыдущих наблюдений мы выпускали фазанов на территорию известного нам «гарема». Мы заметили, что в природе курица фазана способна принять к своим, уже имеющимся цыплятам, пришлых цыплят. И уже в июле 2012 года мы видели бегущих строчкой по дороге более двадцати цыплят рядом со взрослыми курами.

Всю зиму (2012 г.) мы наблюдали пархалища, расположенные на валах. При обходе на каждом поднимали по пять — шесть фазанов. Так как охрана данного участка велась постоянно (внештатным егерем охотобщества), то уничтожение фазанов от рук браконьеров не наблюдалось.

В феврале (2013 г.) на выбранном нами участке мы наблюдали три «гарема». Отдельно живущие петухи встречались повсеместно. На основании проведенного подсчета научным обществом Лиманской СОШ №2 14 февраля 2013 г. при температуре воздуха от минус 4 до минус 2 градусов за три часа было установлено, что на выбранной территории обнаружено 42 фазана.

Заключение

Мы хотели этой работой показать, что каждый западный подстепной ильмень в своей продуктивности имеет такую составляющую охотничьего вида птиц, как фазан. При правильном выделении территории воспроизводственных участков по восстановлению численности фазанов, их подкормке в зимний период и охране, численность фазанов может быстро восстанавливаться. Наше научное общество, на основании своего исследовательского проекта, уверенно может предложить свой опыт восстановления фазанов различным туристическим базам, которые в большом количестве имеются в нашем Лиманском районе. Это поможет им за короткий срок создать условия для организации любительских охот, осуществляемых под егерским контролем, а значит, получить дополнительные экономические стимулы для привлечения туризма в наш регион.

Таким образом, человек будет сохранять и рационально использовать биологические ресурсы Астраханского края.

См. фото на 4-й стр. обложки

Подкормка фазанят

Живая память

В 2013 году опубликованы две книги, посвящённые памяти известного натуралиста, зоолога, популяризатора науки и воспитателя молодёжи Сергея Владимировича Маракова — «Живая память» и «Крылатая попутчица» (второе издание, дополненное и переработанное). Первая из них содержит воспоминания друзей, соратников и учеников Маракова о его жизни и деятельности. Вторая — сборник рассказов о наблюдениях за животным и контактах с ними в природе и неволе, пронизанный любовью и доброжелательностью, пробуждающий интерес к познанию живой природы, несомненно полезный для воспитания особенно детей. Эти книги увидели свет благодаря активной деятельности вдовы Маракова — Надежды Ильиничны Перминовой, осуществившей литературную обработку и составление текстов, дочери — Натальи Сергеевны Фоминой и зятя В.В. Фомина, обеспечивших финансирование и принимавших участие в организации издания книг.

Имя С.В. Маракова носит с 1 ноября 2010 г. самый дальний уникальный биосферный заповедник «Командорский», расположенный на Командорских островах на стыке Тихого океана и Берингова моря. Здесь прошли годы молодости Сергея Маракова — выпускника Московского пушно-мехового института, биолога-охотоведа, направленного в 1952 г. зоотехником в зверосовхоз на остров Медный. Оказавшись в этом экзотичном уголке планеты и будучи хорошо подготовленным специалистом-биологом и инициативным человеком, Сергей не ограничивался только своими должностными обязанностями. Уникальный животный мир Командорских островов стал предметом тщательного многолетнего изучения. Многочисленные публикации и высококачественные анималистические фотографии Маракова завоевали видное место в отечественных и зарубежных научных и научно-популярных изданиях.

В 60-е годы прошлого столетия Мараков прошёл по конкурсу на должность старшего научного сотрудника ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства и переехал в г. Киров. Здесь он сменил солёные тихоокеанские воды на пресные балхашские и переключился на изучение ондатры. Многие годы он посвятил этому району Казахстана и внёс заметный вклад в изучение экологии этого грызуна и в совершенствование организа-

ции рационального использования его ресурсов в Балхашском промхозе. Но первая любовь и в эти годы влекла его на Командоры, куда он неоднократно возвращался и продолжал исследования, расширив их масштабы с привлечением сил и возможностей Камчатского отделения ВНИИОЗ.

На третьем этапе своей творческой, увы, непродолжительной жизни Мараков сохранил живой интерес к Командорам и Дальнему Востоку, работая доцентом и заведующим кафедрой биологии промысловых зверей и птиц на факультете охотоведения Кировского сельскохозяйственного института (ныне Вятской государственной сельхозакадемии). В этот период особенно отчётливо проявились его качества преподавателя и воспитателя, способного, как трактует известная мудрость — «не наполнить ученика знаниями как сосуд, а зажечь его как факел». На этом поприще он не всегда находил понимание со стороны коллег и руководителей, исповедовавших традиционно-архаичный подход преподавания в вузе. Минувшие годы доказали его правоту. «Зажжённые» дальневосточной романтикой кировские студенты-охотоведы, проходившие производственную практику под руководством Маракова на Командорских и Курильских островах, на Камчатке, в Хабаровском крае и Приморье, стали работать там после окончания института, приобрели авторитет и известность, в том числе и на международном уровне. Они участвовали

Сергей Владимирович Мараков

и участвуют в совместных экспедициях со специалистами США и Канады по изучению морских млекопитающих, стали кандидатами и докторами наук. Благодаря деятельности своих выпускников Кировский сельхозинститут обрёл международную известность.

Дочери Маракова — Наталья и Татьяна вышли замуж за охотоведов и уехали работать на Дальний Восток. Старшая из них — Н.С. Фомина, заслуженный учитель и общественный деятель Алеутского района Камчатской области и сейчас живёт на Командорах. Младшая — Т.С. Арамилева возглавляла Приморское краевое общество охотников и рыболовов, а в настоящее время она Президент Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» в Москве.

Следует отметить правоту Маракова и в том, что хорошо организованный туризм на Командорах может стать весьма существенной статьёй дохода и со временем может превысить уровень доходов от промысла котиков и звероводства (см. статью Маракова «Земля в океане» в книге «Живая память»). Действительно, тяга современного общества к первозданной природе велика и будет возрастать в будущем. Естественные объекты дикой природы приобретают несравненно более высокую экономическую ценность, чем рукотворная продукция. Поэтому в условиях рынка основным источником финансирования природоохранной деятельности и поддержания естественного состояния экосистем являются разумно спланированные и нормированные услуги населению в области экологического туризма, в том числе и в определённых ограниченных зонах особо охраняемых природных территорий и акваторий. Организованный экологический туризм — лучший способ повышения экологической грамотности общества.

В. САФОНОВ, чл.-к. ПАН

Живая память

Фото на конкурс

Наступил последний выходной сезона охоты на пушного зверя. Рано утром я проснулся, собрал рюкзак, взял ружьё, патроны, и на всякий случай ещё не закрытую лицензию на кабана. Зверя в этот день я не добыл, даже и не видел. И пока ходил по лесу, фотографировал всё, что видел. Стояла прекрасная погода: легкий морозец, тихо и ясно. Вдоволь находился по лесу со своей западносибирской лайкой по кличке Белка. Пора возвращаться домой. По дороге встретил знакомого охотника, сфотографировал его вместе с трофеями и с русской гончей — выжломом, по кличке Бушуй. Дома отобрал понравившиеся мне снимки и выслал их на фотоконкурс редакции.

Николай КОЧЕРГИН

*Курская область,
Цигровский район,
д. Сергеевка*

Оптимизация охотничьего хозяйства

С незапамятных времен охотники сооружали в угодьях из бревен и жердей нехитрые навесы и выкладывали подкормку, чтобы в зимнюю бескормицу лесные обитатели не гибли от голода, а летом, чтобы приваждать к месту, где сами охотились. Что изменилось с той далекой поры?

Архаичная технология, тяжелый физический труд требуют огромных затрат, в том числе материальных, а коэффициент полезного действия мизерный. Кормушка и сегодня представляет собой участок лесной земли, огороженный жердями, с крышей, которая должна защищать прикормку от снега и дождя. Высыпанный горкой корм портится, гниет, животные втаптывают его в почву, расхищают птицы и грызуны. Егеря с горечью говорят: кучами нагружаем — кучами теряем. А привозить небольшими партиями можно не всегда и не везде. Охотничьи угодья в большинстве полноценных хозяйств составляют не один десяток тысяч гектаров, и объезжать кормушки хотя бы один раз в три дня егеря не могут по причине чрезмерных затрат материальных средств, которых всегда не хватает. Объехать десяток подкормочных площадок (не менее 100 км) — это потратить целый рабочий день. Егеря имеют много других обязанностей по охотничьему хозяйству: ведут охрану угодий, организуют охоту, помогают приехавшим в хозяйство охотникам-клиентам. Никакая работа не отнимает так много времени, как подкормка диких животных, но отказаться от нее нельзя: если перестать зверей подкармливать, они уйдут «на дальний кордон». Тогда весь коллектив хозяйства останется без работы.

Многие охотники удивляются, что стоимость трофея значительно выше, чем стоимость лицензии. Из чего же складывается цена добычи? Любой руководитель охотничьего хозяйства в стоимость трофея включает все расходы охотхозяйства: зарплата егерей, обслуживание кормовых мест, бензин, борьба с браконьерами и многое, многое другое. Так как же сократить эти расходы?

Если соблюдать два главных условия охотничьего хозяйства — кормить и охранять, то звери всегда будут находиться в угодьях. Так любят повторять работники охотхозяйств. Для охраны охотничьих угодий используется штат егерей и транспорт. Самое же главное и, одновременно, самое сложное в работе егерей — это добыть, чтобы звери постоянно нахо-

дились на территории охотхозяйства. Сделать это легко при помощи правильной, дозированной подкормки. В веке двадцать первом проблема правильной и рациональной подкормки решается благодаря использованию современных технологий. Имя этой технологии — автоматические кормушки Moultrie.

Автоматическая кормушка — это эффективный помощник егеря, который сберегает материальные ресурсы и дорогое рабочее время. Кстати, автоматическая кормушка универсальна и находит применение там, где дело касается кормления не только диких, но и домашних животных. Автоматическая кормушка крепится на любую емкость. Можно установить ее на ведро, бочку или бункер емкостью до 1000 литров. Конструкцию можно поставить на землю, закрепить на столбе или стене, подвесить на перекладину или толстый сук дерева.

Автоматические кормушки Moultrie — устройство с электронным управлением. Крепится снизу емкости в которую засыпают корм. Работает от любого источника питания 6 вольт (батарея типа D или аккумулятор с солнечной батареей). Можно самостоятельно настраивать время кормления (до 6 раз в день) и количество выдаваемого корма, который разбрасывается (зависит от диаметра фракции корма и установ-

ливается опытным путем). Есть модели с уже готовой емкостью 136 л, сборка которых очень проста и не требует наличия инструментов.

Фотоловушка Scout Guard — предназначена для наблюдения за животными в лесу, в среде их естественного обитания.

Животные не видят и не чувствуют камеру, не боятся ее, поэтому ведут себя естественно. Лесные камеры можно использовать для подсчета численности животных, для определения путей миграции, а также для оперативной борьбы с браконьерами.

Все камеры могут снимать как днем, так и ночью. Для ночной съемки используют ИК-подсветку. В новых моделях фотоловушек используют затемненные ИК-диоды или диоды нового поколения, включение которых ночью не отпугивает животных. Человеческий и звериный глаза их не видят (длина волны 940 Нм). В камерах используется бесшумный затвор, таким образом работа лесной камеры полностью незаметна для обитателей леса.

Некоторые модели камер оснащены функцией MMS, которая работает в сетях GSM-900/1800/1900. Фото с определенным интервалом времени, в момент, когда срабатывает датчик движения (задается в настройках камеры), отправляется на телефон в виде MMS-сообщения или в виде jpg-изображения на эл. почту.

По вопросам приобретения обращайтесь www.hunt.ru.
Тел. 8-800-333-05-31 (звонок по России бесплатный)
Для оптовых покупателей, а также охотхозяйствам
предоставляются большие скидки

БЕДЕЛЬ В. Выставки охотничьих собак. Что делать?	1
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация	2
НАЗАРОВ А. Мартовские зайцы	4
ПЕРОВСКИЙ М. Добыча охотника и стандарты	6
ИГНАТЬЕВ В. Гуманные способы добычи пушных зверей	9
РЯБЦЕВ В. Судьба мигрирующих птиц Восточной Сибири	10
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	13
ДЬЯЧКОВ В. На практике	14
ДИГИЛЕВИЧ А., БЛЮМ А. На подкормочной площадке	18
ФЕОКТИСТОВ Н. Первые охоты с Василием Егоровичем и его гончей	20
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. Friedrich Wilhelm Neum	22
Филь В. День охотоведов	24
БЛЮМ А. Снаряжение патронов малых калибров	26
ГАЛКИН Н. Такой разный март	28
СТАРЧЕНКО Н. Закрайки. На восходе солнца. По разделительной полосе. В буреломе. Двое суток на родине	30
ПЕРМИНОВА Н. Стихи	34
ГРЕКОВ В. Первая дичь	36
КАЛИНИН И. У земли	39
РЕПИН В. Иваныч	40
ПОПОВА А. Школьный опыт разведения фазанов	42
САФОНОВ В. Живая память	45
КОЧЕРГИН Н. Фото на конкурс	46
Оптимизация охотничьего хозяйства	47
ШИШКИН В. Джек	48

На первой странице обложки:
Наталья Алексеевна Колесникова — биолог-охотовед,
сотрудник охотничьего хозяйства «Смоленское»
Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
Анжелика Викторовна Андреева с трофеями
Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:
К очерку «Школьный опыт разведения фазанов»
Александра Попова — автор очерка
В № 12, 2013 г., на стр. 2 подпись под фото нужно читать:
Клен ясенелистный — сильнейший аллерген

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер **Н.М. Видулина**
Художественный редактор **М.Л. Кнерцер**
Оператор компьютера **Н.В. Дервиз**
Корректор **З.М. Данилова**
Фотокорреспондент **А.Ф. Дигилевич**

Сдано в набор 14.01.2014 г. Подписано к печати 06.02.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 269.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Третий вид из семейства дроф, обитающий, в том числе в России, в ряде стран ближнего и дальнего зарубежья, — **джек**. Эта птицу называют также дрофа-красотка, вихляй, хаубара. Джек заселяет области полупустынь и пустынь с твердым субстратом, остепненные участки предгорий от Северной Африки и Аравии до Монголии и Северного Китая. Ранее широко распространенный от Северо-Западного Прикаспия до Тувы в России, так и республиках Средней Азии, данный вид везде снижает свою численность. В России — около 50 пар. Эта тенденция наблюдается по всему ареалу.

Джек заметно меньше дрофы, но крупнее стрепета. Длина до 70 см, размах крыльев более 1,5 м, вес до 3 кг. Окраска спины песчаная с мелким струйчатым темным рисунком, с черноватыми пятнами. Брюшная сторона белая. По верху хвоста 3 черных поперечных полосы. На темени — торчащий во все стороны хохол из тонких белых перьев. Горло светлое, передняя часть шеи сизовато-серая. По бокам шеи свисают широкие порции удлинненных перьев, ближе к zobу — белые, а за ними — черные с одной поперечной белой полосой. Во время тока, когда птица носится пробежками из стороны в сторону, белые перья вздымаются в виде растрепанного плюмажа, почти закрывая закинутую назад голову. На светлом верхе крыла развит и черный цвет в виде темных концов маховых и кроющих маховых перьев. Самка меньше самца, окрашена сходно, демонстрационные перья и хохол короче. Ноги желтовато-серые. Радужина светлая.

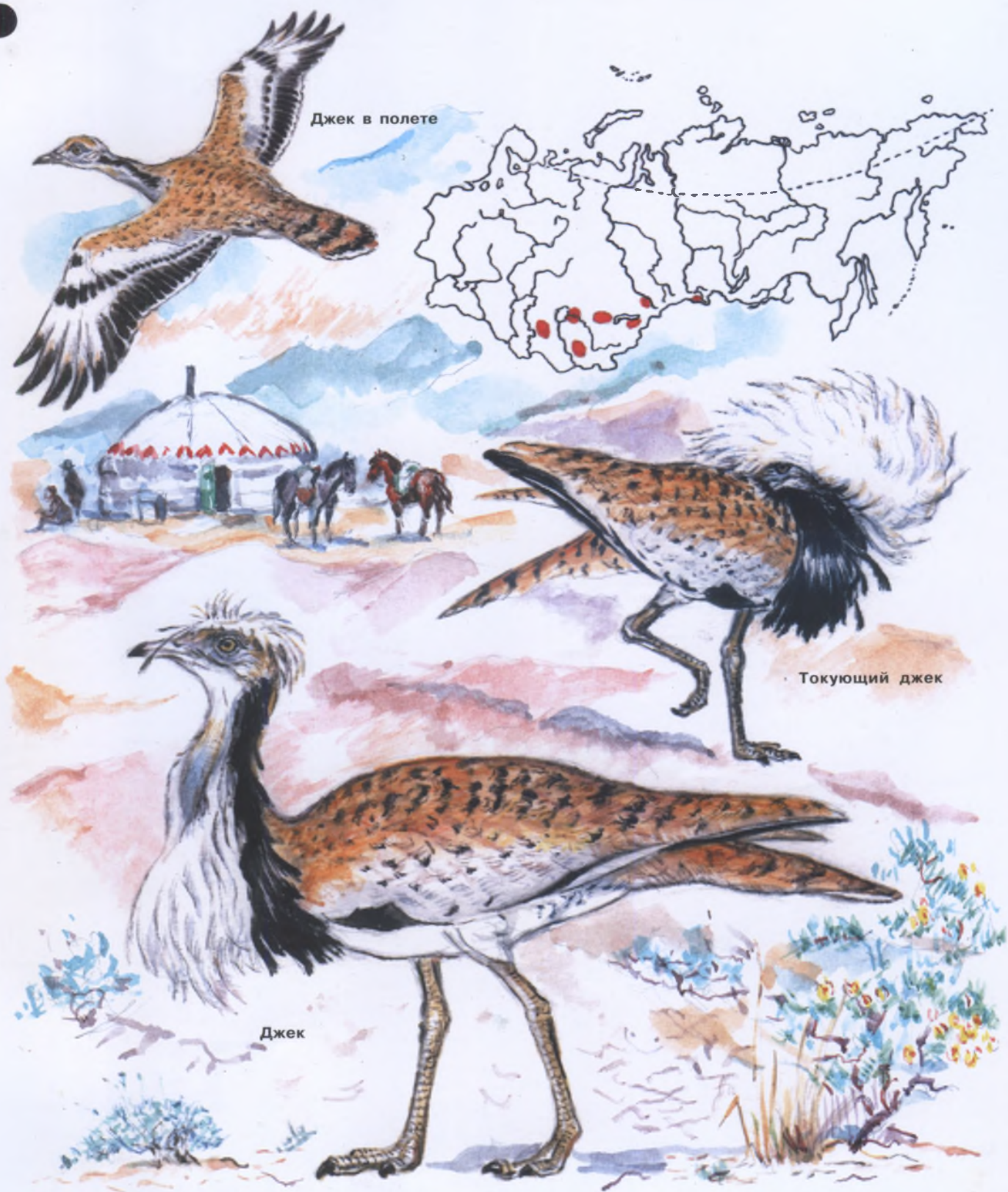
Джеки, обитающие на севере ареала, в том числе в России, перелетны, на юге — оседлы. На гнездовых участках появляются у нас в середине марта. В разреженных популяциях пары могут быть постоянны, но часто партнеры меняются. В обычной жизни и даже во время токовых демонстраций джек довольно молчаливая птица. Гнездовую территорию самец активно обороняет. Гнездо, как правило, небольшая лунка в земле. В кладке обычно 3 яйца эллипсоидной формы, со скорлупой буровато-оливкового цвета, испещренной коричневатыми пятнами. Насиживает только самка около 4 недель. После гибели первой кладки возможна повторная. Пуховики окрашены криптически: по золотистому фону сложный рисунок буроватых пятен и полос. Первые дни птенцы слабы и малоподвижны. Самка кормит их 2—3 недели. На крыло становятся в возрасте 35 дней.

Рацион питания смешанный, летом в наибольшей степени, по сравнению с другими дрофами, преобладают животные корма: мелкие ящерицы, жуки, прямокрылые и т.д. Осенью и зимой увеличивается доля растительных кормов.

Отрицательно влияет на численность джека деятельность четвероногих и пернатых хищников. Еще больший урон наносит выпас скота в традиционных местах гнездования этого вида, усиление фактора беспокойства. Но особенно губителен для джека оказался пресс традиционной охоты с ловчими птицами на местах зимовок. Богатые арабские любители таких охот, по данным локальных учетов, могли за сезон истреблять до 75 % зимующих дроф-красоток. В Пакистане пробовали вводить трехлетний мораторий на подобный тип охот, но большого успеха это не дало. Более перспективным оказался путь создания специализированных питомников с последующим выпуском выращенных птиц в природу. Аналогичный питомник существовал и под Бухарой. Джек включен в Красную книгу России, в Красные книги некоторых стран ближнего и дальнего зарубежья. Он охраняется в ряде заповедников и заказников. Любые сведения о встречах джека на территории России, находках гнезд или пуховых птенцов представляют большой научный интерес и могут быть опубликованы в нашем журнале, а также в специальной орнитологической периодике.

В. ШИШКИН

Индекс: 79673 от полгода 72376 на год

ISSN 0131-2561 Журнал «Степная зоология» № 3. 1. 48